

А.А. Щевьёв

МИКРОИСТОРИЯ СЕЛА:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ
И «МИРСКОЙ» КУЛЬТУР
И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
(С. КОРОВКА XVII–XX ВВ.)

Монография

Рязань
Издательство «Концепция»
2014

УДК 27+908
ББК 63.3 (2 Рос–4 Ряз)
Щ31

Рецензенты:

Г.Я. Козлов, д-р ист. наук, проф.
(РГУ имени С.А. Есенина)
А.С. Соколов, д-р ист. наук, проф.
(РГРТУ)

Щевъёв А.А.

Щ31 Микроистория села: взаимодействие старообрядческой и «мирской» культур и социальные отношения (с. Коровка XVII–XX вв.) : монография / А.А. Щевъёв. – Рязань : Издательство «Концепция», 2014. – 136 с.

ISBN 978-5-4464-0028-7

Работа является попыткой микроисторического исследования села с многоукладной культурой представителей официальной православной церкви и старообрядцев. Монография затрагивает также вопросы краеведения в пределах села Коровка (XVII–XX вв.). Книга предназначена историкам, краоведам и всем интересующимся региональной историей и старообрядчеством центральной России.

историческая антропология, казачество, книжная культура, краеведение, микроистория, микросоциум, религия, региональная история, старообрядчество, старообрядческая культура.

УДК 27+908
ББК 63.3 (2 Рос–4 Ряз)

ISBN 978-5-4464-0028-7

© А.А. Щевъёв, текст, 2014
© Л.Н. Щевъёва, обложка, иллюстрации, 2014
© И.А. Щевъёв, А.А. Щевъёв, фотографии, 2014
© Издательство «Концепция», 2014

Моим Щевьёвым –
прошлым, будущим
и настоящим...

Предисловие

Русская сельская ментальность и «городской» взгляд

На сегодняшний день отношение подавляющего большинства городской общественности к сельскому социуму можно кратко описать одной-единственной крылатой фразой-формулой – «страшно далеки они от народа». Действительно, устоявшееся и постоянно поддерживаемое массмедийными структурами мнение об ограниченности сельской ментальности несколько, мягко сказать, обескураживает. Нет пока у нашего народа, который только что из деревни вышел и живет, может быть, только в первом поколении «в столицах», понятия, что сама культура России прячется именно в сельской местности. Но ни до чего, кроме матрешек, самоваров, лаптей и частушек, нет дела горожанину, как и брату его – иностранному туристу, которому видится страна наша прибежищем медведей и пахнущих луком и водкой мужиков в овчинных тулупах, в валенках и на санях катящихся по вечным заснеженным лесам. То ли стыдно городскому жителю за себя, то ли память его слишком коротка?

В то же самое время русская деревня исчезает медленно и верно, теряется безвозвратно и невозполнимо. К сожалению, только немедленные кардинальные и адекватные реформы могут хоть что-то изменить. Но есть ли дело власть имущим до российской глубинки, которую и сами они воспринимают как вышеупомянутые горожане и иностранные туристы? Думается, что нет.

Село вымирает. Молодежи нечего делать в сельской местности – нет работы, инфраструктуры, просто нет будущего. Теперь исчезло подавляющее большинство сельских школ, такой уникальной системы, которая смогла пережить и Великую Отечественную войну, и ужасающий упадок середины 90-х гг. XX в. Сельские библиотеки не востребованы, дома культуры пережили свою необходимость. Теперь же, в благополучные двухтысячные, мы имеем то, что имеем – сельский микросоциум исчезает.

Утрачены многие культурные звенья старообрядческой цивилизации центральной России, которые просто-напросто не успели как следует изучить в «полевых» условиях. И вот от этого становится грустно...

Работа над сбором информации для этой книги была начата в середине 90-х гг., когда под руководством наставников Н.М. Щевьёвой, О.А. Мацкайловой, Г.М. Ключковой оформлялся первоначальный материал. По-иному посмотреть на проблему истории с. Коровка позже помогли профессор А.А. Севастьянова и профессор В.В. Бояр-

ченков. Именно они указали на сам потенциал микроисторического исследования, на возможность анализа книжной культуры населенного пункта, на нюансы многоукладной культуры. Время шло, и работа подспудно продолжалась. В итоге все вылилось в попытку микроисторического исследования.

Теперь многое из того, что изучалось, ушло безвозвратно: ушли обычаи, обряды, поменялись названия улиц, ушли те люди, которые могли рассказать и объяснить с присущим сельскому жителю культурным колоритом непосредственного участника событий. К сожалению, таких нюансов не фиксируют никакие архивы и уж тем более бодрые отчеты в вышестоящие инстанции...

Слова особой признательности хочется сказать тем, кто оказал поддержку в выпуске данного печатного издания, как моральную, так и материальную. Без этой помощи появление книги было бы крайне затруднено.

Автор

Введение

Россия представляет собой широкое поле для различных исторических исследований. Особенный интерес в этом плане вызывают так называемые локальные сообщества или микросоциумы: города, села, деревни, семейные «кланы», трудовые коллективы. Новые грани в познании их своеобразия открывает такое направление исторической науки, как микроистория.

Актуальность микроисторического исследования доказывает востребованность этого направления исторической науки в настоящее время. Людям становится все интереснее узнавать не далекую от них, отстраненно-холодную глобальную историю, но в контексте ее познать такую близкую микроисторию своего города или села, историю собственной семьи, погрузиться в повседневные заботы своих далеких предков или очень близких прабабушек и прадедушек.

Любой исторический анализ судеб России немыслим без исследования сельской повседневности, сельской микроистории, так как каждая деревня, каждое село представляли и представляют собой своеобразное отражение политики государства и состояние общества в целом. Однако существуют такие населенные пункты, где некоторые грани развития страны выглядят наиболее показательно, рельефно и интересно.

Предметом нашего микроисторического исследования станет с. Коровка Сапожковского района Рязанской области, а хронологическими рамками работы мы обозначим XVII–XX столетиями. Однако изредка мы будем выходить за них, что необходимо для ясного и последовательного повествования.

Научное значение данной работы состоит в том, что с. Коровка с многоукладной культурой (и с представителями официальной православной церкви, и со старообрядцами) разбирается с помощью микроисторического анализа впервые.

Автор использовал целый ряд новых, неопубликованных архивных источников и материалов, в том числе попытался проанализировать статистические данные. Впервые микроисторическому анализу в данной культурной общности подвергнута книжная культура населенного пункта и другие источники.

При написании исследования нами был проработан пласт литературы по различным аспектам работы, а также источники, так или иначе касающиеся интересующего нас населенного пункта.

В первую очередь следует отметить, что исторических или иных работ, посвященных непосредственно с. Коровка, не существует, либо они не были автором обнаружены. Фрагментарно и косвенно этот населенный пункт рассматривается (со стороны краеведческой) только в нескольких работах.

Первой, в хронологическом плане, мы разберем широко известную в кругах историков и краеведов работу И. Добролюбова «Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии»¹, написанную еще в конце XIX в. и переизданную в 1996 г.

В первую очередь в этой книге присутствует описание истории церкви Троицы, находящейся в с. Коровка. Однако указывается и на источник первого упоминания самого села, краткое описание его социального состава, список настоятелей с самого «основания села» и до конца XIX в. Автор использует большое количество источников: клировые ведомости, отчеты Братства св. Василия Рязанского, межевые книги Сапожковского городища, окладные книги и другие косвенные источники. Кроме того, И. Добролюбов использовал документ, который нам обнаружить так и не удалось. Это «Дело, по доношению причта с. Коровки, о водворившейся в том селе секте. 1819 г. окт. 7, на 243 л.». Видно даже по количеству листов, что данное дело очень информативно, но все наши поиски пока ни к чему не привели. По сути, И. Добролюбов первым из исследователей обратил внимание на религиозную особенность с. Коровка. Сама по себе статья о Коровке для этой книги достаточно обширна и занимает почти два полных листа, тогда как некоторые населенные пункты описаны в одном абзаце или на части страницы.

Краеведческое движение 20-х гг. XX в. затронуло и Сапожковскую землю. Местные исследователи П.П. Стаханов и Н.П. Стаханова кроме того, что начинают собирать экспонаты для местного краеведческого музея и обрабатывают обширные материалы земств, пишут несколько работ, посвященных истории Сапожка. Основу их исследований составляет именно анализ этого бывшего уездного городка, и лишь изредка проскальзывают упоминания о других селах и деревнях района. В одной из работ мы встречаем краткое упоминание с. Коровка², где вновь подчеркивается религиозная особенность этого села.

Самой крупной работой, посвященной Сапожковской земле, является труд местного краеведа И.А. Кузнецова «Сапожковский край: время, события, люди», первое издание которого вышло в 1999 г. (переиздана книга в 2003 и в 2012 гг.)³. Эта работа представляет собой довольно обширное обобщение опыта историков-краеведов Сапожковской земли и является единственным в своем роде исследованием бывшего Сапожковского уезда. Такое стало возможно только благодаря многолетней и кропотливой работе автора – И.А. Кузнецова.

Попыткой рассмотреть сапожковское, а следовательно и коровкинское, казачество является книга рязанского историка П.С. Каданцева

¹ Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии : в 4 т. Рязань, 1996.

² Стаханов П.П., Стаханова Н.П. «Сапожковское городище» писцовых книг 1627–1628 гг. со стороны историко-этнографической // Труды Сапожковского отделения общества исследователей Рязанского края. Сапожок, 1927. Вып. II. С. 6.

³ Кузнецов И.А. Сапожковский край: время, события, люди. Рязань, 1999.

«Казачьему роду нет переводу»¹. Однако эта работа не выдерживает никакой исторической критики – в ней совершенно отсутствует список использованных источников и литературы, а следовательно, и сноски на них. Таким образом, книгу нельзя назвать не только исторической, но и краеведческой. Это скорее «размышления на тему» или беллетристика.

Таков список работ (за исключением «Рязанского топонимического словаря», где можно видеть совершенный абсурд, не сопряженный ни с какими историческими и краеведческими изысканиями), в которых только кратко упоминается с. Коровка.

Наша работа имеет несколько аспектов, по которым использовалась специальная и общая литература, не касающаяся непосредственно с. Коровка. В частности, был проанализирован пласт работ, посвященных микроистории (их историографический обзор будет дан в главе I). Кроме того, для лучшего понимания религиозной составляющей культуры села была использована следующая литература.

С общекультурных позиций к проблеме раскола в Русской православной церкви (далее – РПЦ) подошел П.Н. Милюков в своей работе «Очерки по истории русской культуры»². Проблема раскола, по мнению исследователя, есть нечто обусловленное самим развитием РПЦ. Автор рассматривает не только основные раскольнические толки, но и старообрядческие и другие секты, которые появлялись на протяжении существования русской церкви. Работа написана хорошим литературным языком, имеет большой библиографический список и представляет собой подробное исследование раскола, насколько это возможно в рамках общей работы по истории культуры.

Книга Н.М. Никольского «История русской церкви»³ раскрыла некоторые особенности раскола в контексте общей истории Церкви в России. Однако, «участник научно-атеистической пропаганды», он, подчас, однобоко смотрел на проблему религии вообще и раскола в частности.

Работа С.А. Зеньковского «Русское старообрядчество»⁴ представляет собой интересное исследование, которое рассматривает не только фактические изменения в русской религиозной жизни, но и особенности воззрений и мировоззрения старообрядцев. Достаточно точно описано отношение раскольников к таинствам церкви и «никонианам».

Книжная культура села была рассмотрена с помощью таких общих работ, как: «Книги Старого Урала»⁵, Н.Ю. Бубнов «Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.»⁶. «Книги Старого Ура-

¹ Каданцев П.С. Казачьему роду нет переводу: книга о сапожковских и других рязанских казаках. Рязань : Русское слово, 2002.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М., 1994.

³ Никольский Н.М. История русской церкви. М. ; Л., 1931.

⁴ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М., 1995.

⁵ Книги Старого Урала. Свердловск, 1989.

⁶ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995.

ла» – интересная работа, посвященная истории книги указанного региона, где особое внимание уделяется старообрядческой литературе. Широкой иллюстративный материал помогает увидеть специфику раскольнической книги, рассмотреть некоторые особенности ее бытования.

Исследование Н.Ю. Бубнова посвящено в большей степени рукописной книге, но в монографии присутствуют общие принципы исследования и печатной литературы старообрядцев, один из вариантов ее классификации.

Много информации по ряду проблем нами было обнаружено в сети Интернет. В частности, на одном из сайтов представлено исследование И.В. Починской «Старообрядческое книгопечатание»¹. Работа эта очень интересна с точки зрения исследования генезиса и функционирования основных книжных центров старообрядцев, из которых литература поступала в местные общины раскольников. Кроме широкого привлечения разнообразных источников, книга имеет богатый иллюстративный материал.

Кроме того, была использована и другая литература, касающаяся данной работы.

При написании исследования мы попытались проанализировать архивные источники, касающиеся исследуемого населенного пункта. Широко привлекались документы духовной консистории, в частности «Клировые ведомости»². Они дают возможность детального анализа некоторых аспектов крестьянской жизни внутри религиозной общины, рассмотреть историю развития местной церкви и многое другое.

Был использован фонд рязанского губернатора³, где в архивных делах мы смогли обнаружить именные списки раскольников села, их общее количество, мероприятия губернского правительства, направленные против раскольников. Использовался ряд дел из различных судебных инстанций Сапожковского уезда⁴.

Однако все эти источники требуют критического рассмотрения. Особенно указанный фонд губернатора и материалы уездных судов, так как иногда чиновники на местах могли занижать число раскольников (мы перепроверяли число раскольников с помощью документов духовной консистории), а в нашем случае, судя по всему, не называть моленные дома в селе. Более достоверным источником являются документы духовной консистории, так как православной церкви было важно знать правдивую картину, для того чтобы бороться с расколом. Авторы источников начала XIX в. более жестко относятся к старообрядцам и находятся в русле политики правительства. С середины XIX

¹ Починская И.В. Старообрядческое книгопечатание // История и культура старообрядчества. URL: www.eunnet.net

² Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 627. Оп. 240. Д. 8, 15, 22, 31, 47, 58.

³ Там же. Ф. 5 Оп. 1. Д. 3359, 486, 789, 2266, 1328 ; Оп. 4. Д. 293.

⁴ Там же. Ф. 733. Оп. 1. Т. 1. Д. 917, 984.

столетия просматривается некая миротворческая позиция в «раскольничьем вопросе».

При написании работы мы пытались привлечь материалы земств, однако оказалось, что с. Коровка находилось как бы не в ведении всей этой системы. Ничего, кроме численности населения по ревизии и ведомственной переписки Сапожковской земской управы о состоянии хлебных запасов в Михеевской волости (1877–1879 гг.)¹, нам обнаружить не удалось, хотя по другим селам и деревням есть очень интересный материал.

В качестве оригинального справочного материала мы использовали документы Сапожковского лесничества и просмотрели планы лесных дач и лесных участков сел и деревень уезда², для того чтобы понять некоторые географические особенности изучаемой местности.

Использовались и другие архивные источники, касающиеся интересующего нас населенного пункта.

Особое внимание нами было уделено другим двум видам источников. Это – устные источники и книжная культура. Устные источники требуют постоянной перепроверки, особенно это касается событий XX в. Подчас по разным источникам мы получали совершенно противоположные сведения. Поэтому очень часто требовалась скрупулезная сверка, а иногда и отказ от интересных версий.

Особое внимание нами было уделено книжной культуре населенного пункта. Конечно, ее нельзя назвать особенно богатой, но те книги, которые нам удалось обнаружить, представляют собой интересные образцы старообрядческого книгопечатания.

Таким образом, источниковая база, литература по указанным проблемам позволили нам поставить цель исследования.

Целью нашей работы является анализ и раскрытие с помощью использования микроисторического метода исследования особенностей многоукладной культуры с. Коровка в контексте общей истории нашей страны.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- провести теоретический анализ генезиса понятия микроистории;
- подвергнуть рассмотрению главные черты изменения социального статуса населения с. Коровка;
- сравнить ключевые особенности развития государственного с. Коровка и помещичьих владений;
- показать повседневность и быт крестьянина в с. Коровка;
- представить оригинальную сельскую книжную культуру с. Коровка;
- выявить место и рассмотреть особенности религиозных отношений в сельском обществе с. Коровка;
- проанализировать развитие образовательной системы села через призму ментальности сельского учителя.

¹ ГАРО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 45.

² Там же. Ф. 831. Оп. 2. Д. 2, 3.

ПЛАВА

I

**Развитие направления
микроистории
и историография**

§ 1. Появление терминов «микроистория» и «историческая антропология» в зарубежных исследованиях

Тема настоящей работы требует уделить достаточное место ключевому определению исследования – микроистории.

Это относительно новое понятие в исторической науке и оно очень часто ассоциируется с краеведением, что во многом неверно. Наиболее правильным представляется следующее определение: микроистория – это «направление социальной, культурной и экономической истории... с конца 70-х годов (прежде всего в Италии и других европейских странах)»¹. Она обращает основное внимание на определенного индивида «со всеми его неповторимыми биографическими особенностями, со спецификой его социальных контактов, родственных связей, сложившихся зависимостей, со всеми свойственными ему устремлениями, пристрастиями и привязанностями»².

Сама по себе микроистория достаточно интересна и не для профессионалов. Однако она, «помимо увлекательности и утоления интеллектуального голода, привносит в процесс познания прошлого образность и эмоциональную яркость. Под их воздействием некогда чуждое и малопонятное событие другой исторической эпохи становится

¹ Медик Х. Микроистория // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. М. : Альманах, 1994. Т. 2. № 4. С. 193.

² Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. М., 1995. С. 5–6.

не только ближе, но и переживается как личный опыт»¹. Таким образом, микроистория – это направление в исторической науке, занимающееся рассмотрением малых территорий и популяций².

Однако, говоря о термине «микроистория», не стоит забывать смежное, или даже более широкое, понятие исторической антропологии. То есть в контексте развития микроистории немыслимо говорить о данном направлении исторической науки без исторической антропологии.

Есть целый ряд точек зрения на возникновение исторической антропологии. «А. Бюргер истоками... считает "Историю частной жизни французов" Легранд'Осси, историка конца XVIII века, позднее Жюля Мишле и, естественно, школу «Анналов»³, которая была основана историками-французами Марком Блоком и Люсьеном Февром в 1929 году вместе с началом издания журнала «Анналы», соответственно. Но появление исторической антропологии нельзя связывать только и исключительно с французской исторической почвой. Проявлять себя она начала и в Англии, и в Германии, и в США, и, в конце концов, в России. «Если говорить о российской традиции, то предпосылки историко-антропологического подхода можно найти в трудах Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского, А.С. Лаппо-Данилевского и других ученых середины XIX – начала XX вв.»⁴.

В 60-е гг. историки, как бы разочаровавшись в возможностях экономической истории, обратились к изучению истории ментальностей. Уже с начала 70-х гг. заговорили о «возвращении события» и политической истории в проблематику исследования⁵.

В 1970 г. английский историк А. Макфарлейн выпустил книгу «Семейная жизнь Ральфа Джосселина, священника XVII в. Очерк исторической антропологии». Основанное на дневниках, исследование представляло собой погружение в детали жизни человека, его повседневные заботы и мысли. «Другой благодатной темой для историко-антропологических штудий стала история колдовства и магии»⁶. Например, в работе уже упомянутого Макфарлейна «Магистры и колдуньи» рассматривается «охота на ведьм» на уровне деревни.

¹ Хлынина Т.О. О вечных истинах, индивидуальных предпочтениях и исторической дидактике. URL: [http:// www. didacthistory.com/hlinina/](http://www.didacthistory.com/hlinina/)

² Методологические проблемы истории : учеб. пособие / под. ред. В.Н. Сидорцова. Минск : Тетра Системс, 2006. С. 96.

³ Мамонтова М.А. Историческая наука на рубеже веков. URL: <http://www.worldhist.ru/qual/fpk/TheorMethHist-04/ref/Mamontova.rtf>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Говоря об исторической антропологии как самостоятельном аналитическом подходе, мы обращаемся к статье А. Бюргера, опубликованной в 1978 г. в справочнике «Новая историческая наука»¹. Однако, чтобы такая статья вообще смогла появиться, требовалось время для утверждения новой концепции в умах историков.

С конца 80-х гг. «в моду» снова вошел жанр научной биографии.

У историков Германии существовали совершенно различные точки зрения на то, что вообще понимать под термином «историческая антропология». Эти разногласия четко обозначились на проведенном в марте 1983 г. в Дюссельдорфском университете коллоквиуме. Одно из направлений, развивавшее программу исторической антропологии, выдвинутую Т. Ниппером, представлял Фрайбургский институт исторической антропологии. Другой подход, названный «этнологической социальной историей», наиболее отчетливо был сформулирован в работах Ханса Медика из Института истории имени Макса Планка². Однако почти все эти направления оказались «тупиковыми» и не шли дальше дискуссий. Успех получило другое направление, образовавшееся в 80-е гг. прошлого столетия. Это была так называемая «история повседневности».

Альф Людке выделил некоторые особенности этого германского направления исторической науки: во-первых, это интерес к «субъективной стороне истории». Ее сторонники стремятся понять, проанализировать изменчивые восприятия, переживания, поведение людей, влияния на них других общественных структур и процессов. Этот специфический подход сближает историю повседневности с историей культуры и социальной психологией. Во-вторых, это отношение к объектам исследования как к соавторам³.

Обратимся непосредственно к интересующему нас понятию и категории как таковой. Само слово «микроистория» в Европе впервые употребил Фернан Бродель в своей книге «История и социология». Однако использовал он это слово в негативном смысле. Для него микроистория была синонимом истории эфемерных событий, тех явлений на поверхности исторического процесса, которые при исследовании более длительных процессов и глубинных конъюнктурных и структурных слоев оказываются на последнем по значению месте⁴.

¹ Burguiere A. L'anthropologie historique // La nouvelle histoire. Paris, 1978. P. 37–61.

² Кром М.М. Историческая антропология. URL: <http://www.kulturologiy/kromm/historic anthropology/>

³ Людке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 77–100.

⁴ Медик Х. Микроистория. С. 193.

Но уже с 1965 г. значение и смысл понятия микроистории освободились от негативной окраски. С 70-х гг. микроистория превратилась в новый способ исследования и познания, открывающий возможность проникнуть в неисследованные области истории¹. Так, термин «микроистория» трактует Ханс Медик.

Вообще, причиной появления микроистории стал кризис глобально-исторического исследования. Стали видны огромные возможности локальной истории. Это обстоятельство можно проиллюстрировать словами В.Ф. Эрна: чтобы быть уверенными в адекватности нашего исторического знания, «нами должен быть познан безусловно всякий из тех миллиардов людей, которые жили на земле и которые ведь все безусловно вошли в исторический процесс»².

Первые работы, написанные с помощью микроисторического подхода, были опубликованы в журнале «Quaderni Storici». Результатом явился целый ряд микроисторических исследований и среди них – ставшая своеобразной классикой жанра монография Б. Хауперта и Ф. Шафера «Молодежь между крестом и свастикой. Реконструкция биографии как история повседневности фашизма» («в которой на нескольких сотнях страниц исследуется биография абсолютно рядового человека – танкиста вермахта Йозефа Шефера, сгинувшего, как и миллионы его товарищей, на фронте Второй мировой войны»³).

Сильное влияние на формирование этого направления оказала не только историческая, но и социальная антропология. Не лишним будет отметить внутреннюю неоднородность микроистории. И это, с одной стороны, понятно, так как «теоретические манифесты стали появляться лишь через десять и более лет после возникновения этого движения, а определяющим моментом всегда была конкретная исследовательская практика»⁴. Можно говорить и о некоторых оригинальных общих принципах микроистории. Для этого нужно обратиться к известному «манифесту» микроистории – статье Дж. Леви, впервые опубликованной в 1991 г.⁵ Первое – это экспериментальный характер этого направления, то есть «историки экспериментируют и с методами исследования, и с формой изложения материала»⁶. Второе – изменение масштаба изучения, то есть «исследователи прибегают к микроанализу, чтобы, словно под увеличительным стеклом, разглядеть

¹ Медик Х. Микроистория. С. 194–195.

² Филюшкин А.И. Лекции. URL: <http://www.history.pu.ru/struct/cathed/russian/prof/fil.htm>

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Levi G. On Microhistory // P. Burke. New Perspectives on Historical Writing. Oxford, 1991. P. 93–113.

⁶ Филюшкин А.И. Лекции.

существенные особенности изучаемого явления, которое обычно ускользает от внимания историков»¹. Микроанализ позволяет увидеть преломление общих процессов в определенной точке реальной жизни.

Микроистория делает упор на непоследовательность нормативных систем и, следовательно, на фрагментарность, противоречивость, плюрализм точек зрения, которые любую систему делают подвижной, открытой, изменения происходят благодаря стратегии и выбору, сделанному огромным числом «маленьких людей», что становится возможно вследствие зазора между некогерентными нормативными системами².

Уже через несколько лет (в начале 90-х гг. XX столетия) микроистория вышла за пределы Италии. Последователи этого направления появились и в России.

§ 2. Место микроистории в работах отечественных ученых XIX–XX вв.

Мы уже говорили о том, что в нашей стране определенные предпосылки микроистории, а скорее историко-антропологического подхода, можно обнаружить уже в работах ученых середины XIX – начала XX вв. Например, в трудах Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского и др. А А.С. Лаппо-Данилевский «вел борьбу» со сторонниками «старой» истории. Однако в полной мере этот подход стал популярен только в последние несколько десятилетий. «Антропологический подход в отечественной историографии, в отличие от социологии и истории науки, лишь только в последнее время становится актуальным и привлекательным для современных историографов. Для российского историка знакомство с исторической антропологией произошло благодаря работам А.Я. Гуревича, Ю.Л. Бессмертного, а также журналам «Одиссей» и «Диалог со временем»³. Данное ответвление исторической науки в нашей стране «...изучает не столько культурный символизм вообще, сколько роль символизма в повседневности, сосредотачиваясь на изучении быта»⁴.

Интересно то, что ученые, начавшие заниматься исторической антропологией, «стартовали» с наиболее им близкого и стали изучать самих себя, то есть генерацию ученых, научный быт, «...уклад жизни,

¹ Филлюшкин А.И. Лекции.

² Levi G. On Microhistory. P. 182.

³ Мамонтова М.А. Историческая наука на рубеже веков. URL: <http://www.worldhist.ru/qual/fpk/TheorMethHist-04/ref/Mamontova.rtf>

⁴ Александров Д.А. Историческая антропология в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3.

совокупность обычаев, привычек и нравов ученых»¹, «неявно выраженные правила и процедуры научной жизнедеятельности, которые являются важными структурными элементами сообщества ученых»². Примером таких исследований являются работы М.Г. Вандалковской³, В.П. Корзун⁴, В.М. Панеяха⁵, С.О. Шмидта⁶. Интересен тот факт, что ученые анализировали «двуединность индивидуальности» ученого вместе с поиском образца русского историка в частности и ученого вообще. В отечественной историографии эта проблема была поставлена впервые на теоретическом уровне И.А. Беленьким в докладе «Образ историка в русской культуре XIX–XX вв.»⁷.

Другой важной темой исследований являются коммуникации русских историков, их личные взаимоотношения.

Интерес непосредственно к микроистории, а не исторической антропологии, в нашей стране выразился в работах Ю.Л. Бессмертного. Его казуальная история как раз и пытается разрешить вставшую перед микроисторией дилемму. Добиться сочетания анализа массовых феноменов с анализом индивидуального поведения людей разного статуса – вот один из первых императивов подлинно современного исследования частной жизни и роли в ней индивида⁸. Ю.Л. Бессмертный вводит понятие «казуса». «Всякий поступок есть не механическое следование той или иной форме и не воспроизведение традиционного обычая, а тот или иной казус человеческого поведения... Каждый индивид действует, исходя из обстоятельств конкретной ситуации, в которой он находится и которая зависит от его материальных

¹ Александров Д.А. Историческая антропология в России. С. 5.

² Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. Омск ; Екатеринбург, 2000. С. 20.

³ Вандалковская М.Г. Он никогда не отделял науку от жизни: П.Н. Милюков // Историки России XVIII – начала XX в. М., 1996. С. 592–625 ; Она же. Индивидуальность в научном творчестве историка // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 258–278.

⁴ Корзун В.П., Бычков С.П. Введение в историографию отечественной истории XX век. Омск, 2001 ; Корзун В.П. Г.В. Вернадский – историк русской исторической науки // Вестник Омского университета. Омск, 1996. № 1. С. 54–58 ; Она же. Невостребованное наследие // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 255–261 ; Она же. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.

⁵ Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов // Историко-филологический архив. СПб., 2000. Вып. 5.

⁶ Шмидт С.О. Путь историка. М., 1997 ; Он же. А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 229–370.

⁷ Беленький И.Л. Образ историка в русской культуре XIX–XX вв. // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения. М., 2000. С. 75–96.

⁸ Бессмертный Ю.Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 12.

ресурсов, а также когнитивных и культурных возможностей»¹. Ученый видит казус в двух аспектах: как нечто стереотипное и как нечто универсальное и неповторимое, что уже само по себе весьма интересно. Однако Ю.Л. Бессмертный задается и другим важным вопросом о возможности выявления всей «напряженности отношений» между стереотипным и индивидуальным в истории. Ученый считает, что «...необходим параллельный анализ и индивидуального, и стереотипного поведения, необходимо нащупать выход из этой двойственности»².

Особенно увеличилось количество исследований в отечественной историографии в 90-е гг. прошедшего и в начале нашего столетия. Как ни странно, особое внимание уделяется теоретическим вопросам микроистории и микроисторического подхода³. «Микроистория как исследовательский подход используется и в конкретно исторических работах, посвященных различным сюжетам российской истории»⁴, обращая особое внимание на жанр биографии (хотя и не только на него)⁵.

По мнению многих историков, наиболее успешными были попытки сочетания различных подходов в работах С.В. Журавлева.

Для российской исторической науки очень интересным стало исследование по картографированию процессов микроистории⁶. Данную систематизацию материала можно рассматривать с точки зрения временного и пространственного аспектов. Временная структура от-

¹ Бессмертный Ю.Л. Коллизия микро- и макроподходов и французская историография 90-х годов // Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999. С. 11.

² Бессмертный Ю.Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. С. 12.

³ Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1997–2002 Вып. 1–4 ; Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999 ; Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти в концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. М., 1995.

⁴ Мамонтова М.А. Историческая наука на рубеже веков.

⁵ Александров Д.А. Фритц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 90–104 ; Атощенко А.В. История одной профессорской отставки // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002. Вып. 4. С. 234–272 ; Журавлев С.В. Иностранная колония московского Электрозавода в начале 1930-х годов: опыт микроисследования // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 366–488 ; Он же. «Маленькие люди» и «Большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М., 2000 ; Кошелева О.Е. Побег Воина // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 1997. С. 55–86 ; Ламина Е.Э., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1930-х годов. М., 1999 ; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

⁶ Чазова Е.Г. Принципы картографирования процессов микроистории. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/ikk/chasova.shtml>

ражается в базе данных, составленной на основании описаний. Далее предполагается ее пространственное решение с применением методов как собственно исторических, так и географических. По мнению исследователей, «пространственные модели для изучения прошлого позволяют весьма доказательно ответить на вопросы об основных факторах заселения той или иной территории, закономерностях возникновения населенных пунктов в различные эпохи, соотношениях географических, военных и прочих причин, обусловивших движение населения и т.д. Эти модели могут быть реализованы на микроуровне. Основным способом представления этих моделей является карта»¹.

Таков краткий обзор тех исследований, авторы которых занимались микроисторией и исторической антропологией в нашей стране. Его нельзя назвать большим, однако маленьким и «ущербным» его именовать не стоит. Плюрализм мнений, открытый в нашей стране переворотом 1991 г., оказался, с одной стороны, очень полезным для нашей исторической науки, а с другой почти разрушительным, когда старое было разрушено, но новое не спешило внедряться в жизнь. Так было и с микроисторией. Российский ученый начал с самого для него простого – изучения самого себя, а затем перешел в привычную область разработки теоретических положений нового исторического подхода. Однако можно видеть, что отечественная историческая наука наших дней не является рудиментарным приложением к зарубежной микроистории, а выдвигает интересные идеи и предлагает смелые решения многих проблем.

§ 3. Современная историография и микроистория. Источники микроисторического исследования

Говоря о современной историографии проблемы, мы будем подразумевать наиболее «свежие» исследования по интересующему нас вопросу, а именно исследования по микроистории последних лет, обращая внимание и на зарубежную, и на отечественную историческую науку.

Как уже отмечалось неоднократно, тема микроистории становится необычайно популярной именно в последние несколько лет. Еще в середине 90-х гг. в России Ю.Л. Бессмертным был основан альманах «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории». Этот альманах специализируется на микроисторическом подходе, не забывая и о методологии исторической науки. Альманах имеет свой оригинальный стиль, выраженный в его девизе: «У нас свой взгляд на ис-

¹ Белова Е.Б. [и др.]. Историческая информатика. М., 1996. С. 319.

торию. Он различает в ней не столько общее, сколько индивидуальное. Не столько массовое, сколько уникальное. Не столько типичное, сколько особенное. Не столько необходимое, сколько неожиданное» и т.д. Даже глядя на оригинальные темы для статей в «Казусах» за 2003 и 2004 гг., можно говорить о необычности альманаха и его научной ценности. Это например: «Предмет как исторический казус», «Казус Жанны Д'Арк», «Казус революции», «Исторические встречи», «Заботы доносчика», «Повороты судеб», «Postmortem»¹.

В 2003 г. вышла книга известного специалиста по проблемам городской среды В.Л. Глазычева «Глубинная Россия: 2000–2002»². Автор, используя результаты экспедиций Центра стратегических исследований Приволжского федеративного округа и другие материалы, знакомит читателя с картиной действительности «глубинной России», которая почти неизвестна за чертой крупных городов. В.Л. Глазычев анализирует новый стиль жизни, новый тип руководства. Эта книга может послужить предметом почти микроисторического анализа по горячим следам, но, по нашему мнению, не является полностью исторической.

В том же году вышел сборник «Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории»³. И это всего лишь первый из ожидаемых шести томов исследований. Все они выполняют одну из главных задач – познакомить молодых российских историков с образцами современной зарубежной исторической науки. В сборник включены новейшие исследования по микроистории. Пристальное внимание исследователей приковано к мотивам поведения и выживания людей в условиях Европы начала Нового времени, анализируются сложные переплетения человеческих судеб городка или сельской общины. Обратим внимание на интересные, на наш взгляд, названия работ из этого сборника: «Переплетения: христианско-иудейские отношения в сельском обществе XVIII в.»⁴, «Социальные узы между имущими и неимущими: микроистория одного сельского сообщества (XVII–XIX вв.)»⁵, «Народ с книгами. Домашние библиотеки и книж-

¹ Казус : индивидуальное и уникальное в истории. М., 2003. Вып. 5 ; Казус : индивидуальное и уникальное в истории. М., 2004. Вып. 6.

² Глазычев В.Л. Глубинная Россия: 2000–2002. М., 2003.

³ Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003.

⁴ Ульбрих К. Переплетения: христианско-иудейские отношения в сельском обществе XVIII в. // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С. 90–142.

⁵ Шлюмбом Ю. Социальные узы между имущими и неимущими: микроистория одного сельского сообщества (XVII – XIX вв.) // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С. 143–180.

ная культура в сельской местности»¹, «Между двух деревень» и т.д. Как видим, уже формат тем обрисовывает возможности микроисторического исследования.

Богат на новые публикации по микроистории был 2004 г. Книга О.Е. Кошелевой «Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени» основана на впервые вводимых в научный оборот архивных документах (подворных переписях Санкт-Петербургского острова, судебных гражданских и уголовных исках петербуржцев). Раскрывает состав и структуру жителей города первого поколения, их повседневную жизнь, стратегию поведения в процессе уникального социального эксперимента по созданию в России города европейского типа.

К микроисторическим работам можно отнести книгу известного российского социолога Б.В. Дубина «Интеллектуальные группы и символические формы»², посвященную различным феноменам современной культуры.

Также в 2004 г. вышел русский перевод сборника статей Карло Гинзбурга «Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история»³. Сам по себе сборник известен историкам уже с 1986 г., когда он впервые вышел в свет. Оригинальность Гинзбурга достигается тем, что автор работает на стыке истории и антропологии, искусствоведения, фольклористики, психоанализа.

Интересно обращение к российской истории зарубежных ученых. Французский демограф Ален Блюм в своей книге «Родиться, жить и умереть в СССР»⁴ анализирует динамику основных демографических показателей российской истории XX в.

Р.С. Уортман – американский историк, исследующий символику придворных церемониалов при дворе русских царей в своей книге «Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Александра II до отречения Николая II»⁵. Автор рассматривает сложную систему знаков, использовавшуюся для создания и сохранения мифов, которые определяли образ царя в ту или иную эпоху. Своеобразен сам подход историка, который с полным правом можно назвать микроисторическим. На наш взгляд, весьма перспективна работа «тандема»

¹ Медик Х. Народ с книгами. Домашние библиотеки и книжная культура в сельской местности // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С. 181–222.

² Дубин Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы: очерки социологии современной культуры. М., 2004.

³ Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история : сб. ст. М., 2004.

⁴ Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. М., 2005.

⁵ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Александра II до отречения Николая II. М., 2004.

специалиста по российскому селу Татьяны Нефедовой и английского историка Джудит Пэллот. В 2006 г. вышла их совместная книга «Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова?»¹, где детально рассмотрены индивидуальные хозяйства России.

К интересной попытке сельского микроисторического исследования можно отнести работу А. Ястребицкой «Таежная деревня Кобе-лево. История села Горюхина на современном материале». Однако сам автор говорит о том, что это не совсем микроистория в духе школы «Анналов», а скорее материалы к ней. И это действительно так.

На грани литературной и исторической биографии балансирует «повседневная» работа американского литературоведа Джеймса Шапиро «1599 – один год из жизни Шекспира».

В последние годы издательство «Молодая гвардия» открыла новую серию книг: «Живая история. Повседневная жизнь человечества». Мы лишь перечислим некоторые труды, написанные и изданные в рамках данной серии за последние несколько лет. Это Ж.П. Креспель «Повседневная жизнь импрессионистов», Э. Поньон «Повседневная жизнь Европы в 1000 году», Ф. Кальви «Повседневная жизнь итальянской мафии с 1950 года до наших дней», П. Монтэ «Повседневная жизнь древних египтян во времена великих фараонов», П. Фор «Повседневная жизнь Греции во времена Троянской войны», И. Клулас «Повседневная жизнь в замках Луары во времена Возрождения», А. Бегунова «Повседневная жизнь российского гусара», Ж. Эр «Повседневная жизнь папского двора во времена Борджиа и Медичи», Л. Креше «Повседневная жизнь Калифорнии в годы золотой лихорадки», Э. Драйтова «Повседневная жизнь А. Дюма и его героев» и т.д. и т.п. Это лишь краткий список. Мы попытаемся проанализировать и дать оценку только двум работам. Это книга Сергея Охлябина «Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века»² и труд Мишеля Шово «Повседневная жизнь Египта во времена Клеопатры»³.

Первая монография написана хорошим литературным языком. Автор использует интересный фактический материал, исследуя практически все стороны жизни русской усадьбы XIX в., включая общий «ландшафт», интерьер, архитектуру (как самой усадьбы, так и хозяйственных построек), одежду дворян, гастрономические особенности, охоту и многое другое. Рассматриваются и сами обитатели усадеб – как дворяне, так и «обслуживающий персонал», дворня. К преимуществам книги нужно отнести хорошо продуманную последователь-

¹ Нефедова Т.Г., Пеллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М., 2006.

² Охлябинин С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. М., 2004.

³ Шово М. Повседневная жизнь Египта во времена Клеопатры. М., 2004.

ность материала, солидную библиографию и уже отмеченный живой язык повествования. Однако, на наш непрофессиональный взгляд, кажется, что автор злоупотребляет иллюстрирующими примерами из художественной литературы – они занимают около 50 % всей книги. Тем не менее работа дает хорошее представление о русской дворянской усадьбе. Можно с определенными поправками говорить об удачности микроисторического метода исследования.

Книга Мишеля Шово открывает неизвестные страницы истории Египта в эпоху царицы Клеопатры. В повседневной жизни обитателей этой интересной страны перемешивались и традиции древних фараонов, и эллинская культура, проникшая в Египет вместе с воинами Александра Македонского. Используя самые последние археологические открытия, автор «оживляет» египетскую цивилизацию, которая упорно и долго сопротивлялась Риму. Книга дополнена хрестоматией и снабжена интересным иллюстративным материалом. Вообще монография оставляет только положительные впечатления.

Если для данного конкретного периода истории и конкретной работы исследователь использовал в основном археологические источники, то для микроисторического труда вообще подойдут и другие.

Касаясь историографических особенностей вопроса нельзя не упомянуть и работы таких исследователей, как М.С. Адамчик, В.Н. Земцов, В.Н. Казарин, З.М. Кобозева, М.Л. Шуб, Л.П. Репина, М.Ю. Минский, Е.В. Годовова, Я.В. Верменич, О.В. Кузнецова и др.¹

Говоря о проблеме источника для микроисторического исследования, следует обратить внимание на то, что объектом такой работы становится либо личность – индивидуальная общность, либо городская (реже сельская) среда. Иногда фактор наличия достаточного ко-

¹ Адамчик М.С. Российское село в исторической ретроспективе: традиции отечественной историографии и опыт реконструкции истории российского села в отечественной историографии // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2011. № 3. С. 70–80 ; Земцов В.Н. Микроистория: итоги 15-летнего «пребывания» в России // Уральский исторический вестник. 2010. № 4. С. 4–7 ; Казарин В.Н. «Микроистория» личности на фоне макроистории прошлого века // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2013. № 1. С. 192–197 ; Кобозева З.М. Антропология повседневного быта: макроистория из микроанализа // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 234–238 ; Шуб М.Л., Лазарова А.А. Прошлое в масштабах микроистории. Основные подходы к изучению // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1. С. 14–17 ; Репина Л.П. Историк в поиске: к 90-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного // Диалог со временем. 2013. № 4. С. 232–248 ; Годовова Е.В. Новые подходы к изучению повседневности казачества // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 3 (41). С. 321–328 ; Верменич Я.В. Локальность в системе понятий исторической науки // Российская история. 2011. № 6. С. 166–171.

личества источников отталкивает историков от исследования сельских общностей.

Для микроисторического исследования типичными, но и уникальными по возможностям и информативности являются:

1. Метрические книги, «...ресурсы которых все еще мало востребованы»¹. И это связано, прежде всего, с огромной работой, которую необходимо провести историку. Однако по богатству информации этот источник нельзя переоценить. Метрические книги открывают внутренние взаимосвязи семей, позволяют выявить своеобразные фамильные «кланы», особенности социальной составляющей местности.

2. «...Записи исповедных ведомостей, а также ревизских сказок, фиксирующих несколько поколений, живущих одной семьей и хозяйством»². Однако возможность использования исповедальных ведомостей (как и метрических книг) предоставляется только при хорошей их сохранности.

3. Письма (эпистолярное наследие), которые «...являются своего рода зеркалом менталитета общества»³.

4. Разнообразный этнографический материал, который помогает понять суть повседневной культуры населения, а следовательно, и использовать «увеличительное стекло» микроистории и для изучения этого пласта народной жизни.

5. Материалы земств, которые дают широкую, подчас всеохватывающую информацию о многих сторонах жизни народа.

6. Мемуарная литература. Рост такой литературы, особенно заметно происходивший с начала XIX века, «...создавал все более благоприятные условия для изучения микроистории, но микроистории, прежде всего, дворянского мира»⁴. Однако появление крестьянских и рабочих мемуаров несколько изменили эту картину.

Уникальным источником в микроистории для нас видится книжная культура населенного пункта. Анализируя те книги, которые бытовали в микросоциуме, можно сделать очень интересные выводы.

¹ Севастьянова А.А. Демографические и историко-культурные характеристики крестьянских семей XIX – начала XX века по материалам Рязанской и Вятской губерний // Провинциальное культурное гнездо (1778–1920-е годы). Рязань, 2005. С. 136.

² Там же. С. 141.

³ Соколов А.С. Письма граждан как источник по истории России периода нэпа // Рязанская вивлиофика. Исторический альманах. Рязань, 2001. Вып. 3. С. 129.

⁴ Сурин В.А. Микроистория и мемуарный источник: к методологии проблемы // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетий. Екатеринбург, 2000.

Наличие большого количества читательских пометок в книгах помогает исследователю лучше раскрыть внутренний мир изучаемого явления, человека.

Таким образом, источником микроистории становится широкий этнографический материал, археологические источники, книжная культура, мемуары, дневниковые записи, эпистолярное наследие, воспоминания непосредственных участников интересующих событий, широко привлекается «обычный хлеб» историка – архивные документы (например, документы судов различных инстанций). Для российской микроистории очень перспективными являются такие источники, как клировые ведомости, метрические книги и, особенно, материалы земств.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что для микроисторического исследования подойдут практически любые источники, главное – это повышенное внимание историка к той проблеме, которой он занимается.

ЛАВА

II

**Село Коровка
в XVII–XXI вв.:
социальные особенности
и повседневность**

§ 1. Казаки – рейтары – пашенные солдаты – государственные крестьяне

Любое историческое исследование, а тем более микроисторическое, существует в пространственных и временных рамках. Как уже оговаривалось, в нашей работе в хронологическом отношении нас будут интересовать, в первую очередь, XVII–XX вв. Вместе с тем мы будем выходить и за эти рамки, затрагивать как более ранние, так и более поздние периоды. Село Коровка – наш предмет исследования – таким образом, будет подвергаться микроисторическому анализу с момента своего первого упоминания и до наших дней. Особенному и по возможности более глубокому исследованию, тем не менее, будут подвергнуты XIX и XX столетия.

Историческое исследование подразумевает характеристику тех, кто вообще жил в интересующей нас местности. Часто социальный статус определял и общее развитие населенного пункта, его особенности, этнографическую и религиозную составляющие.

Село Коровка появилось, судя по всему, в конце XVI – начале XVII в., что подтверждает первое упоминание о нем в Сапожковских межевых книгах за 1627–1628 гг. «Да в Сапожковском же уезде полковых казаков, что слово слобода Коровка, а в ней церковь Живоначальные Троицы да предел святых страстотерпцев Бориса и Глеба...»¹. В этих же писцовых книгах² дается описание достаточно об-

¹ Цит. по: Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Рязань, 1996. Т. 3. С. 29–30.

² Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. / под ред. В.Н. Сторожева. Рязань, 1904.

ширного хозяйства при церкви: икон, колоколов, книг, хозяйственных построек. Именно при церкви в селе в этот период жили несколько старцев в кельях. Даже из этого видно, что село было основано, скорее всего, много раньше 1627 г.

Вообще, анализируя источники, которые могли бы ответить на вопрос о реальной дате основания села, невольно приходишь к безытересным противоречиям. Как ни странно, первое из этих противоречий связано с годом основания Сапожка (теперешнего районного центра). Первое и единственное обнаруженное на сегодняшний день документальное свидетельство или, как принято говорить, первое упоминание в источнике о Сапожке приходится на 1627–1628 гг. (все в тех же межевых книгах). Косвенные свидетельства историков XIX в. и краеведов века XX о том, что город основан Борисом Годуновым, подтверждения в источниках не находят.

Второе противоречие. Следуя логике строительства засечной черты, Сапожок и Коровка, по сути, не могли появиться позже 1566 г., когда эта самая черта была завершена вместе со всеми укреплениями. Получается, что с. Коровка (как и Сапожок) явилось частью укрепленной линии Московского государства и появилось в 60–70-е гг. XVI в. Хотя, конечно, на указанной территории люди жили еще с древнейших времен, но отношение к вышеуказанным населенным пунктам они имели опосредованное. Ради исторической справедливости заметим, что с празднованием в 2005 г. 400-летия Сапожка явно поторопились, его, как и аналогичного юбилея Коровки, ждать нужно никак не раньше 2027 г.

Много путаницы набралось за годы краеведческой и околокраеведческой работы с происхождением названия села. Тут и мифический разбойник Коровин, и совершенно непонятный «владелец» села с той же фамилией, и конфигурация земель, схожая с коровой головой и много прочего сказочного. Единственный, по нашему мнению, верный вариант происхождения названия села связан с гидронимом Коровка – на этой речке и стоит интересующий нас населенный пункт.

Различные спекуляции на эту тему представляются безытересными, но разве что с мистической или фантастической точки зрения. Комплексный ответ на вопрос о появлении поселения на территории теперешней Коровки может дать археологическая экспедиция.

Жители с. Коровка в полной мере испытали на себе изменение политики государства именно, и особенно, в трансформации социального статуса жителей. Пережив три (если не четыре) таких перемены, коровкинцы подспудно, конечно, несколько ментально из-

менялись, но никогда из «коллективного разума» этого микросоциума не уходило сознание того, что когда-то они были казаками засечной черты.

Микроисторическое исследование позволяет задать определенный тон работе, и мы можем представить себе просторы рязанщины, «Дикое Поле», казаков (самого древнего в России казачества, первое упоминание о котором относится по некоторым данным к XV в.) – первых жителей этих «рязанских степей» и с. Коровка.

Это упоминание содержится в Никоновской летописи, часть которой посвящена вторжению в пределы Рязанского княжества крымского царевича Мустафы¹ (историки, разбиравшие ее состав, давно обратили внимание на то, что в Никоновской летописи использовались данные не дошедших до нас рязанских летописных памятников). Именно тогда «рязанские казаки» отразили атаки татар и, выражаясь современным языком, ликвидировали царевича Мустафу.

После присоединения Рязанского княжества к Москве большая часть рязанских казаков не захотели служить простыми стрельцами и направились вниз по Волге. В 1523, 1525 гг. именно рязанские казаки сопровождали русское посольство в Азов, что подтверждает известную защиту границ русского государства со стороны Дикого Поля.

Исследователи рязанского казачества С.А. Климов, А.В. Миртов, А.М. Нелидкин подчеркивают, что в 1702 г. Петр I переселил часть рязанских казаков в низовья Дона. Именно поэтому в песнях, обычаях и самом говоре терских и донских казаков наблюдаются удивительные сходства с рязанскими².

Тем не менее служба коровкинских казаков ассоциируется в первую очередь с засечной чертой, о которой следует сказать особо.

Набеги крымских татар и ногайцев на русские земли с целью захвата невольников были для нашего государства делом привычным, но особенно участились они после выделения Крымского ханства, в котором большое значение приобрело именно «набеговое хозяйство». Набеги эти были весьма актуальны вплоть до аннексии Крымского ханства Российской империей в конце XVIII в. Кроме того, набеги были серьезным фактором истощения как людских, так и финансовых ресурсов России и в значительной степени препятствовали освоению так называемого Дикого Поля, полномасштабное заселение которого стало возможно лишь после устранения степной угрозы.

¹ Полное собрание русских летописей. Т. IX–XIV. СПб, 1863 ; Пг., 1918. Переиздание: М., 2000.

² Нелидкин А.М. Из истории Рязанского казачества // Актуальные вопросы гуманитарного образования : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С.В. Демидова, А.С. Соколова. Рязань : Изд-во РГРТУ, 2013. С. 81–85.

С одной стороны, как уже не раз отмечалось, многовековые набеги крымских татар сыграли значительную роль в становлении казачества. Но с другой, по подсчетам западного исследователя Алана Фишера, количество угнанных в рабство людей из русских земель составило на протяжении XIV–XVII вв. около трех миллионов человек¹.

После заключения в 1598 г. мира с Крымским ханством наступили годы относительного затишья на южных рубежах. Крупных нашествий не случалось, мелкие – всегда были обычным делом в Диком Поле. Однако в годы Смутного времени крымские отряды снова стали постоянными гостями на русских окраинах – в Диком Поле. (Некоторые историки, тем не менее, предпочитают вместо него использовать термин «Поле», так как определение «дикое» ввел служивший при Иване Грозном иноземец Генрих Штаден. При характеристике земель к югу от Москвы он использовал слова *wilde Feld*, в переводе с немецкого – «дикое, буйное поле».)

Освоение русскими низового Поволжья связано со строительством засечных черт, в том числе в пределах территории бывшего Казанского ханства. Их сооружение стало частью долгосрочной и грандиозной по размаху государственной программы по созданию непрерывной оборонительной линии между Днепром и Волгой. Служилые люди оборонительных линий Дикого Поля выполняли и административно-полицейские функции. В период централизации Русского государства, окончательного закрепощения крестьянства и церковного раскола усилилось бегство крестьян в окраинные районы².

Засака широко применялась как основа для устройства засечной черты в границах русского государства XVI–XVII вв. Интересная нам Липская засака (на которой и находилось с. Коровка) входила в состав Ряжской, которая сформировалась около 1566 и состояла из трех засек: Рановской, Пустотинской и упомянутой Липской³.

Историк А.М. Плеханов дает достаточно емкое объяснение появлению и функционированию засечной черты. Сама по себе засечная черта состояла из лесных завалов – засек, укрепленных земляными валами, усиленными деревянными конструкциями и башнями, рвов, частоколов, надолбов. В засечную черту входили города-крепости с постоянными гарнизонами, «стоялые остроги» со сменными отрядами, раз-

¹ Солодкин Я.Г. Засечный приказ // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 169–170.

² Полубояров М.С. Низовые и заволжские города в системе обороны Русского государства в XVI – начале XVIII вв. URL: <http://inpenza.ru/history/16-rusgos/004.php>

³ История Рязанского края: Ряжская засака. URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/13140>

личные опорные пункты и другие разнообразные укрепления. Кроме того, в оборонительную систему включались реки, леса, болота и глубокие овраги. В засечных (заповедных) лесах запрещалось производить заготовку древесины, прокладывать дороги и тропы.

Укрепления засечной черты в зависимости от характера местности имели ширину от 40 м до 60 км. На наиболее опасных направлениях устраивались два и более ряда укреплений. Для лучшего надзора и охраны засечные черты делились на звенья, границы которых обозначались местными приметами. Во главе каждого из них стоял засечный приказчик, который ведал отдельным звеном или опорным пунктом засеки. В подчинении у него были поместные и приписные сторожа. Засечный приказчик отвечал за содержание засек, организацию надзора и охрану своего участка; подчинялся засечному голове или воеводе.

Руководство строительством засечной черты и организацией на них службы возлагалось на приграничных воевод (наместников), в подчинении у которых находились засечные головы. Охрана и оборона засечной черты возлагалась на засечную стражу, в которую набирались преимущественно жители окрестных селений (по одному человеку с 20 дворов). Эту задачу она решала совместно с гарнизонами городов-крепостей (от нескольких сотен до 1,5 тыс. человек) и полевыми войсками. Засечная стража была вооружена топорами, пищалями, от казны получала по два фунта пороха и столько же свинца. Во второй половине XVI в. стража насчитывала от 30 до 35 тыс. ратных людей. Они охраняли черту станицами (отрядами), высылавшими от себя «сторожей» (разъезды), которые наблюдали за обширным районом перед засечной чертой. Для строительства засечной черты и содержания засечной стражи в третьей четверти XVI в. стал собираться особый налог – так называемые «засечные деньги». С XVIII в. опыт строительства засечной черты и организации на них специальной службы широко использовался при сооружении пограничных укрепленных линий¹.

Первоначально «главный принцип казачьей службы состоял в личном почине, выборе свободного человека, кому служить. Со временем найм стал толковаться расширительно и включил для "казаков" воинскую службу, ставшую их основным занятием»² на долгие годы.

Коровкинские казаки, как и весь этот слой служилых людей на Рязанской земле, состоял из трех так называемых потоков: 1) вольных

¹ Плеханов А.М. Засечная черта // Большая Российская энциклопедия. М., 2008. Т. 10. С. 283–284.

² Козляков В.Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 53.

людей, уходивших «для звериного и рыбного промысла», а позже ставших служилыми людьми; 2) беглых русских крестьян; 3) служилых военных людей, посланных сюда непосредственно для защиты границ Российского государства.

Таким образом, казаки Коровки – это служилые люди («засечная стража») так называемой Липской засеки «Большой Засечной черты» – оборонительной линии от набегов крымцев и ногайских татар на южной окраине Московского государства. Одна из ее линий начиналась у реки Суры и проходила через Сапожок и, соответственно, через Коровку. Коровкинская «засечная стража» имела своей задачей охрану засек и заповедных лесов Сапожка и отражение от них неприятеля.

Некоторое время делами засечной черты ведал рейтарский приказ. Сами же рейтары – это новое социальное наименование коровкинских казаков – просуществовало недолго. Тем не менее оно имело место быть, что косвенно подтверждают краеведы Стахановы. Рейтары в массе своей принадлежали к новым полкам иноземного строя, которые призваны были модернизировать российскую армию. Скорее всего, именно с этого времени в селе появляются первые польские фамилии: Задубровские, Котровские, Заруцкие и др.

Полки нового строя в Московском государстве, организованные и вооруженные по европейским образцам, стали зародышем, из которого впоследствии выросла колоссальная европеизированная армия Российской империи. Они появились накануне Смоленской войны с Польшей (1632–1634 гг.), хотя служба иностранцев в русских войсках уже имела к тому времени вековую предысторию.

После окончания Смоленской войны полки иноземного строя были расформированы, как это делалось с наемными войсками во всей Европе, многие нанятые офицеры и рядовые, получив жалованье, «уехали в свою землю». Но немало было и пожелавших остаться на царской службе. Оставшиеся в России иноземцы были вновь укомплектованы в роты. Появились роты «гусарского строя» – тяжелой кавалерии, организованные, скорее всего, из поляков. В 40-е гг. XVII в. в связи с необходимостью охраны границ появились поселенные солдаты и драгуны, либо «пашенные солдаты» (которые были то крестьянами, то солдатами в зависимости от обстоятельств)¹.

С уничтожением засек засечная стража – городовые казаки – была упразднена, причем часть ее приписана к удельным крестьянам, а другая образовала уже упомянутое особое сословие пашенных солдат (о них мы скажем ниже), которое впоследствии вошло в состав государственных крестьян.

¹ Риттер В.Я. Полки нового (иноземного) строя. URL: http://uchltellstoria.ucoz.org/publ/polki_novogo_stroja/1-1-0-150

Как таковое коровкинское население вышло из жителей Сапожковского городища, которое по оценкам историков-краеведов сложилось во второй половине XVI – первой четверти XVII вв. Составитель уже упомянутых межевых книг за 1627–1651 гг. отмечает: «...Да в той же слободке Коровке 35 дворов казацких людей. Им оклад: пятидесятнику 25-ть, десятникам двум по 11-ть четверти, рядовым казакам 31-му человеку по 20; всего за ними 711 четвертей»¹.

До конца XVII столетия коровкинские казаки-рейтары занимали промежуточное положение между служилыми людьми и крестьянами, владевшими земельными участками на правах служилого поместья.

Однако в том же XVII в. эта прослойка казаков попала в особую группу государственных крестьян – пашенных солдат. Эта категория служилых людей, созданная русским правительством в 40-х гг. XVII в. для несения сторожевой службы на южной и северо-западной границах России, и просуществовала она сравнительно недолго. Пашенными солдатами назывались крестьяне, освобожденные от значительной части налогов и повинностей, имевшие собственные земельные наделы и хозяйство и несшие за это пограничную службу в солдатских и драгунских полках. Как таковые их земли являлись государственными, хотя фактически находились в частной собственности.

Пашенные солдаты на обширной и территории нашей страны в 60-х–80-х гг. XVII в. постепенно перешли в разряды государственных крестьян или служилых людей. Однако в Коровке только в документах, относящихся к 1830-м гг. (и никак не раньше), мы встречаем уверенный термин «государственные крестьяне»² применительно к бывшим пашенным солдатам села. Пашенные солдаты были вновь вынуждены подстраиваться под новое для себя сословие государственных крестьян, которое имело куда меньше льгот и привилегий, но и военных обязанностей.

Государственные крестьяне считались лично-свободными. Они жили на землях государства и платили подать в казну. Но как можно было моментально перестроиться и изменить свою ментальность? Для этого нужно было время, так как не всегда простое указание правительства о смене социального положения реально его изменяло. Нужен был действительно переворот, кардинальная ломка понятий, а она может произойти (если вообще происходит) только в связи с социальными потребностями или в силу причин конформистского ха-

¹ Древние грамоты и акты Рязанского края / сост. А.И. Пискарев. СПб., 1854. С. 50–54.

² Дело Сапожковского уездного суда о жалобе пашенных солдат села Коровка на князя Долгорукова в связи с потравой ее крестьянами хлеба // ГАРО. Ф. 733. Оп. 1. Т. 1. Д. 984. Л. 1.

рактера. Но разве можно говорить о какой-либо конформности в среде старообрядчества?

§ 2. Государственное село на фоне помещичьих владений

Известно, что Российское государство было в XIX в. «отечеством крестьян», которые составляли большую часть населения империи. Львиная доля здесь отводится крестьянам помещичьим, однако велика была и цифра государственных крестьян. Судьбы этих двух «группировок», несмотря на определенное сходство, имели принципиальные различия. Само развитие сел с непохожим по данной градации населением было неодинаковым. Не исключением, конечно, являлось и с. Коровка.

В данном разделе работы мы попытаемся рассмотреть государственное село на фоне помещичьих владений, используя некоторые сравнительные и наиболее показательные характеристики. Для этого проанализируем достаточно небольшой период с XIX в. до 1917 г. (изредка, как уже было сказано, выходя и за эти рамки).

Окружение с. Коровка (села с населением из пашенных солдат и позже из государственных крестьян, о чем было сказано выше) было практически сплошь помещичьим. Родственники Бориса Годунова владели Песочней, Стрешневы – Красным углом, Морозовы – Каниным и Смыковым, с. Красное в свое время было дворцовым.

Если посмотреть немного за хронологические рамки нашего исследования, следует сказать, что закрепощенное население этих сел легко выходило из повиновения и, например, в ходе восстания Болотникова в 1606 г. все они перешли на сторону восставших.

Однако и коровкинские казаки – народ достаточно своевольный. Они легко вступали в конфликт не только с населением прилегающих помещичьих земель, но и с самими держателями. В среде краеведов и жителей села широко известно дело «О гнилой березе, что на локтю». Хорошо этот показательный инцидент описан местным краеведом И.А. Кузнецовым: «У казаков села Коровки, у реки Мильты, на границе их земель ”налотью” стояла вековая береза с затесом как межевой знак. Подгнив, береза упала. Воспользовавшись этим, Долгорукие перенесли межевой знак на 5 км вглубь... Возмущившиеся коровкинские казаки попытались перенести межевой знак на старый рубеж. Произошла стычка, в ходе которой был убит приказной Долгоруких...»¹. Земли оставили князьям, а вернули казакам только при генеральном межевании 1775 г. Здесь нам интересна легкость, с кото-

¹ Кузнецов И.А. Сапожковский край. Рязань, 2003. С. 101.

рой коровкинские казаки вступали в конфликт и настойчивость при защите своей земли. Жесткие и принципиальные, они не остановились и перед убийством.

Похожий конфликт произошел уже через целых два столетия. Это подтверждает дело Сапожковского уездного суда о жалобе пашенных солдат с. Коровка на князя Долгорукова в связи с «потравой его крестьянами хлеба» в 1828 г. В деле сообщается, что «...прошлого 1828 года июля 9 числа села их¹ пашенной солдат Антон Петров имел обход в яровом поле... объявил, что села Михеи князя Василья Васильевича Долгорукого крестьянский скот запущен в их хлеб и луга...»². Пашенные солдаты просили освидетельствовать «потраву». Однако ее не только освидетельствовали, оценили ущерб, но и видели там скот михеевских крестьян. Это событие трактуется в деле весьма оригинально: «...При каковом освидетельствовании захвачено в том хлебе принадлежащего села Михей скота 13 свиней и 10 лошадей, из коих две свиньи и одна лошадь пойманы, а прочие угнаны села Михеи крестьянами, и чей именно тот был скот по следствию не открыто...»³. Нашли, как ни странно, владельца одной пойманной лошади Л. Никифорова и, судя по всему, использовали его как «козла отпущения». Сапожковский уездный суд постановил: «...По следствию никто не открыт⁴, следовательно, взыскания таковую потраву целой вотчины возложить не возможно...»⁵. В конце концов с Леонтия Никифорова взяли деньги за гербовую бумагу и на том успокоились. Трудно назвать такое решение справедливым. Однако оно лишь подтверждает вывод о постоянном конфликте коровкинских крестьян с вотчинными, начиная уже с XVII в. Вообще, как и все нормальные люди, коровкинские пашенные солдаты с большим негодованием и непониманием относились к захвату их исконных земель. Уверенные жалобы в суд и уверенное же сопротивление говорили о достаточно свободном положении этой социальной группы населения страны.

В значительно более тяжелом положении находились помещичьи крестьяне. Если в архиве уездных судов практически совсем нет «серьезных» дел пашенных солдат, то вот у помещичьих их очень много (включая уголовные). Крестьянские волнения не затрагивали

¹ Т. е. с. Коровка.

² Дело Сапожковского уездного суда о жалобе пашенных солдат села Коровка... Л. 27.

³ Там же. Л. 27 об.

⁴ Кроме указанного крестьянина Леонтия Никифорова.

⁵ Дело Сапожковского уездного суда о жалобе пашенных солдат села Коровка... Л. 27 об.

земли коровкинских пашенных солдат, а точнее были им безразличны. Они занимались хозяйством и своими делами, предпочитая решать большинство проблем «в миру». В то же время в других селах борьба крестьян против помещиков и административных властей принимала самые разнообразные формы: самоубийства, жалобы, побег, потравы помещичьих лугов, порубки леса, запашки земель, поджоги, открытые бунты и нападения на представителей государственной власти¹. На середину XIX в. приходится 100 побегов из имений помещиков по уезду, а цифра эта была явно занижена. Коровкинские крестьяне были, в этом смысле, много спокойнее.

Количество государственных крестьян по отношению ко всему населению Сапожковского уезда было невелико. Если общая численность равнялась 122 882 человекам, то государственных крестьян на 1857 г. было только 42 166², из которых в с. Коровка было 1349 человек. Следует, однако, взять в расчет, что поблизости от села большинство населенных пунктов были помещичьими. Эти крестьяне смотрели на Коровку как на практически благополучное село, видя относительно невысокий налог государственных крестьян по сравнению с их средневековой барщиной. Например, у помещика Сапожковского уезда А.И. Кошелева эта самая барщина доходила до 160 дней в году (при установленных законом 140 днях).

Если возмущение, бунты и прочие попытки неповиновения можно легко проследить по архивам для крепостных сел, то Коровка, как «село бунтарей» выступает только в делах с «вечными врагами» Долгорукими. Села и деревни князей окружали Коровку, а долгоруковская политика захвата земель, свойственная им в предыдущие столетия, попортила много крови коровкинским казакам.

В начале XIX в. ситуация меняется, когда в 1835 г. В.В. Долгорукий продает все свои имения в уезде А.И. Кошелеву.

Для нашего анализа нам потребуются следующие населенные пункты из них: Михеи, Екатериновка, Кривель, Смыково. Считается (а теперь особенно), что села и деревни Кошелева были достаточно благополучными, а сам Кошелев воспринимается чуть ли не главным радетелем за крестьян (однако не будем забывать об упомянутой барщине и регулярном сожжении крестьянами его усадьбы).

Село Коровка было единственным государственным селом, входившим в Михеевскую волость. Остальные населенные пункты принадлежали Кошелеву. По ревизии 1858 г. с. Коровка – самое крупное

¹ Кузнецов И.А. Сапожковский край. Рязань, 2003. С. 106.

² Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губернии. М., 1959. С. 268.

в волости (1349 человек), с. Михеи имело 1171 жителя, д. Екатериновка – 403, с. Кривель – 482, с. Смыково – 866. Посмотрим теперь количество домохозяйств и обратим внимание на то, что условно можно считать домохозяйством семью из двух-трех человек (и это минимум). Таким образом, мы получаем, что в Коровке соотношение домохозяйств к общему количеству населения наиболее благоприятное – 1349/401. В остальных селах и деревнях: 1171/243, 403/106, 482/135, 886/203. Из этого можно сделать простой вывод, что в помещичьих имениях семьи были многодетными, имелось много батраков без собственного дома. А это лишь количественное отношение населения к домохозяйствам.

Село было действительно большим и зажиточным. По состоянию на 1887–1888 гг. в Коровке 175 семей занимались различными промыслами, было пять торговых лавок (в Михеях, к примеру, не было вообще ни одной). Всегда у жителей села в почете были фруктовые сады и пчеловодство. Действительно, в конце XIX в. в Коровке было более 4 тыс. плодовых деревьев (в Михеях – всего около 4 сотен), около 400 колодок пчел, это уже в три раза больше чем в Михеях, не говоря уже о более мелких селах и деревнях Сапожковского уезда¹.

Кроме того, в 1910 г. в Коровке образовалось достаточно мощное кредитное товарищество: 709 дворов (442 члена)².

Несколько слов о тенденциях роста населения в селах. За период с 1858 по 1887 гг. в Коровке жителей прибавилось на 96 %; а в помещичьих селах и деревнях за тот же период: с. Михеи – на 24 %, д. Екатериновка – 38 % и т.д. Говоря о тенденциях роста села вообще, сравним процентные составляющие примерно одинаковых по населению, площади и «конкурирующих» сел Коровка и Михеи. Если в 1676 г. количество дворов в Коровке равнялось 46, а в Михеях 75, то к 1858 г. увеличилось в Коровке до 401, а в Михеях только до 243. Исходя даже из этих скудных сравнительных данных, можно сделать уверенный вывод о более динамичном развитии государственного с. Коровка даже, и особенно, по сравнению с помещичьими «благополучными» кошелевскими держаниями.

Вывод о положительной динамике государственных сел, однако, не может быть распространен на весь уезд. Так как в схожем соседнем государственном селе динамика роста намного уступает коровкинским.

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. IX. Вып. I. Сапожковский уезд. Рязань, 1888. С. 56–57.

² Справочник по Рязанской губернии. Вып. I : Кооперативные учреждения и сельскохозяйственные общества. Рязань, 1915.

§ 3. Повседневность и крестьянский быт

Говоря о повседневной жизни и крестьянском быте с. Коровка, нужно помнить о некоторых важных составляющих этой почти этнографической стороны жизни. Для данного пункта нашего исследования мы попытаемся применить некий план, который с успехом используют этнографы. Эта часть главы состоит из краткого микроисторического анализа: занятий населения, семейного быта, пищи, обрядности, особенностей одежды и жилища коровкинцев.

Следует оговориться, что в подготовке данной части работы, кроме собственных исследований, использовались материалы школьного краеведческого объединения Клуб любителей исторических открытий «Поиск», членом которого долгое время был и автор данного скромного труда.

Крестьянский мир на протяжении многих столетий был как бы замкнут на жилище семьи – усадьбе. Конечно, крестьянская усадьба – это не «дворянские гнезда» с высокими культурными традициями, но компактный кладезь народной жизни, русской сельской культуры.

Первоначально особенностью «зажиточного» с. Коровка были поселения, вынесенные за пределы населенного пункта – хутора. Там жили по очереди (чаще всего по одному году) взрослые члены большой семьи (например, сыновья с женами) и занимались необходимым трудом. Чем семья, имевшая хутор, была богаче, тем больше у нее там было амбаров. Иногда их число доходило до нескольких десятков. За пределами села, кроме хуторов, находились ветряные мельницы – «ветряки». В Коровке таких «ветряков» в начале XX в. было около одного-двух десятков. Кроме того, рядом с хуторами находились пасеки.

Судя по всему, основное хозяйство крестьян было вынесено за село, а непосредственно рядом с домом находились небольшие хозяйственные постройки.

Во второй четверти XX в. положение усадеб изменилось. Хутора были ликвидированы, и все хозяйство сосредоточилось в селе. Меняется и расположение крестьянского скотного двора. Если весь XIX в. хозяйственные постройки строятся перед домом, то теперь за ним. Чаще всего надворные постройки делали из плетня, обмазанного глиной.

В селе широко были распространены бани. В Коровке, как, впрочем, и во всем уезде, баню топили «по-черному». (Тут мы получили одно из противоречий. Устные источники начала XX в. все как один утверждают, что в селе были только такие бани. Но вот стати-

стические данные этого не подтверждают. Там зафиксированы только классические в нашем с вами понимании бани «по-белому».)

Это, прежде всего, было связано с экономичностью, такая баня много дров не требовала даже в сильные морозы. Только к середине XX в. в Коровке появились бани с дымоходом. Однако не каждая семья могла позволить себе постройку бани. Тогда мылись у соседей, принося свои дрова для топки. Примечательно, что в Коровке никогда не мылись в русской печке, как в большинстве сел уезда, считая это неприемлемым.

Особые требования предъявлялись к строительному материалу для дома. Коровкинцы предпочитали рубить избы из сосны, березы, липы, реже осины. Один из немногих живущих ныне в селе профессиональных плотников рассказывал, что для сруба нельзя было брать старые, сухие деревья, деревья с перекрестков дорог. Часто для строительства использовали и кирпич. Такие дома были в основном у зажиточных крестьян-староверов. Использовался кирпич-сырец, а скрепляли его специальным раствором извести. Само возведение дома сопровождалось особыми обрядами. Во время укладки первого венца, например, в угол ставили прутик осокоря и ждали угощения от хозяев. Только после этого продолжали работу.

Интересен тот факт, что деревянный пол начинают стелить в селе только с середины 40-х гг. прошлого века, земляной пол существовал в некоторых домах вплоть до 90-х гг. указанного столетия. Многие жители села, скорее всего боясь показать свою бедность, обращали внимание на чистоту земляного пола, на его практичность и прочие весьма неоднозначные плюсы.

Планировку дома нельзя назвать разнообразной. Она была только двух видов. Отличался простотой и целесообразным размещением интерьер избы, который не менялся на протяжении почти трех веков. Как хорошо известно, основное пространство дома занимала большая (русская) печь, которая располагалась справа или слева от входа. В углу, по диагонали, стоял стол, над ним – божница с иконами, вдоль стен – неподвижные лавки. Печь могла быть отгорожена. Тогда получалось помещение наподобие чулана-кухни для хозяйственных нужд. В горнице можно видеть более произвольное расположение «мебели». Часто в дом брали зимой и скотину – телят и ягнят. Это представлялось нормой достаточно долгое время. В частности, еще в середине 90-х гг. XX столетия можно было видеть зимой такое своеобразное временное сожительство даже не в избах, а современных домах квартирно-городского типа.

В будние дни изба выглядела довольно скромно. В ней не было ничего лишнего: стол стоял без скатерти, стены без украшений. Ино-

гда на кухне висело маленькое зеркало, а рядом полотенце. В горнице – большое зеркало, по диагонали от переднего угла. Только к середине XX в. интерьер жилых помещений стал меняться: стены украшались рамками с семейными фотографиями, часами. До середины XX столетия дома в Коровке освещались керосиновыми лампами. Снаружи сельский дом трудно представить без оригинальных украшений – наличников. В селе практически не было одинаковых наличников, каждый имел свои характерные отличия. Основными цветами были: желтый, голубой, зеленый. Художественной резьбой украшали и крыльцо.

В преддверии престольного праздника Троицы дома, как снаружи, так и внутри, обильно украшались березовыми ветками. Кроме того, достаточно долго (до 70-х гг. XX в. этот праздник отмечали с частушками, песнями и плясками за селом в поле – «на Левиной»).

Много времени занимает прием пищи. Современный избалованный человек вряд ли удивится рациону крестьян, однако и он для нас интересен и во многом поучителен.

Можно говорить о том, что основным и особым продуктом на селе оставался хлеб. В Коровке отдавали предпочтение кислому ржаному хлебу из заквашенного теста. Большой редкостью был заварной хлеб. Перед тем как готовое тесто положить на лопату, на нее клали капустный лист. Испеченный хлеб вынимали и обязательно «умывали» (слегка брызгали водой и осторожно вытирали чистой тряпочкой). Затем хлеб накрывали специальным полотенцем – дежкой. Держка давалась в приданое каждой девушке, хлеб накрывали только своей. Долгое время хлеб в Коровке пекли в каждом доме, и только в 1959 г. была построена сельская пекарня (заведующая Н.А. Камнева), которая, однако, не прижилась и была закрыта уже в 1960 г.

Как и в большинстве российских сел, крестьянский стол в Коровке никогда не отличался обилием мясной пищи. Чаще всего мясо ели вареным «вощах». Только состоятельные жители села могли позволить себе жареное или тушеное мясо. В питании преобладали овощи и крупы, молоко и яйца. Чаще всего коровкинцы варили пшенную кашу. Для этого на каждом огороде семья сеяла просо. В больших количествах сажали на участках капусту, которую квасили впрок. Картофель же в нашем селе недолюбливали, особенно старообрядцы, хотя у «мирских» он был основой горячей пищи в XIX–XX вв. Из напитков в селе был очень популярен квас. Каждая хозяйка имела свой собственный, особый рецепт. Самым распространенным блюдом из кваса была окрошка. Популярным был и травяной чай. В каждой большой, мало-мальски зажиточной семье был самовар, за

которым бережно ухаживали и использовали долгие годы, передавая из поколение в поколение.

Существовали определенные правила поведения за столом, особый этикет. За их выполнением следил хозяин дома. Каждый член семьи знал свое место за столом. Хозяин дома сидел под образами, дети – в соответствии со своим возрастом. Жидкая пища подавалась на стол в одной большой деревянной чашке. Каждый должен был есть не спеша, не обгоняя другого. Нельзя было есть «в прихлебку», то есть зачерпывать похлебку дважды, не откусив хлеба. За «гущу», куски мяса и сала на дне чашки принимались лишь тогда, когда съедали жижу. Первым это делал отец, потом все остальные. Запрещалось брать в ложку сразу два куска мяса. Если кто-нибудь из членов семьи по рассеянности или по умыслу нарушал эти правила, то незамедлительно получал по лбу хозяйской ложкой. Хозяйка в большой семье ела одна, после того как все закончили трапезу.

Говоря об обрядовой пище, хочется, прежде всего, сказать о поминальной трапезе. В Коровке она проходила по очень строгим правилам. На столе присутствовали только обязательные блюда, подаваемые в строгой последовательности. Первыми – блины с медом, затем – квас-окрошка. После окрошки подавали щи, затем кашу. Последнее блюдо – компот. Стоит отметить, что «мирские» все блюда (включая компот) подают в больших мисках, из которых едят все вместе деревянными ложками.

Свадебная обрядовая кухня чаще зависела от дохода семьи. Однако обязательными были традиционные тонкие блины – каравайцы.

В Коровке существовал очень хороший обычай: к церковным праздникам в семье, у которых не было коровы, приносить молоко.

Если говорить о пище коровкинцев, нельзя не сказать и о посуде и других приспособлениях (нужно упомянуть и русскую печь). В Коровке не было профессиональных печников. Чаще их приглашали из соседнего с. Березовка, но кое-кто рисковал класть печи самостоятельно. Посуда же была в основном глиняной и деревянной. В глиняных крынках (высоких горшках с широким горлом) варили кашу, щи – в чугунах, для маленьких детей использовали мастюшки – глиняные горшки с ручкой и большим горлышком. Была и стеклянная посуда: бутылки-«четверти», стаканы. Воду носили в деревянных самодельных ведрах с помощью коромысла. Тесто для хлеба ставили в деже. Для горячих блюд использовали жаровни. Овощи солили и заквашивали в кадках. Ягоды, грибы, орехи собирали в берестяные туески. Деревянную посуду зачастую изготавливали сами, используя простейшие станки.

Таким образом, видно, что в рацион практически не входила жареная пища, круглогодично использовались овощи – летом свежие, а зимой квашенные и соленые. Практически ежедневно в пищу употребляли кашу. Посуда в доме была только самая необходимая.

Весьма характерно выглядела одежда коровкинцев. Народному отношению к одежде вообще была свойственна удивительная бережливость. «Повседневно встречался контраст между рабочей и повседневной одеждой (не говоря уж о разнице между будничной и праздничной)...»¹. Особого упоминания заслуживает коровкинский женский костюм-тройка. Он состоял из трех вещей, соответственно. Главная часть – сарафан (он имел на груди много складок для придания пышности). Нижняя часть сарафана украшалась каймой и всевозможными узорами, которые придумывали сами мастерицы. Вторая часть – это кофта. Ее верх был присборен и украшен узором, а низ расклевшен; воротничок-стойка, рукава присборены. Под кофтой носилась станушка. Третьей частью костюма был передник (присборенный в средней части и внизу отделанный каймой). Последовательно «нанизанные» друг на друга части этого костюма не образовывали мелких складок, не ложились по фигуре, а наоборот, расширяли ее. Это придавало молодой женщине необходимую долю степенности и дородности, считавшейся признаком здоровья и силы, необходимой для выполнения многочисленных работ по дому и хозяйству.

Стараясь разнообразить свою одежду и жизнь, жители села занимались кружевоплетением, вышиванием. С XIX в. вышивание становится одним из основных занятий девушек-крестьянок. Вышивкой украшали предметы быта: полотенца, подзоры, скатерти, салфетки и собственно одежду. Для Коровки была характерна вышивка красными и черными нитками. Полученный узор выглядел ярким и нарядным. Сама концепция украшения передавалась из поколения в поколение. Особенно много вышивки было на полотенцах. Узоры на них отличаются по характеру. Например, на траурных полотенцах использовали только черные нитки. Весьма интересен тот факт, что для Коровки, кроме узоров, характерны различные надписи и инициалы. Надпись зависела от назначения полотенца. Например, «КЛТД» («Ка-во люблю – таво дарю»).

Повествование о крестьянском быте было бы неполным, если бы в нашей работе мы не упомянули такой вид ремесла, как ткачество. В с. Коровка на протяжении многих веков ткали в каждом доме. Труд этот требовал немалых физических сил и умения. Огромное место тут занимал процесс получения ниток из льна. В 1928 г. в селе появляет-

¹ Белов В.И. Повседневная жизнь русского Севера. М., 2000. С. 226.

ся артель веревочников и ткацкие станки постепенно исчезают из домов крестьян.

В Коровке, как и во всем Сапожковском районе, было хорошо развито ткачество. Здесь отделявали узорным тканьем различные предметы женской одежды – рубахи, фартуки и пр., но самыми богатыми узорами украшались знаменитые сапожковские шушпаны. Делали их из белой шерстяной домотканины, с широкими рукавами прямого покроя, по низу рукавов и подолу пришивали многоцветные тканые полосы, очень своеобразные по орнаменту и колориту. Полы шушпана обшивали цветной самодельной тесьмой. Сапожковские узорные ткани отличаются большим разнообразием орнаментальных форм, имеющих свои местные наименования: здесь и «орепьи» (гребенчатые ромбы), и «лягушка» (ромб с крючками), и «мельница» (гребенчатый косой крест), и другие формы, ритмично чередующиеся и организованные в стройное и компактное целое. Колорит сапожковских тканей выдержан в оранжево-красной гамме, в нем много золотистых, желтых цветов, что создает ощущение солнечного тепла и ясности; оживляет его небольшое количество синего, зеленого и белого, придающее контрастность. Фоном в сапожковских узорах служит всегда красный цвет того или иного оттенка, в более ранних тканях – коричневатый, мягкий, в тканях конца XIX – начала XX в. – яркий кумачово-красный. Подобный колорит характерен и для тканей других районов Рязанщины, но там тканые узоры не так богаты по орнаменту, в них сравнительно большую роль играют вышивка и различного рода отделки – нашивки лент, позументов, тесьмы и пр. Для рязанского ткачества в целом характерно противопоставление белого поля ткани очень компактному и яркому цветовому пятну тканого узора и отделки. В известной мере это свойственно и всему южнорусскому узорному ткачеству. С начала XX в. по мере изменения сельского быта, приближения деревенского костюма к городскому узорное ткачество начинает постепенно отмирать, особенно этот процесс усилился с 30-х гг. XX в. Именно тогда (в 1928 г.) в селе был открыт ткацкий цех как ответвление артели веревочников. В нем работали как жители села, так и привезенные с округи слепые (в Коровке была организована ячейка Всероссийского общества слепых).

Немаловажной составляющей духовной культуры коровкинцев была русская крестьянская песня. Как и во всей России, в Коровке этот вид народного творчества был популярен, но в указанном селе он имел определенную специфику. «Прежде всего, этот феномен связан с устной формой бытования песни...»¹. В Коровке существовали поч-

¹ Гилярова Н. Детский фольклор Рязанской области // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1992. С. 4.

ти все жанры народной песни. Это и колыбельные, и обрядовые, и плясовые, и частушки. Однако особенной любовью коровкинцев пользовались совсем другие «мелодии», в нашем современном понятии не такие уж и веселые. Многие из них заканчиваются смертью главного героя или смертью его близких. Иногда сама песня поется от лица уже умершего, как, например, в популярной в казачьей среде (и в Коровке) песне «Судьба». Вообще, многие из этих «мелодий-наигрышей» напрямую указывают на казачье происхождение села и его жителей¹.

Таким образом, мы можем видеть практически все составляющие повседневности и нехитрого быта коровкинского крестьянина. Однако за этой кажущейся простотой скрывался многовековой опыт многоукладной культуры казаков – пашенных солдат – государственных крестьян, что и отразилось на всех аспектах «сельской цивилизации».

Завершая рассказ о сельской повседневности, нельзя обойти стороной такое значимое событие, как съемки в пределах населенного пункта художественного кинофильма «Бабы рязанские». Эта картина стала классикой, зафиксировавшей жизнь российской глубинки в ее первозданном, немного наивном виде. Вот что пишет режиссер фильма О. Вишневская: «...Молодежь снималась охотно – но стариков пришлось долго уговаривать. Со старухами было плохо – эти были убеждены, что или умрут сейчас же после съемки, или же на них выступят антихристовы печати. Но еще хуже было в одном селе (*Коровка*), где производилась часть съемок – там не хотели сниматься совсем, испуганно убегая от аппарата. Тут режиссерам и администрации пришлось показать чудеса терпения и изобретательности – толпу незаметно заставляли играть, выполнять, что требовалось: отвлекая их внимание, незаметно снимали...»².

И невдомек было столичным «киношникам», что, погнавшись за «лубочной Россией», они упустили невиданный клад культуры старообрядчества, который теперь не вернуть и не описать никакими словами...

§ 4. Прозвища, улицы и ландшафты

Так происходит в жизни человека, что он является частью исторического процесса даже тогда, когда и не хочет. Задумывая этот параграф, никогда бы не подумали мы, что легким росчерком пера чи-

¹ См.: Приложение № 3.

² Вишневская О. Советский экран. 1927. № 47.

новников будет изменена историческая карта села. Тому, о чем сейчас будет написано, не нашлось места в официальных наименованиях, а улицы Коровки стали донельзя городскими просто потому, что так модно и удобно. Кого же волнует историческая справедливость?

Конечно, очень часто названия сельско-деревенских улиц неблагозвучны и не всегда находятся в рамках цензуры, куда как приятнее обычные и простые «стрит» и «авеню». Но...

Историческое название улиц рассматриваемой нами местности таково: Попова, Завертяевка, Фетисова, Гуды, Солянка, Игнатова, Макеева, Большой конец, Москва, Маньчжурия, Нахаловка, Рястеряевка, Кочетовка, Поперечная. Происхождение этих названий как весьма прозаичное, так и несколько оригинальное.

Улица Попова сегодня сохранила свое наименование благодаря удачному созвучию с фамилией изобретателя радио А.С. Попова. Хотя никакого отношения к великому ученому, конечно, не имеет. Название свое улица получила от проживавших на ней иереев (попов) Троицкой церкви. На ней же находилась и сама церковь, хозяйственные церковные постройки, церковно-приходская школа, а в конце улицы – кладбище. Кладбищ в селе было три. Первое – традиционно рядом с церковью – до сегодняшнего дня не сохранилось (только один мраморный покосившийся памятник), как и второе кладбище на юго-востоке села; сейчас осталось только одно – упомянутое, в конце улицы.

Не нашлось места в современном описании села таким улицам, как Большой конец, названному так по протяженности и числу жителей (теперь эта улица носит название Северной); улица Завертяевка, получившая свое название по интересной конфигурации, стала Лесной; улица Нахаловка (ее начали заселять без согласования с властями) именуется теперь более презентабельно – Новая.

Большинство улиц села названы по известным в Коровке жителям: Игнатова, Фетисова, Макеева и др. Они сохранили свое название до сих пор. В завершении описания улиц стоит несколько слов сказать о таких названиях, как Маньчжурия и Москва. Обе они удалены от центра села, имеют своеобразное расположение.

Конечно, на всех улицах жили люди и, как ведется в большинстве российских деревень и сел, а уж особенно со старообрядческими истоками, по фамилиям здесь никто друг друга не называл – только по прозваниям, или «по-дворному». Такую особенность в свое время подметил в своем романе «В лесах» П.А. Мельников (А. Печерский): «...И у крестьян родовые прозванья ведутся, и даже свои родословные есть, хотя ни в местных, ни в других книгах они и не писаны...»¹.

¹ Мельников П.И. В лесах : роман. М. : Эксмо, 2012. С. 55.

Еще памятен тот случай, когда какая-то бабушка на улице спросила меня: «Чей ты?». Я назвал свою фамилию, а она ответила, что таких у нас много и нужно уточнить «по-дворному».

Прозвания, несмотря на свою традиционность, были очень динамичными. Это связано с появлением новых семей, с перерастанием и наложением прозвищ на «подворные». Иногда в селе было так, что прозвание закреплялось за усадьбой и экстраполировалось на ее обитателей.

Самыми распространенными в Коровке фамилиями со дня его первого упоминания были: Карповы, Першины, Мостяевы, Подгузовы, Камневы, Крестьяниновы, Щевьёвы и др.

Конечно, большинство прозваний произошли от наиболее значимых или запомнившихся по разным причинам односельчанам представителям рода. Таковы «по-дворные» наименования: Ларочкины, Савкины, Игнатовы, Назаровы, Осины, Листаровы, Сенины, Абрамовы, Фетисовы, Михейкины, Силкины, Плешаковы, Мартиновы, Сазновы, Целовальниковы, Горины, Манушкины, Песковы и т.д. Это традиционные прозвания остались неизменными несколько поколений и сохранились до наших дней.

Но были и другие, произошедшие от обидных или безобидных прозвищ, в точности которых русский народ никогда, наверное, и не ошибался. Так случилось, что прозвище это становилось самым именем, а имя, которое наречено было по рождению, забывалось практически окончательно. Были и другие, еще более меткие клички, но для них вряд ли найдется место на бумаге.

Сам сельский житель находился в уникальном пространстве, где каждый уголок и каждая часть имела свое наименование, прозвание, наречение, начиная от окружавших Коровку лесов и полей, заканчивая малыми водоемами и рошицами.

Самый близкий и родной для села лес – это Круглый или Наш лес. Этот светлый лиственный массив действительно имеет овальную форму, небольшой, близкий и добрый – в нем невозможно заблудиться. Туда безбоязненно отпускали за ягодами и грибами даже детей.

В отдалении от села, на западе, находится другой лес – Пушкарский. Он расположен фактически между Сапожком и Коровкой и для жителей села не является дружелюбным. Грибники туда не ходили, охотники опасались. В селе долгое время существовало поверье, что именно туда, в Пушкарский лес, отправляются местные и окрестные ведьмы на свой шабаш.

В середине XX в. в Пушкарском лесу пробурили несколько скважин для добычи минеральной воды с уникальными свойствами, которая теперь поставляется «ко двору» Московского патриархата.

Интересны названия водоемов села. Главной рекой является одноименная с населенным пунктом Коровка. Она течет через все село и впадает сначала в Пожву близ с. Михеи, та, в свою очередь, – в Пару и далее в Оку. В р. Коровку впадает несколько малых рек: Путениловка, Бычок Первый, Бычок Второй, Валех, Монастырек. Кроме того, в селе всегда было много прудов и запруд: Конное (близ главной сельской конюшни), Лисицино, Буробино, Полино озеро, Сашин пруд, Горелое болото.

Что же касается ландшафтов, село окружающих, они также имеют небезынттересное наименование. Например, ложбина Лобахино имеет мистическую историю. Там по преданию была захоронена женщина-висельница и колдунья Лобаха, которой по вполне понятным причинам не нашлось место ни на одном местном кладбище.

Мочилище получило свое название от работы со льном (его в этом месте мочили).

На востоке от села, между Михеями и Коровкой, находятся поля, имеющие название Лысые горы. Действительно, для коровкинского ландшафта большие овраги и бугры не характерны, но вот с этой стороны они присутствуют.

Таким видели село казаки XVII в., таким видим мы его и сейчас, только названия многие уже забылись, улицы и дома стерлись с лица земли, леса изменили свои очертания, но сам микросоциум остается целым, пока живы люди, которые помнят.

§ 5. От советского села к российской действительности

За делами повседневными незаметно проходило время. С началом XX в. мужчины села регулярно участвовали во всех войнах нашей страны, как победоносных, так и не очень, а женщины традиционно дожидались их дома. Казалось, что вековой уклад сельской жизни ничто не переменит. Но изменения эти были неизбежны.

Знаковым событием в истории страны стали революционные события 1917 г., которые не только вновь изменили социальный статус коровкинцев, но и поменяли саму структуру российской действительности, получившей название советской.

В зажиточном селе Коровка колхозы создавались тяжело, так как большой необходимости в них, по сути, не было. Но маховик времени вращался так, что против воли «центра» могли встать только совершенно отчаянные или недалекие люди.

В конце 20-х гг. XX в. сельскими активистами предпринимались попытки создания колхоза. Но первое хозяйство распалось всего лишь через пять месяцев. В 1930 г. была вновь предпринята попытка

создания коллективного хозяйства. Таких было несколько: «Красный Октябрь», «Новая жизнь», «Власть Советов», «Вторая пятилетка». Самой удачной оказалась судьба колхоза «Власть труда», который в конце 40-х гг. был переименован в «Память Жданова», а через несколько лет в «Ждановский».

В 1934 г. в село вошла первая тракторная колонна. Увидев «железных коней», женщины села вышли на улицу и, крестясь, перегородили дорогу. Только после долгих уговоров и объяснений цели приезда, колонне удалось войти в село и приступить к работе. Это событие получило в сельской среде название «Бабьего бунта».

Серьезного и активного сопротивления коллективизации в Коровке, по сути, не было. Жители довольно быстро поняли безрезультативность таких попыток. Большинство деятельных и зажиточных фамилий интуитивно поняли всю последовательность и итоги своих возможных действий при сопротивлении. Показателен случай. Владелец местной шерстобитки А.С. Мостяев, имея большую семью и хозяйство, в начале 30-х гг. посадил домашних на телегу и повез в Сапожок фотографироваться, так сказать, «напоследок». На следующий день вступил в колхоз, куда и передал практически все свое имущество.

По данным Народного комиссариата внутренних дел репрессированных в селе было не так много – около десятка, а те, кто попадал под эту ужасную машину, были наказаны никак не высшей мерой. Тем не менее у наиболее зажиточных крестьян были конфискованы их дома, приспособленные потом в здания для нужд села: школа, цеха, почта, столовая, сельская администрация, здание правления колхоза и т.п.

Для сел начала XX в. пожары не редки. Тем более если принимать во внимание соломенные крыши и деревянные дома большинства крестьян. В 1925 г. произошел, наверное, самый сильный за всю историю села пожар. Было уничтожено более 300 строений, выгорали колодцы, погибло несколько десятков людей. Детей смогли спасти, вывезя их подальше от села в поле. После этого случая в Коровке появляется добровольная пожарная команда, а на домах жителей – деревянные таблички с перечнем того, что они должны принести в случае пожара, спеша к тушению. Подростков обязали дежурить на колокольне церкви и извещать о начале возгорания. Обеспечивая безопасность жителей, селяне организовали и ночные дежурства.

Жизнь постепенно налаживалась, но война вновь внесла свои коррективы. Из села на фронт ушло практически все трудоспособное население, более 300 человек, – в тылу остались лишь старики, стару-

хи, женщины и дети. Именно им было суждено поддерживать своих защитников каждодневным подвигом.

Послевоенное восстановление села было тяжелым – два человека из трех призванных на фронт из села так и не вернулись с полей сражений. Тем не менее сельский житель пытался сделать свою жизнь лучше. Вновь в полную мощность заработал ткацкий, красильный и белильный цеха. Заведующие ткацким цехом Н.А. Медведева и П.Г. Першина смогли организовать работу таким образом, что цеховики (М.А. Карпова, А.Я. Путилина, А.С. Короткова, З.Я. Романова и др.) изготавливали разнообразную продукцию: портьеры, ковры, половые дорожки и т.д. Но пожар 1964 г. в цеху остановил его работу, цеховые мастера разошлись работать в колхоз или же на предприятия в Сапожок.

Пытаясь хоть как-то разнообразить жизнь жителей, в центре села устроили небольшой аттракцион «Гигантские шаги» (прототип карусели), в доме бывшего «кулака» открыли Дом культуры, а в бывшем доме священника поместили красный уголок. Кроме того, на каждой улице была своя «танцевальная площадка» – «пяточок».

Долгое время единственным информационным источником в деревне были газеты. Только в начале 60-х гг. в Коровке появляется проводное радио, а к концу этого же десятилетия и электричество. Правда, давалось оно только на несколько часов в день, от собственного генератора в пристройке близ закрытой церкви.

В селе функционировали несколько магазинов, закусочная, почта (А.И. Аленкина), детский садик, медпункт (З.В. Задубровская, М.К. Шашурина), библиотека (З.М. Карпова, Л.И. Першина, Н.А. Золотарева), Дом культуры, общественная баня, даже свой Дом быта (А.Т. Щевьёва).

Седьмого ноября 1989 г. в селе был открыт памятник павшим воинам. Для того чтобы это событие свершилось, немало потрудились: С.В. Карпов – председатель ячейки совета ветеранов, А.А. Замятина – председатель сельского совета, В.П. Фимкин – директор совхоза «Ждановский» и др. Памятник во многом уникален: на нем высечены имена всех не вернувшихся бойцов Великой Отечественной войны и воина-интернационалиста Н.И. Мостяева.

Динамично развивалось хозяйство «Памяти Жданова», переименованное позже в совхоз «Ждановский»: было несколько конюшен, птичник, фермы крупного и мелкого рогатого скота. При хозяйстве были молочный завод, мельница (мельник С.Н. Крестьянинов), несколько кузниц, шерстобитка (шерстобит В.И. Щевьёв) и т.д. В 70-е гг. XX в. был признан перспективным и доходным. Казалось, что дина-

мику роста не остановит уже ничего, но это было неверно – приближалась перестройка.

Внезапно доходное хозяйство стало убыточным, а реорганизация его в товарищество с ограниченной ответственностью «Дружба» в 1992 г. положение не поправила. Земли не обрабатывались, фермы закрывались, поголовье скота сокращалось. В 2000 г. кооператив был вновь реорганизован в общество с ограниченной ответственностью «Коровка», но, по сути, реорганизовывать было уже нечего: ни скота, ни техники, ни способных к работе людей не было. В 2006 г. своеобразной попыткой воссоздания хозяйства стала его реорганизация в общество с ограниченной ответственностью «Агро-С» и переориентация на овцеводство, но это была уже работа в рамках крупного холдинга, который к селу имел отношение опосредованное...

Сокращалось население села: сначала в 2011 г. сельская школа была преобразована в филиал, в 2013 г. Дом культуры и библиотека переведены в здание школы.

ЛАВА

III

Религиозные отношения

в сельском обществе

с. Коровка

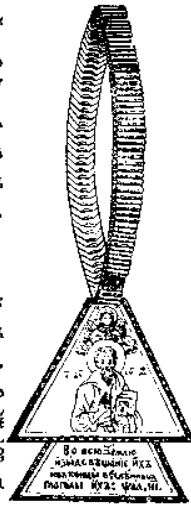
(XVII–XX вв.)

СКАЗАНИЕ

О ПЕРВОМЪ ИЛИ ВЕРНОМЪ ПО УСТАВУ.

НА МѢСѢ ПРЯДЪ ОБРАЗѢ БЖИИ
КАЖДОМУ ХРІТІАНИНУ ДОЛЖНО
НА ВѢЛИКІИ ДЕНЬ СЕДМІЦУ
ЛѢТОВОКУ НАПРАВЛЯТЬ : ДА
ВОПОМИНИМА ЕДИН ЦЕРКОВ
НАШУ ТѢННІТЪ , ВЪ КОТОРЫХЪ
ЗАКЛАЧЕНЫ ХРІТІАНИНЪ ЗАКОНЪ .

33

Первое . Крещеніе .
Второе . Мѹропомазаніе .
Третье . Свѣщенство .
Четвертое . Причащеніе .
Пятое . Исповѣданіе .
Шестое . Законный бракъ .
Седьмое . Вмощеніе .

34

ПЕРВОЕ НАМѢРЪ ВЪ МѢ
А ЛАПОРТКА , ВЪ КОНЦѢ
ИСПОВѢДЬЕ А ЕВАНГІА .
ИВАНІА ОКОЛО ЛАПО
РТКОВЪ — ЕВАНГІОЕ ОУЧЕ
НІЕ . МЕЖДУ ЛАПОРТКОВЪ З
ПРЕДВѢЩЕНІЕ — ВЪ ЗНАКЪ ЕДИ
НЦІ ЦЕРКОВНЫХЪ ТѢННІТЪ .
ГЛАВЪ ЕВАНГІА ЛѢТОВКА , РОГЪ СТѢНЪ Ю ХРІТѢ НИ БЖИИ , ПОМИЛЫ МЛА
КА НА ЕГОРОКЪ , И КЪ ЛѢТОВКѢ ЕЩЕ
ТРИ ВЕЛИКІА , ВЕЩЕ ДѢЛАТЬ — ТО
ОЗНАЧАЕТЪ ДѢЛАТЬ ЧИНОВЪ ЗНАВІИХЪ ,
И ДѢЛАТИ КЕЛЧНОЕ ПОШЕНІЕ ВО ОУТРОБѢ
ПРІВѢЩЕНІА МЛНЦА ПРІТОНЪ БГОРОДНИКЪ .
И ЕВАНГІИ ПРОТОНЪ МѢТЪ : ЗЕМЛѢ . КАЖДИ ПОКАШНОВЪ ПО ЕПЛАТЪ , ПО
ЗАТѢМЪ БІ БѢОЧКОВЪ ОЗНАЧАЕТЪ : АНЪ МОЖИИ , КАЖДОДНѢВНО : ЗА ВЕ
БІ АПЛАШЪ ИЗЪ ГЛАМЪ ПО ЗЕМЛѢ
ХОДІАН . АДЪ БѢОЧКОВЪ : АДЪ БѢОЧКОВЪ
НЕДѢЛЬ И ДВА ДНИ ПРІВѢЩЕНІА ЕЩЕ
АБЪ ЧРЕВЪ ХРІТѢ НОША . АНЪ БѢОЧКОВЪ :

АГЪ ГОДА ГЛА ПО ЗЕМЛѢ
ХОДІАН . А ЗІ БѢОЧКОВЪ :
ЗІ ПРІОЧЕНІЕ Ю ХРІТѢ ВЕІ
ЛО . АЩЕ НАЧНЕТЪ МОЛІ
ТНА ПРЯДЪ ОБРАЗѢ БЖИИ .
И ПРОИЗНОШЕНІЕ ИЗЪ ОУТРОБЫ
И ЕВАНГІА МЛТЪ . ТАКЪ
ТВОРИТЕ И ГЛАГОЛИТЕ : ГЛА
ГЛАГОЛИТЕ , (ИМЪ .) ПОТОМУ МОЛІ
ЗА СВОИХЪ РОДІТЕЛЕЙ , И ЗА ЦРКВЪ ДЕРЖАВЪ
НАШУ , Ю ЗАВѢЩАНІЕ , И ЗА ОУГОШЕНІЕ ,
И ЗА ОЦѢ ДХОВНАШУ МОЕЮ , И
ЗА ВСѢХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ХРІТІАНЪ . И
КАЖДИ ПОКАШНОВЪ ПО ЕПЛАТЪ , ПО
ЧЕРНИ , ЗА ОУТРОБЪ , ЗА ЧЛВКЪ , И ЗА
БѢОЧКОВЪ АНДРІИ , И ДА ПЛАШЕНІА .
ЗМІИ .

35

Гринографъ Архангельскіи . АНТЪ , ЕА .

§ 1. Церковный раскол XVII в. как социокультурный феномен русской жизни

Культура нашей страны чрезвычайно богата. Так думают и говорят практически все жители России. Но в чем они видят эту самую богатую культуру? Скорее всего, в произведениях искусства, в архитектуре древних городов, неспешном течении жизни русских сел и деревень, в устном народном творчестве, а иногда в особенностях русского менталитета. Многие поставят на первый план религию, христианство, указывая на этот государство образующий фактор либо на другие уникальные особенности ортодоксального православия. Тем не менее ядром православной религии, причем ядром многоликим и до сих пор не до конца понятным, в нашей стране является старообрядчество.

Старообрядчество – это та часть культуры страны, без которой немыслимо ее подлинное возрождение, движение по особому для нашей Родины пути. Что бы ни писали и ни говорили последователи славянофилов, западников и евразийцев, Россия – страна уникальная, требующая не только уважения и гордости, но и чуткого отношения и пристального изучения.

Несмотря на свое чрезвычайное многообразие, старообрядцы являются носителями уникального образа жизни, уникального же бытия русского человека. Кристаллизуясь долгие годы, закаляясь в постоянном противостоянии с государством и официальной православной церковью, старообрядцы даже за века гонений не сломились, не изменили себе и русской культуре.

Почему же раскол был так интересен русскому человеку? Почему именно русский народ организовал такое долгое по времени и упорству сопротивление? Наверное, потому что мы всегда с большим трудом принимаем реформы властных структур (будь то церковь или правительство в различных своих ипостасях), потому что ничего хорошего от них ждать никогда не приходится.

В момент зарождения раскола, прологом которого были локальные религиозные споры, в том числе во времена, близкие к Смуте конца XVI – начала XVII в., завершившейся только за несколько десятилетий до раскола, обновление обрядности выглядело, как и любое вмешательство в дела России, своеобразной интервенцией.

Раскольники спасались от гонений первоначально с упорными эсхатологическими настроениями и как бы растворились по всей стране, основывали скиты, забирались в леса, многие ради сохранения чистоты веры эмигрировали.

По целому ряду предписаний правительства раскольникам было запрещено открыто совершать богослужения, их моленные и храмы не должны были своим внешним видом напоминать православные сооружения, священникам-старообрядцам было запрещено в миру даже носить одежду, подобающую их сану. Тем не менее раскол не затухал, постепенно то воскресали, то уходили на второй план ожидания скорого конца света, хотя эсхатология до сих пор остается важным звеном в жизни старообрядцев.

Творческие деятели раскола сумели создать уникальные произведения искусства, которые в официальной церкви либо были запрещены, либо вообще не использовались. Это относится прежде всего к художественному литью (распятия, нательные кресты и иконы), к традиции книгопечатания и великолепной рукописной традиции, к прикладному религиозному творчеству (создание лестовок и подручников). Не говоря уже о музыкальной культуре.

Практически безусловная монополия государства на деятельность по изготовлению книг не позволяла старообрядцам в необходимом количестве издавать литературу, отвечавшую всем их духовным и литературным требованиям. В результате на протяжении пятидесяти лет, в период становления движения, в так называемый период развития его мировоззрения, старообрядчество вынуждено было довольствоваться в массе своей дореформенными книгами, дополняя их переписанными от руки «тетрадами».

Музыкальная старообрядческая культура разнообразна и составляет значительную часть в культуре страны. Музыкальные основы их традиций располагаются во временах Древнерусского государства. Затем наиболее основательно традиция укоренилась в богослу-

жении большинства старообрядческих толков и согласий. И это несмотря на то, что старообрядцы постоянно испытывали влияние так называемой «мирской» музыки. В этот широкий пласт старообрядческого музыкального творчества входят обрядовая сторона (свадьбы, календарные обряды), так называемая духовная лирика покаянного содержания, произведения сатирического плана и др.

Многие исконно русские атрибуты, такие как уже упомянутая лестовка (старообрядческие четки или, скорее, четки самого начала православия), изготавливаются и сохраняются теперь только в среде старообрядцев и совершенно забыты (исключая ряд икон с изображением Серафима Саровского) в официальной православной церкви, где популярны теперь западные четки.

Кроме того, несмотря на повсеместные гонения и притеснения, старообрядцы всегда стремились к знанию. Еще Н.И. Костомаров подчеркивал, что в русской истории «раскол был едва ли не единственным явлением, когда русский народ – не в отдельных личностях, а в целых классах – без руководства и побуждения со стороны власти по образованию показал своеобразную деятельность в области мысли и убеждения».

Первоначально старообрядчество, лишенное многих гражданских прав, не могло участвовать в общей государственной просветительской деятельности страны, а развивались только семейные школы. Но, как показывает официальная статистика, к началу XX в. старообрядчество являлось практически поголовно грамотным.

В 1905 г. был издан «Высочайший указ об укреплении начал веротерпимости», установивший в России «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» и предоставивший старообрядцам право открытия собственных школ. Но и на тот период существовало только две разрешенные правительством школы: Гребенщиковская школа в Риге и Бугровская школа в Нижегородской губернии.

Уникальными являются организация быта и семейное воспитание старообрядцев. Сама культура поведения, полное неприятие вредных привычек и многое другое.

Старообрядцы как прекрасные экономисты составляли особую прослойку купечества, из которой вышло такое характерное и интересное для нашей страны, прежде всего начала XX в., меценатство. Оно оказывало чрезвычайно благоприятное влияние на многие отрасли культуры, меценаты помогали раскрыться и не давали погибнуть ни одному таланту.

Но, как ни парадоксально, старообрядчество оценивается большинством обывателей и многих исследователей как некий досадный атавизм, как устаревшая и ненужная «лапотно-лубочная» Русь. Старообрядцы для них – бородатые нелюдимые сектанты, живущие в лесах, если они вообще сейчас существуют. С чем же это связано? Прежде всего с тем, что старообрядцы не привыкли за годы гонений активно вести пропаганду своих идей, «рекламировать» себя и свои устои, попадать на первые полосы таблоидов и в топы новостей Интернета в связи с громкими скандалами либо же удивлять паству дорогими аксессуарами и автомобильными марками.

Необходимо помнить, что культура России основана не только на достижениях теперешней РПЦ, но и на незаметном служении старообрядцев. Парадоксально, но раскол XVII в. помог, по сути, сохранить русскую культуру в практически неприкосновенном виде, так как дистанцировался от реформ и, прежде всего, реформ Петра I, которые носили, с одной стороны, явно прогрессивный характер, но с другой – нанесли крайне пагубный и жестокий удар по самобытности народа и всему русскому менталитету. Именно тогда русские признавались отсталым народом в культурном плане, что, конечно же, глубоко неверно.

Церковный раскол XVII в. – сложнейшее явление нашей духовной и культурной жизни. Раскол нельзя рассматривать односторонне, так как в нем присутствовали не только негатив и противоборство. Именно старообрядцы стали хранителями русских религиозных традиций, особой ментальности.

Фактически раскол начинается с возникновения спора нестяжателей (сторонников Нила Сорского), и стяжателей (последователей Иосифа Волоцкого). Тем не менее нельзя сказать определенно, чьи именно идеи в итоге заложили фундамент старообрядчества, а чьи, в большей степени, – официальной православной церкви. Именно здесь мы видим целый симбиоз идей, которые позже с успехом заимствовали как те, так и другие.

Становление христианства в нашем государстве всегда проходило через противоборство. Сначала – в столкновении с язычеством, с которым, в итоге, так или иначе, слилось хотя бы в праздничной традиции и обрядности; потом – в выборе вектора православия. Ведь не зря существуют предположения, что князь Владимир крестился в арианской ереси, что было прежде всего вызовом Византийской империи, утверждением независимости Руси от Константинополя с его патриархом и василевсом. Затем русская вера формировалась в борьбе с собственными ересями, в частности, в противодействии с новгородско-московской ересью, явно разрушительной для православия,

начавшейся на стыке мусульманства и христианства по своим основным идеям. И вот на этом фоне появляются нестяжатели и иосифляне. Можно ли отнести Нила Сорского к своеобразным разрушителям древнего? С определенными оговорками, можно. Из-за того, что он предлагал отказаться от внешней «украшательности» в храмах, от внешней же обрядности, больше обращать внимание на мир внутренних, на самосовершенствование и личную молитву.

Смута еще больше «подлила масла в огонь» тяжелейшего становления православной веры в России. Теперь уже столкнулись запад и восток христианства, как когда-то Рим и Константинополь. Тем не менее наша страна сохранила свое уникальное православие, хотя имела все шансы религию сменить или же модернизировать ее до неузнаваемости.

В XVII в. активно действовал Кружок ревнителей древнего благочестия, в который входили друзья и единомышленники Никон и Аввакум. Но, как оказалось, это самое постулируемое древнее благочестие понимали они, к сожалению, по-разному. Стоит отметить, что и тот и другой хотели для еще молодого романовского русского государства только добра и утверждения православия.

В таком противодействии и рождалась русская идея, формировалась уникальная ментальность нашего народа. Религиозная философия получает импульс – противоборство, противостояние, постоянная полемика, обличительство, изучение обрядности и догматики, придание огромного значения символам и знакам, внешнему и внутреннему, их соотношению и противопоставлению.

Почему же не был реализован настолько характерный для православия дух соборности? Почему Никон и его последователи избрали путь западной инквизиции, выкорчевывавшей любую ересь с кровью? Прежде всего потому что патриарх чувствовал себя правым, патриаршество ему представлялось божественно-царственным изначально. А как же можно противиться воле такого царя-пастыря, стремящегося вернуть свою паству из «лесов» неточности и ошибок?

Такая беспощадная борьба с инакомыслящими является безусловной параллелью к идеям Иосифа Волоцкого о непримиримой борьбе с еретиками. Но вряд ли было бы по-другому, встань царь на сторону Аввакума. Об этом можно судить и по упорности сопротивления самого проповедника, стойкости Соловецкого монастыря, по количеству коллективных «гарей», которые продолжались не одно десятилетие.

Практика перманентной борьбы внутри русского православия глубоко диалектична. С одной стороны, таким образом христианство закалялось, но с другой – вынуждено было сражаться со своей же су-

тью. Новый тип философствования родился из религиозной полемики как старообрядцев, так и сторонников официальной церкви.

Особый интерес, в связи с целым рядом политических событий и процессов, проявили раскольники к скорому концу света, рождалась эсхатология, столь характерная теперь для всей религиозной философии России.

Старообрядцев крайне интересовала философия символов: структура (вид, форма, начертание имени Спасителя) распятий, признание православным только восьмиконечного распятия; символика и значение подручника, лестовки; преклонение перед книжным словом; проповедь внешней и внутренней чистоты человека и т.д. Особенно упорные раскольники предпочитали вообще не общаться с «мирскими», дабы не загрязнить себя грехом.

Подспудно формировалась двоякая русская ментальность. Ее проявлением, с одной стороны, был неумеренный образ жизни, подчеркивающий так называемую «широту русской души», с другой – внутренняя религиозность, требование постоянного нравственного подвига.

Конечно, все это постепенно перемешивалось и утрачивало религиозный окрас. Теперь русские предстают именно такими – в них сочетаются и крайне низменное и столь же крайне возвышенное, эгоизм и самопожертвование, антигосударственный настрой и крайний патриотизм. Но позитивная культура и ментальность нашего народа все же была сохранена в большей степени старообрядцами из-за того, что они никогда не были ангажированы властью, никогда в структуру правительственных органов не входили, а занимались религиозным и повседневно-духовным совершенствованием.

Такова наша ментальность, в формировании которой огромную роль сыграл раскол XVII в., постоянное столкновение и полемическая работа, как старообрядцев, так и их оппонентов.

§ 2. Культура представителей официальной православной церкви

Религиозная составляющая любого общества – одна из важнейших частей культуры. Переоценить влияние религии на цивилизацию невозможно. Культурное воздействие церкви и религии было, безусловно, преобладающим в жизни русского народа¹. Русское общество в XVII в. подверглось коренному перевороту, когда огромная религи-

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 17.

озная общность раскололась на две непримиримые части: приверженцев церковной реформы и старообрядцев. Каждая из этих групп позже создала и свою своеобразную культуру в рамках русской «цивилизации».

Противоречия и переплетения этих двух традиций могут быть раскрыты на примере предмета нашего микроисторического исследования – с. Коровка.

Культура жителей села, представляющих официальную православную церковь, в среде самих ее представителей, а особенно в старообрядческой общине, получила название «мирской». Если в XVIII–XIX вв. это наименование имело негативный характер, то в XX в. совершенно избавилось от отрицательной окраски. В нашей работе мы также изредка будем использовать термин «мирской» или «мирская культура». Таким образом, «мирская культура» неразрывно была связана с официальной православной церковью и вращалась вокруг ее центра – храма.

Первая деревянная церковь в селе построена в конце XVI – начале XVII в. Это подтверждают писцовые книги, в которых церковь Живоначальной Троицы с приделом Бориса и Глеба упоминается как действующая уже в 1627–1628 гг. В это время в храме служат два священника: Иван и Дружина, дьякон, пономарь, проскурница. К 1676 г. хозяйство церкви обеднело. В штате значится только один иерей, дьякон и проскурница, а церковной земли стало меньше почти в половину. С чем это могло быть связано? По нашему мнению, проблема упомянутой и последующей бедности прихода зависела напрямую от раскола XVII в., так как не все жители поддерживали реформу патриарха Никона, отвернувшись от храма.

В 1768 г. с легкой руки иерея Трофима в историю церкви закралась путаница. Он вместе с прихожанами пишет прошение преосвященному Палладию, что в их селе было две церкви. Первая Троицкая, а вторая – св. муч. Бориса и Глеба. Крайне сомнительно, что батюшка не смог отличить два престола от двух церквей. Тогда как же так вышло? Мы выдвинем три гипотезы.

Версия первая. Священник действительно ни в чем не ошибся и не перепутал в прошении два престола и два храма. В сказке, поданной диаконом в том же 1768 г. сказано, что первоначально Троицкая церковь находилась «на старом сельце, которое имеется от тех двух церквей расстоянием... в полуверсте к лесу, по бугру, за речкой Коровкою, где донныне огорожено в столбах бревнами и где стоит часовня»¹. Тогда никакой ошибки быть не может.

¹ Цит. по: Добролюбов И. Историко-статистическое описание... С. 31.

Версия вторая. В селе к 1768 г. было как минимум две церкви и одна часовня. Вполне возможно, что первый храм, построенный в конце XVI – начале XVII в. вместе с основанием села «на старом сельце» обветшал, был разобран, а на его месте построена часовня. Кроме того, построили еще два храма в отдалении от часовни. Но вот в чем вопрос – старый храм упоминается вплоть до начала 80-х гг. XVII в. Получается, что часовня и две церкви были построены около 1700 г. И вот, в 1768 г. потребовалось сделать вновь еще один храм на старом месте и туда же переехать священникам и его помощникам. Но за 60–70 лет церковь не ветшает настолько, чтобы даже место, где она построена, оставить насовсем.

Версия третья. Приход завуалировал переход двух ветхих храмов (а точнее земли под ними) в статус молельных домов старообрядцев. По воспоминаниям старожилов села два молельных дома располагались примерно в полуверсте от Троицкой церкви, как и вышеупомянутые храмы – Сахронев молельный дом и Трунинская молельная.

В 1771 г. новая церковь «на старом сельце» в два престола была освящена. Фотографический источник (он находится в запасниках Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника) начала XX в. показывает, что это был однокупольный храм с трапезной. Рядом находилась вышеупомянутая часовня, которая долгое время использовалась как колокольня. Ее, как и деревянный храм, разобрали только в 1914 г., когда была введена в эксплуатацию новая каменная церковь с колокольней. Начало строительства кирпичного храма пришлось на 1900 г., а возведен он был между старым храмом и часовней-колокольней («...обитая тесом квадратная 8-ми аршинами внутри, снаружи окрашена темно-красной краской...»¹). Внутри часовни находился дубовый колодец.

Идеологами и проповедниками официальной церкви в селе являлись два лица: священник и диакон. На протяжении двух веков (XIX–XX) в Троицкой церкви служили три семьи священнослужителей: Некрасовы, Преображенские, а с середины XIX в. – Троицкие². Судя по всему, Троицкие были более деятельными людьми и в 1889 г. учредили одноклассную церковно-приходскую школу³. Именно здесь священник прививал основы православного мировоззрения официальной церкви крестьянским мальчикам и девочкам.

¹ Цит. по: Добролюбов И. Историко-статистическое описание... С. 56.

² Ведомости о церквях города Сапожка и уезда / ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Д. 8, 15, 22, 31, 47.

³ Ведомости о церквях города Сапожка и уезда за 1914 г. / ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Д. 58. Л. 56 об.

Как и положено, в Коровке был церковный староста. Нам удалось установить имена и фамилии только двух человек, занимавших эту должность. В 1900 г. им с 1899 г. был Иван Михайлов Першин¹, а с 3 января 1914 г. – Яков Васильев Попов (отмечен как грамотный)². Старосты отвечали за сбор средств на нужды церкви. Однако из года в год в «Ведомостях о церквях города Сапожка и уезда», подаваемых в Духовную консисторию от местных священников, Троицкая церковь отмечалась как обеспеченная деньгами и церковной утварью весьма скудно (из-за большого числа раскольников в селе).

Чтобы иметь хоть какие-то средства к существованию, церковная земля большей частью сдавалась в аренду жителям села. В 1914 г. ставка за пользование церковной землей равнялась 600 рублям³.

Упомянутый нами новый каменный храм к 1914 г. был покрыт железом, а отделан только с внешней стороны⁴. В «Ведомостях...» опускается тот факт, что церковь так и не была достроена полностью. По проекту к ней полагалось пристроить еще и так называемый «летний храм», а внутренние работы так и не были закончены вовсе до 30-х гг. прошедшего столетия, т.е. до самого закрытия храма и превращения его сначала в конюшню, а затем в зернохранилище. К 1941 г. храм планировалось перестроить под школу, но этому уже не суждено было исполниться.

Православный крестьянин ходил в церковь и отдавал своих детей в церковно-приходскую школу. Хотя некоторые семьи (не исключая и зажиточных жителей) недооценивали значение образования и часто не шли против нежелания детей учиться. Если дочка говорила: «Мама, я лучше буду прясть», родители с сугубо бытовых позиций понимали, что для дома и большого хозяйства это полезнее.

Тем не менее грамотные в селе были, но число их в начале XIX в. минимально, а с середины указанного столетия очень нестабильно. В 1860 г. из 756 мужчин грамотными были 55, из 808 женщин – только две⁵; в 1871 г. из 905 мужчин – 55, из 980 женщин – 5⁶;

¹ Ведомости о церквях города Сапожка и уезда за 1900 г. / ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Д. 47. Л. 97об.

² Ведомости о церквях города Сапожка и уезда за 1914 г. Л. 56 об.

³ Там же. Л. 55.

⁴ Там же.

⁵ Ведомости о церквях города Сапожка и уезда за 1860 г. / ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Д. 8.

⁶ Ведомости о церквях города Сапожка и уезда за 1871 г. / ГАРО Ф. 627. Оп. 240. Д. 15. Л. 277 об.

в 1880 г. из 895 мужчин – 61, из 995 женщин – уже 20¹; в 1887 г. из 769 мужчин – 55, из 771 женщины – только 15². Открытие церковно-приходской школы резко улучшило эти показатели. В 1900 г. из 994 официально-православных мужчин было 343 грамотных, а из 1011 женщин – 45³.

Таким образом, церковь старалась притянуть крестьянский мир к себе и отвлечь от раскола, что ей удавалось с переменным успехом в конце XIX – начале XX столетия. Василию Троицкому, тем не менее, регулярно случалось, не смотря на стойкость, «перевоспитывать» старообрядцев. Источники знают не один такой случай. Церковно-приходская школа, безусловно, повысила число грамотных представителей официальной церкви, во многих домах появились книги-учебники, что поднимало и общую культуру населения. Служители Троицкой церкви сталкивались с финансовой проблемой и потому не могли проводить широкомасштабную миссионерскую деятельность у раскольников, сосредоточившись на образовании своего прихода. Огромную работу в этом направлении проделала семья Троицких.

Сама же жизнь представителя официальной православной церкви, «мирского» крестьянина проходила достаточно спокойно между делами семейными, церковными и другими заботам государственного крестьянина.

§ 3. Старообрядческий «мир» и особенности многоукладной культуры жителей села

Совсем другой нам представляется жизнь старообрядческой общины с. Коровка. Старообрядцы появились здесь, судя по некоторым косвенным данным, с самого начала раскола. Костяк этого сообщества составляли беспоповцы. Определенная трудность возникает с определением согласия.

Беспоповский толк сам по себе уже имел раскол на федосеевцев, поморцев и филипповцев. Разногласия внутри них, по нашему мнению, хорошо рассмотрел П.Н. Милюков. Он пишет, что федосеевцы упрекали поморцев в том, что те не принимали надпись на кресте И. Н. Ц. И. («...поморцы считали ее новой; древней формой была, по их мнению, надпись ”царь славы, Ис.Хс., сим побеждай”...»)⁴. В Коровке

¹ Ведомости о церквях города Сапожка и уезда за 1880 г. / ГАРО Ф. 627. Оп. 240. Д. 22. Л. 81 об.

² Ведомости о церквях города Сапожка и уезда за 1887 г. Д. 31. Л. 64 об.

³ Ведомости о церквях города Сапожка и уезда за 1900 г. Д. 47. Л. 98 об.

⁴ Милюков П.Н. Очерк по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 1. С. 84.

нам удалось обнаружить распятия (художественное литье) только с такой «поморской» формулировкой.

Старообрядческий «мир» села представляется крайне сложным. Первоначально предполагалось, что в селе была только одна старообрядческая община, относящаяся к одному согласию и толку, но, как оказалось, это было совсем не так...

Прежде беспоповский толк признавал сохранившимися только два таинства – крещение и покаяние, отрицая и таинство брака. Впоследствии лишь «...федосеевцы стали относиться к брачной жизни нетерпимо, а поморцы снисходительно»¹. Однако до определенного момента противоречие между необходимостью брака и возможностью его совершения сохранялось. В XVIII в. старообрядец Иван Алексеев пишет обширное исследование «О тайне брака». По нему, «...беспоповщинская церковь должна следовать примеру древнехристианской церкви и признавать браки и венчания в никонианской церкви. Это венчание есть лишь публичное засвидетельствование брака, а самое таинство совершается Богом и "взаимным благохотением" жениха и невесты»². Очень интересно заключали браки староверы села Коровка (это было зафиксировано в одном из отчетов в губернаторскую канцелярию). «...Браки между раскольников совершаются следующим порядком: по благословлению родителей взрослый мужчина и девица за несколько месяцев объявляют себя местным священникам обратившимися в православную веру, совершают по обряду христианскому браки, потом опять вскоре принимают раскольническую секту...»³. Самым интересным является тот факт, что данная приписка к отчету сохранялась на протяжении всего XIX в. и каждый раз чиновники на местах обещали разобраться с этой проблемой, но, видимо, так и не разобрались. Оригинальна в данных случаях и роль священника. Трудно себе представить, что каждый раз «глупый иерей» доверялся хитроумным раскольникам и те обманывали его. Скорее всего, священник венчал раскольников вполне сознательно, руководствуясь общехристианской моралью.

Таким образом, это уже второй факт, подсказывающий нам, что беспоповцы с. Коровка принадлежали к поморскому согласию. Третьим фактом здесь можно назвать то, что коровкинские раскольники, как и поморцы, причисляли себя к «духовно причащающимся». То есть считали, что «...таинство причастия возможно и нужно, но

¹ Милюков П.Н. Очерк по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 1. С. 85.

² Там же. 86.

³ Сведения о количестве раскольников в Сапожковском уезде / ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3359. Л. 93.

сейчас нет возможности выполнять его ввиду отсутствия правильных священнослужителей»¹. Поморцы же – те, кто «...страстно желают причаститься, но, не имея возможности получить св. Дары, все же мистически общаются с Христом»². Уже упомянутый Денисов приводил в пример целый ряд святых, которые так причащались: Мария Египетская, св. Феоктист, преп. Петр Афонский и др.

Очень сложно говорить о таинстве покаяния применительно к старообрядцам в Коровке, потому что разные (устные) источники дают противоречивые показания. Кто-то говорит, что его и вовсе не было, а кто-то утверждает, что исповедовались наставнику. Судя по всему, верны обе эти точки зрения. С одной стороны, произошло это из-за того, что каялись только «истинному наставнику» – мужчине, а последний такой наставник исчез из села в 30-х гг. XX в., а с другой – потому что община старообрядцев была, конечно же, не едина.

Таким образом, старообрядцы с. Коровка сохранили, по сути, только одно таинство – крещение.

Выше мы указывали, что в Коровке действительно были и федосеевцы (это подтверждают отчеты губернатору, статистика перешедших в православие и т.п.). По воспоминаниям старожилов села, в Коровке было «пять вер». Что же эти «пять вер» значили? Попробуем разобраться. Первая – это официально-православная, получившая в селе прозвание «мирской»; вторая – федосеевцы; третья, вероятно, – филипповцы; четвертая – появившиеся в начале XX в. в селе поповцы; шестая – толстовцы «черный пояс». Но! Судя по косвенным данным и материалам статистики, в Коровке были часовенные староверы и еще одно загадочное «колядинское» согласие старообрядцев³.

Подводя итог попыткам точного определения толка и согласия раскольников Коровки, представим один очень интересный вывод, который только промелькнул в книге местного краеведа 20-х гг. прошлого столетия. «...Здесь еще твердо держится старая вера "Свято-владимирского предания" или белопоморского согласия, причем обилие разветвлений "старой веры" в одном селе Коровка говорит, что эволюция раскола прошла здесь все стадии своего развития»⁴.

¹ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М., 1995. С. 464–465.

² Там же. С. 465.

³ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. IX. Вып. II. Сапожковский уезд. Рязань, 1890. С. 76–77.

⁴ Стаханов П.П., Стаханова Н.П. «Сапожковское городище» писцовых книг 1627–1628 гг. со стороны историко-этнографической // Труды Сапожковского отделения общества исследователей Рязанского края. Сапожок, 1927. Вып. II. С. 6.

По воспоминаниям старожилов села, в Коровке было несколько молевых домов. Наиболее крупные из них – это уже названные Трунинская молевня и Сахронов молевый дом. Существовало определенное разделение по имущественному признаку. Например, в Трунинскую молевню ходили более состоятельные жители. Никогда в молевом доме не мог появиться представитель официальной церкви. Исключением являлся только поминальный обряд. В Коровке он имел исключительно строгие правила. Неукоснительно соблюдалась последовательность из пяти блюд (блины, квас-окрошка, щи, каша, компот). Однако если представители официальной церкви приносили (что, впрочем, не приветствовалось) в этот обряд и другие блюда и «напитки», то староверы почти до конца XX в. не нарушали традиций. Если «мирской» приходил на «поминки» к умершему старообрядцу, то не имел права присутствовать при общей молитве и молиться вместе со всеми. Именно здесь реализовывалось известное правило старообрядцев-раскольников: «С бритоусом, с табашником, щепотником и со всяким скобрезным рылом не молись, не водись, не дружись, не бранись...»¹.

В молевых домах Коровки не было икон, написанных красками. Преобладали иконы и распятия художественного литья. Это не удивительно, так как с. Коровка, наряду с г. Касимовым, было центром художественного литья Рязанской области. Именно здесь изготавливали нательные крестики так называемого поморского типа, большие литые иконы и кресты-распятья².

Жить раскольникам было нелегко. Со стороны правительства в отношении старообрядцев проводились и прямые репрессии. Чтобы понять, что за опасность крылась в том, что ты раскольник, посмотрим, например, дело Сапожковского земского суда от 1825 г. о предании суду пашенного солдата Федота Пустовалова за перекрещение православных в старообрядческую веру³.

Каким-то образом этот пашенный солдат был уличен в том, что когда-то перекрестил уже умершего к моменту возбуждения дела односельчанина Назара Петрова. За это Федота приговорили к двенадцати ударам плетью⁴ и, так как он «...остался в непреклонном

¹ Мельников П.И. В лесах. С. 58.

² Коршун В. Нательные кресты поморских типов 18 – начала 20 в. в Рязанской губернии. История, хронология, классификация // Родная старина. 2009. № 2. С. 36–41.

³ Дело Сапожковского земского суда от 1825 г. о предании суду пашенного солдата Федота Пустовалова за перекрещение православных в старообрядческую веру / ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 486.

⁴ Там же. Л. 1.

упорстве...»¹, сослать его из Вологодской епархии в Сольвычегодский Николаевский монастырь «...в крепостные работы»².

Уже через год синодальный обер-прокурор князь Мещерский пишет, что Федот «...изъявил совершенное раскаяние и обратился к православной церкви»³. Потом выяснялось, что у Пустовалова в селе осталась 28-летняя жена Прасковья (самому Федоту в январе 1828 г. было 37 лет), 9-летняя дочка Настасья (от первого мужа жены) и два маленьких сына: Пантелей и Никита⁴. Еще через год Пустовалова освободили и отправили в Коровку «...на прежнее место жительства...»⁵, однако потребовали учредить за ним постоянный надзор. В общей сложности Федот Пустовалов провел вдали от дома три года только за то, что был заподозрен в том, что перекрестил односельчанина в свою веру, а мог провести в православном монастыре в Вологодской епархии крепостным крестьянином и всю свою жизнь.

Однако, несмотря на все сложности, число старообрядцев в Коровке постоянно росло пропорционально росту населения села. В 1829 г. их было 48 мужчин и 45 женщин⁶; в 1837 г. – 55 мужчин и 59 женщин⁷; в 1871 г. – 46 мужчин и 67 женщин⁸; в 1880 г. – 124 мужчины и 144 женщины⁹; в 1900 г. – 190 мужчин, 191 женщина. В том же году в селе, скорее всего чаяниями единоверческой церкви, появляются и поповцы: 20 мужчин и 25 женщин¹⁰. Интересно, что количество грамотных раскольников в Коровке сравнительно с их долей и численностью среди представителей официальной церкви было больше. Например, в 1871 г. из 905 православных мужчин грамотными были только 55, из 980 официально-православных женщин 5 грамотных, а у раскольников на 46 мужчин приходилось 23 грамотных, а на 67 женщин – 9¹¹. Хорошие показатели сохраняются весь XIX и начало XX в.

¹ Дело Сапожковского земского суда от 1825 г. ... Л. 4.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 34.

⁴ Там же. Л. 37.

⁵ Там же. Л. 43.

⁶ Сведения о количестве раскольников в Сапожковском уезде за 1829 г. / ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 789. Л. 4.

⁷ Сведения о количестве раскольников в Сапожковском уезде за 1837 г. / ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2266. Л. 74.

⁸ Ведомости о церквях города Сапожка и уезда за 1871 г. / ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Д. 15. Л. 277 об.

⁹ Ведомости о церквях города Сапожка и уезда за 1880 г. Л. 81 об.

¹⁰ Ведомости о церквях города Сапожка и уезда за 1900 г. Л. 98 об.

¹¹ Ведомости о церквях города Сапожка и уезда за 1871 г. Л. 277 об.

Нам удалось обнаружить два именных списка раскольников за 1832 г.¹ и за 1854 г.² Интересно то, что на протяжении более чем 20 лет в Коровке оставался один и тот же наставник-староста – Сафрон Анисимов Щевьёв (в 1832 г. ему было 41 год)³. В 1854 г. он упоминается в числе «главных раскольников» села⁴. В том же списке упомянут и хорошо нам знакомый «раскаявшийся» Федот Трофимов Пустовалов (!)...⁵

Про Сафрона (в просторечье – Сахрона) Анисимовича Щевьёва нужно, конечно, сказать особо. Он является знаковой для села фигурой. Именно его именем назван один их молельных домов, его же именем стала называться и одна из «вер» коровкинцев старообрядцев – «сахронова» вера, он же и родоначальник подворного именования одной из ветвей клана Щевьёвых – Сахроновы.

Аналогичная ситуация была и в отношении родового имени Игнатовых – также раскольников, и также Щевьёвых, но относящихся к другому толку и другой ветви, скорее всего еще более древней, так как основателя ее мы обнаружить не смогли, а в селе имеется еще и улица Игнатова.

Редкостью, причем очень большой, были браки не внутри религиозной общины. Наказ искать суженую (или суженого) «по вере» соблюдался почти неукоснительно до 60–70 гг. XX в., а это уже о многом говорит. Хотя были и исключения...

В прошлом старообрядцы были более состоятельны, чем представители официальной православной церкви и чаще имели кирпичные дома, практически родовые усадьбы. Похожие «усадьбы» можно было видеть и на кладбище. Раскольники традиционно «забирали» себе всю восточную сторону. В селе считалось, да и считается, что те, кто похоронен восточнее, первыми воскреснут. Попасть в эту часть кладбища «мирскому» человеку было очень сложно или практически невозможно.

Всех без исключения жителей с. Коровка поселяне окрестных деревень, сел и самого уездного г. Сапожка называли «кулугуры» с неким непониманием и, как им казалось, с пренебрежением. В то же самое время «кулугур» – это видоизмененное «калогер» (от καλός и γέρων – «добрый старец»), название, с которым в древних греческих

¹ См.: Приложение «Именной список раскольников села Коровка за 1832 год».

² См.: Приложение «Список главных раскольников села Коровка за 1854 год».

³ Именной список раскольников с. Коровка за 1832 г. / ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1328. Л. 80 об.

⁴ Дело о раскольниках в с. Коровка за 1854 г. / ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 293. Л. 145.

⁵ Там же.

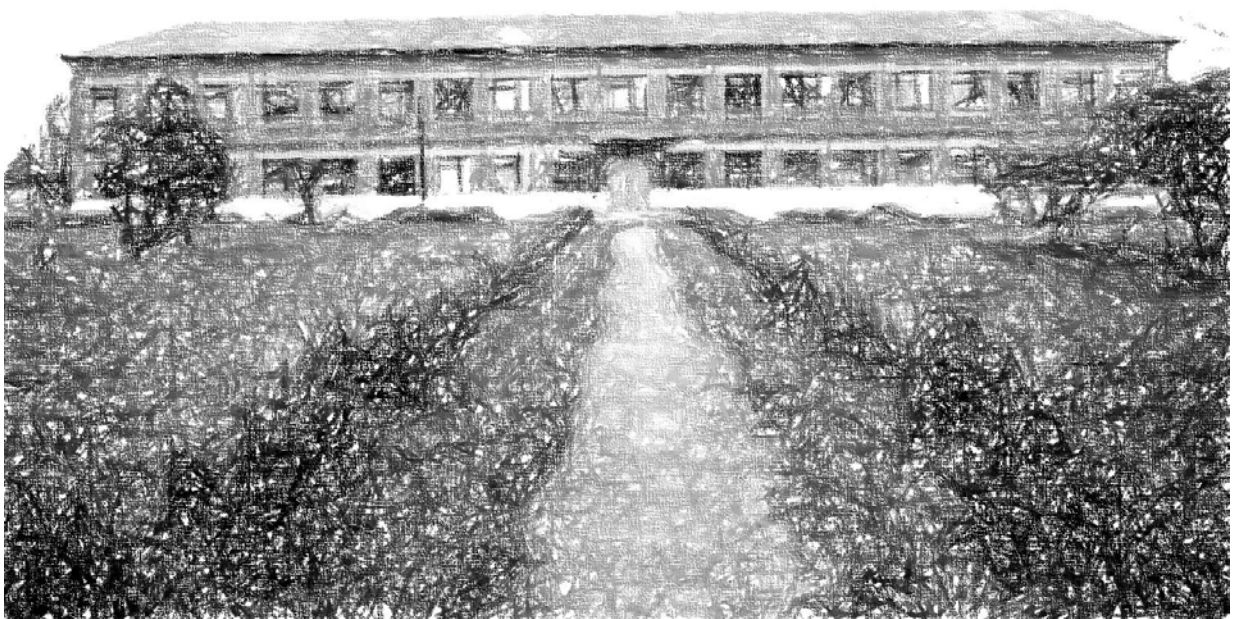
монастырях младшие обращались к старшим, более почетным лицам из монашествующих. С течением времени оно сделалось нарицательным. При переводе древних греческих прологов и патериков на славянский язык это слово оставлено было без перевода и встречается в них при рассказах об искушениях бывших даже лучшими из иноков, при изложении их наставлений братии и т.п. Сами старообрядцы села именно так хотели подчеркнуть свою книжность и избранность.

Итак, с. Коровка было во всем уезде «гнездом раскольников» (не считая выселок из той же Коровки – Лукмоса и Чембора). Его жителей называли «кулугуры» или «кулгуры», не особенно понимая смысл этого слова, обозначавшего книжников, книжную премудрость, и не вдаваясь в религиозные отличия. Как показывает анализ, сельчане – и представители официальной православной церкви, и старообрядцы – сумели сохранить свой уникальный религиозный колорит, создав, тем не менее, оригинальную сочетаемость двух не сочетаемых сторон русской религиозной жизни, показав, что «мирские» и староверы могут жить в одном социуме практически без конфликтов. Может быть, это было и потому, что фактически в каждом жителе села текла и течет кровь раскольников-казаков.

ПЯТА

IV

**Книжная культура
и образование на селе
в XVII–XXI вв.**

§ 1. Старообрядческое книгопечатание. Книжные центры староверов

В данной части нашей работы мы попытаемся рассмотреть некоторые особо важные для данного исследования этапы книгопечатания в России, обращая особое внимание на издательскую деятельность старообрядцев и трех их книжных центров: Преображенского кладбища, Почаевской и Гуслицкой типографии (так как именно оттуда, в основном, и поступали книги к староверам с. Коровка). Без краткого анализа этих печатных центров старообрядцев будет, по нашему мнению, практически невозможно понять ориентации коровкинских раскольников, особенности печатной традиции и увидеть, почему в данном сельском сообществе использовались такие книги и с чем было связано их появление.

Как важнейший элемент православной христианской культуры, книга всегда пользовалась на Руси высочайшим авторитетом. Историк Н.Ю. Бубнов отмечает, что «при этом число названий распространенных книг было ограниченным, обозримым, а книги, доступные для прочтения или хотя бы ознакомления, были известны каждому образованному, "книжному" человеку»¹. Буквально любая из известных книг была хотя бы знакома «московским книжникам и занимала подобающее ей место в системе национальных духовных ценностей»². Как правило, появление новой книги становилось значимым

¹ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995. С. 35.

² Там же.

общественным событием. «Печатные книги... утверждались на церковных соборах, подносились издателями царю и патриарху, а затем рассылались по стране централизованным путем»¹.

Незадолго перед самым расколом кружок ревнителей древнего благочестия под руководством царского духовника Стефана Вонифатьева взял под свой контроль русскую государственную типографию, так называемый московский Печатный двор. Вплоть до середины XVII в. именно это определяло «государственную политику в области книгоиздательского дела».

После реформы русской церкви в 1653 г. Печатный двор становится идеологическим «вестником» патриарха Никона и его нововведений.

Абсолютная монополия государства на книгопечатание не позволяла старообрядцам в полной и необходимой мере издавать литературу, отвечавшую их духовным запросам. «Это привело к тому, что на протяжении полувека, в период становления движения как оппозиционной общественно-политической силы, в период формирования его идеологии, старообрядчество вынуждено было обходиться дореформенными изданиями, дополняя их сочинениями, переписанными от руки»².

Однако сокращение фонда дониконовских изданий в связи с износом в процессе обращения, а также целенаправленной политикой правительства «по их изъятию, трудоемкость воспроизводства книг путем переписки» заставили ревнителей старины искать пути к печатному способу изготовления книг.

Первые положительные результаты в деятельности старообрядцев на поприще книгоиздания относятся к самому началу XVIII в.

В последней четверти XVIII в. старообрядческое книгопечатание приобрело широкие масштабы, количество изданий, выпускаемых каждой типографией, исчислялось десятками.

Более благоприятные условия для развития старообрядческого книгопечатания сложились с начала 70-х гг. XVIII в. Это связано в первую очередь с изменением ситуации в униатской церкви. С начала 80-х гг. XVIII в. старообрядцы стали сотрудничать и с типографией Почаевского униатского Успенского монастыря.

«Всего в почаевской типографии было выпущено не менее 30 изданий, многие из которых напечатаны в украинской манере. В выходных сведениях почаевских изданий всегда указывался Почаев, а время выхода нередко фальсифицировалось, что заставило исследователей

¹ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России... С. 35.

² Там же.

долгое время относить начало печатания книг для старообрядцев в Почаеве к концу 70-х гг. XVIII в.»¹.

Подъем новой волны старообрядческого книгоиздания приходится на 60-е гг. XIX в.

Если в первый период старообрядческого книгопечатания изданием книг занимались только поповцы, то в третий период к осознанию необходимости пополнения своих книжных богатств печатным способом пришли и беспоповцы. Координатором издательского дела у них стало Преображенское кладбище.

Старообрядцы федосеевского согласия довольно поздно обратились к печатному способу тиражирования книг, на рубеже 50-х–60-х гг. XIX в. Отличительной чертой изданий является ложное указание на выход книг в Почаевской типографии со знаком вопроса.

Возможность легального книгоиздания старообрядцы получили только в 1905 г. «Широко был развернут выпуск периодики, отражавшей не только нравственно-религиозные, но и социально-политические взгляды старообрядцев. Количество подобного рода изданий с 1905 по 1918 гг. по предварительным подсчетам составляет около 20»².

Остановимся на наиболее крупных центрах старообрядческого книгоиздания этого времени.

«К их числу принадлежала типография Преображенского кладбища в Москве, центра федосеевского согласия. Типография была создана в 1907 г. Уже в первый год своего существования типография выпустила в свет более десятка изданий. Изначально при ней существовала своя переплетная мастерская. За время существования типографии (до 1917 г. включительно) с ее станков сошло свыше 80 названий книг»³.

Однако этот период свободного книгоиздательства был недолгим. Советское правительство, естественно, не могло позволить существование таких «рассадников мракобесия», как старообрядческие типографии. В 1918 г. началось их планомерное закрытие.

§ 2. Бытование книги в сельском обществе.

Духовная литература как основа старообрядческой книжности

Книга на селе – это нечто совершенно особенное. Книгу напрямую связывали со Святым Писанием и относились к ней настолько

¹ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России... С. 35.

² Там же.

³ Там же.

трепетно, насколько это было возможным. Ее завязывали в трогательные платочки и открывали только при богослужении или для того, чтобы показать какой-либо пример детям или противникам в вере. Книга на селе – это источник знания. Например, как уже не раз мы упоминали, старообрядцы Коровки, так называемые «кулгуры» или «кулугуры», и обозначали собой книжников, книжную премудрость.

Книга могла переходить по наследству в сельских кланах веками. На вопрос: «А давно это у вас книга в семье хранится?» – бабушки обычно отвечают: «А может тыщу лет. Кто знает. Мать моя по ней читала, и ее бабка, и ее мать». Некоторые боятся потери своих книг, видя, как они разрушаются под воздействием времени и при постоянном их использовании. Пытаются оберечь, склеить «скотчем», что иногда может оказать более пагубное воздействие. «А вот разорвется и все, больше таких нет у нас и не будет...» – говорят сельские старожилы-читатели про свои мини-библиотечки.

Основу старообрядческой книжности на протяжении практически всего раскола составляла духовная литература. Разные исследователи предлагают различные деления на группы, используя неодинаковые принципы подразделения. Например, по жанрово-тематическому содержанию Н.Ю. Бубнов подразделяет книги старообрядцев следующим образом:

«1) сборники документов начального этапа старообрядческого движения...;

2) сборники догматическо-полемиических сочинений старообрядцев и материалов, собранных ими с целью обличения книжно-обрядовой церковной реформы патриарха Никона;

3) литературно-публицистические сборники слов, проповедей, поучений и «прений о вере», пронизанных эсхатологической окраской, раскрывающие для читателя из народа идеологическую и нравственную сущность реформ патриарха Никона;

4) сборники эпистолярно-публицистического характера...;

5) богословско-нравоучительные сборники...;

6) жития, сказания и повести... рассказы о новых мучениках за веру...»¹ и т.д.

Мы же предлагаем разделить только духовную литературу старообрядцев на три большие и несколько упрощенные группы:

1) непосредственно богослужебные книги;

2) книги Священного Писания или книги для «душеполезного чтения»;

3) полемиическая литература.

¹ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России... С. 46.

Непосредственно в среде бытования (в с. Коровка) нам удалось обнаружить ряд книг, отражающий каждую из обозначенных групп. Всего нам удалось «подержать в руках», пролистать, добиться разрешения сфотографировать девять старообрядческих печатных книг.

Самой ранней из них является «Минея Общая», изданная, судя по всему, еще даже до раскола в XVI в. Хотя книга до сих пор используется как основная богослужебная в последней оставшейся общине старообрядцев села, она сохранилась в неплохом состоянии. «Минея Общая» – книга среднего формата (28 на 18 см), переплет – доска в коже – сохранил остатки позолоты и хорошо видимые места потерянных застежек. Сохранилась последняя страница, содержащая год издания, но без обозначения типографии. В качестве даты издания упоминается 7137 г. (1629 г.), называется день и месяц выхода книги. Подтвердить XVII в. издания «Минеи Общей» можно с помощью датировки бумаги по филиграням («кувшин с полумесяцем»). Кроме того, эта книга донесла до нас некоторые читательские пометки, «...уже факт наличия которых позволяет судить о том, каким книгам отдавали предпочтение читатели». Например: «Сия книга Минея Общая», «Тому Бог судит» или другие, отражающие, в частности, напоминания о поминовении определенных лиц. Есть пометы современными чернилами и испещренный пометами разных веков и лет последний лист книги.

Несколько богослужебных найденных книг мы не смогли точно продатировать. Временной промежуток возможного выхода их в свет составляет почти столетие (конец XVIII – XIX вв.)

Первая такая книга – это так называемый «Осьмогласник» (или «Златоуст»). Переплет «Осьмогласника» утрачен и заменен в середине XX столетия картоном в кожзаменителе (формат средний – 22 на 19 см). Филигрانی отсутствуют. Книга имеет интересные заставки и несколько небольших помет. «Осьмогласник» не содержит ни даты, ни места издания. Скорее всего, судя по использованному шрифту и бумаге, это XIX в.

Следующая книга, обнаруженная нами в Коровке и точно не продатированная, – это непосредственно «Поучения Иоанна Златоуста» (богослужебная книга). «Поучения Иоанна Златоуста» – большеформатная книга (37 на 22 см), переплет – дерево в коже сохранился плохо, застежки утеряны, филиграней нет. Однако называется место издания – Почаевская типография (но мы из предыдущей главы уже узнали, что это несколько не облегчает датировку), год издания отсутствует. Хотя книга не имеет рукописных пометок, видно, что она часто использовалась для чтения и богослужения.

Примером книги прекрасной сохранности может послужить найденный нами «Апостол» (уже не чисто богослужебная книга) начала XX в. Он имеет идентичный с «Поучениями Иоанна Златоуста» формат. Переплет книги – это доска в коже, филигрانی отсутствуют. Есть указание места и года издания – 1912 г., Преображенская типография. Последний лист обрезан внизу. На переднем форзаце – рукописная помета: «№28 Макарий». Судя по всему, эта книга принадлежала библиотеке одного из моленных домов села.

Следующей обнаруженной нами книгой был «Шестоднев» – чисто богослужебная книга. Имеет аналогичный с «Апостолом» и «Златоустом» формат. Переплет – достаточно хорошо сохранившиеся доски в коже, корешок подклеен материей. Застежки утрачены, филигрانی отсутствуют, совершенно нет выходных данных. На переднем форзаце – рукописная помета: «Сия книга принадлежит Ивану Афанасьеву Иванову... 1904 г. августа 20».

Одной из интересных книг, обнаруженных нами в Коровке, была «Минея Общая». Мы снова видим знакомый, изрядно изношенный переплет (доска в коже) и знакомый формат (37 на 22 см). Филигрانی отсутствуют, застежки утрачены. Названо место издания – Почаевская типография, но год издания вновь отсутствует. В книге имеется ряд рукописных помет, чаще «напоминательного» характера по ходу богослужения. Но особый интерес в этой книге для нас представляют три рукописных листа. Писец использовал полуустав и подражал стилю данной книги, использовал два вида чернил. Листы с рукописными вставками тоньше, чем остальные, чернила сильно выцвели. Как уже отмечалось, нам не удалось обнаружить рукописных «тетрадей старообрядцев». Однако, благодаря трем листам рукописных вставок, можно сделать вывод о том, что в селе Коровка существовала или, по крайней мере, могла существовать рукописная традиция.

Другой старопечатной книгой, найденной нами в моленном доме, была «Псалтырь», включающая и «Месяцеслов». Книга среднего формата, переплет – доски в коже – неплохо сохранился. Филигрانی отсутствуют, застежек нет. Не обозначены выходные данные. Судя по всему, книга относится к концу XVIII – началу XIX столетия. Делать такое заключение нам позволяют заставки книги. Рукописных пометок не имеется, но книга очень потрепана и до сих пор используется в богослужении.

В доме одной из оставшихся старообрядок села нами была обнаружена очень интересная книга – лицевой печатный «Апокалипсис». Переплет книги утрачен полностью. Можно видеть год и место издания – это Преображенская типография, 1913 г. Книга определенно испытала на себе влияние яркого рукописного гуслицкого стиля.

Об этом говорит и шрифт, яркие краски заставок и миниатюр, разнообразие цветов. При рассмотрении книги произошел интересный случай. Старообрядка долго что-то искала, а потом показала того «Бога», которому по ее словам «служите вы, мирские». Это была миниатюра с Антихристом...

В начале XX в. наблюдается появление разнообразной полемической литературы, как со стороны старообрядцев, так и со стороны официальной церкви. Однако нам удалось обнаружить всего одну книгу данного направления. Это печатный старообрядческий сборник, состоящий из четырех глав: «О еретиках в молитвословии», «Об общении с еретиками и гаданиях», «О богопротивном и законопреступном бранобритии и головострижении» и «О богомерском табаке». Переплет книги утрачен полностью, однако есть выходные данные – 1917 г., Преображенская типография.

Таков перечень и описание обнаруженных непосредственно в среде бытования в наши дни старообрядческих печатных книг. Уже эти несколько дошедших до нас экземпляров позволяют сделать вывод о богатой старообрядческой литературной традиции в с. Коровка. Понятно, что основу этой книжности составляла духовная литература. Можно предположить, что первые печатные книги в религиозной общине села появляются еще до раскола в начале XVII века. После него поток печатных книг в уже старообрядческие общины села был не особенно сильным, но и непрекращающимся.

§ 3. Сравнительный анализ старопечатной и «мирской» книги

Другой интересной частью книжной культуры с. Коровка была «мирская» литература. Под ней мы вновь будем подразумевать книги представителей официальной православной церкви и позволим себе употреблять этот термин в данном контексте. Конечно, с одной стороны, эта грань жизни приверженцев официальной церкви не столь специфична и интересна, как у раскольников, но, с другой стороны, она играла немаловажную роль в общем развитии мирского населения села. Дошедшей до нашего времени мирской книги, как ни странно, сохранилось много меньше, чем старообрядческой литературы. Поэтому в нашей работе мы попытаемся представить только сравнительный анализ мирской и раскольничьей книги на селе и описание нескольких обнаруженных нами непосредственно в среде бытования в наши дни экземпляров.

В первую очередь мирские книги сосредотачивались вокруг своего сельского центра – храма Живоначальной Троицы. В церковной

библиотеке к 1914 г. насчитывалось 42 тома¹. Непосредственное отношение к книжной культуре имеет и тот факт, что в 1888 г. учреждена церковно-приходская школа, где к 1914 г. обучалось 90 мальчиков и 52 девочки² (там-то и использовались эти тома). Однако трудно говорить о том, много ли книг было в крестьянской мирской семье. Тем не менее примером может служить мирская ветвь «клана» Щевьёвых. Нам удалось обнаружить своеобразный комплект учебных пособий начала XX в., которыми пользовались в указанной выше семье (хотя, судя по пометам, некоторые книги использовались не только у Щевьёвых).

Первой книгой обнаруженного нами «учебного комплекса» является «Евангелие», изданное в Синодальной типографии в 1914 г. Переплет хорошо сохранился, сама книга имеет небольшой формат, филигранные по понятным причинам отсутствуют. В книге есть незначительные пометы.

Следующей книгой из «учебного комплекса» государственного крестьянина начала XX в., принадлежащего к официальной православной церкви, был «Краткий православный Катехизис» четвертого года обучения. Переплет книги утрачен полностью, отсутствуют страницы с выходными данными. Судя по всему, «Катехизис» относится к тому же периоду, что и «Евангелие». Книга имеет много разнообразных помет. Например, «Сия книга принадлежит...» или часто встречаемая помета «Учить», есть и другие пометы. «Катехизис» видимо еще при непосредственном использовании учеником был изрядно потрепан, так как во многих местах подклеен (скорее всего, газетами).

Последней обнаруженной нами книгой из указанного выше комплекта была «Псалтырь» – наверное, самое популярное пособие для учащихся в то время. «Псалтырь» имеет аналогичный с «Евангелием» и «Катехизисом» небольшой формат и, судя по всему, относится к тому же времени. Переплет потрепан и почти отвалился. Первая и последняя страница отсутствуют, нет, соответственно, и выходных данных. Опять же, в книге много ученических помет, например расшифровка буквенных чисел на арабские цифры. На одном из листов детской рукой написаны либо два имени одного из тех, кто пользовался книгой, либо имена одноклассников. Это: «Дмитрий Галкин. По...», «Евдокия Галкина...».

Позже, когда церковь была закрыта, многие тома были конфискованы и лишь единицы оказались в руках простых прихожан. Сохранилось очень небольшое количество мирских книг села.

¹ ГАРО. Ф 627. Оп. 240. Д. 58. Л. 56 об.

² Там же.

Таким образом, сравнивая старообрядческую и мирскую литературу, можно сделать вывод, что раскольники намного бережнее, с неким обожествлением относились к своим книгам. Если мирские книги содержатся в беспорядке, сильно повреждены, сохранились только книги XX в., то старообрядческие хранятся в «платочках», сундучках, переплеты если и потрепаны, то не так грубо, делались попытки сохранить книгу как можно дольше.

§ 4. История сельской школы (с. Коровка XIX–XXI вв.): уникальная педагогическая система и ментальность учительства против обстоятельств

Не секрет, что сельская школа является уникальной системой, сама *педагогическая система сельской школы* – это совокупность всех педагогических, хозяйственных элементов и технологий, находящихся в целостных связях и отношениях, образующих единое образовательно-воспитательное пространство села.

Важной особенностью педагогической системы сельской школы являются уникальные отношения в социуме села, отношения между учеником, учителем и родителями. Однако, как показывает опыт, формирование такой педагогической системы школы-комплекса – процесс сложный, так как школа играет ведущую роль не только в образовательном контексте, но и в развитии всего села. Аналогов такой системы в городской школе, по нашему мнению, быть не может. Это происходит благодаря нескольким факторам.

Первое – это то, что развитие сельской школы проходит параллельно с развитием села, являясь по сути катализатором такого процесса, то есть школа может развиваться только в селе, которое имеет будущее, а село может быть развито только со школой.

Второй фактор заключается в том, что сельская школа отражает все противоречия и проблемы, присущие обществу. Кризис страны середины 90-х особенно неблагоприятно сказался на сельском хозяйстве. За последние десятилетия такого спада (1991–2014 гг.) произошло фактическое разрушение социальной сферы села, ухудшается демографическая ситуация.

Являясь динамичной структурой сельской социальной среды (непосредственно окружающей человека и влияющей на его развитие), школа вынуждена изменяться в соответствии с реалиями экономики и общественной жизни. В то же время сельская школа удивляет исключительной способностью к функционированию в сложных социальных условиях жизни и профессиональной деятельности. История подтверждает в этом отношении ее уникальность.

Таким образом, уникальность педагогической системы сельского образовательного учреждения обусловлена многими причинами. Особенность ее развития и социальная структура тесно взаимосвязаны. Культурообразующая особенность сельской школы заключается в том, что именно и только она компенсирует недостатки семейного воспитания и в дошкольный период, да и много позже. Однако не только микросоциум влияет на прогресс системы школы. Именно здесь фигура педагога выступает наиболее значимо и можно говорить о «полифункциональности» сельского учителя. Функции сельского учителя утяжелены и другими ролями чисто сельского характера (фермер, садовод, этнограф, помощник, репетитор, иногда и светский священник и др.).

Успешное развитие сельской школы во многом зависит от учителей, которые функционируют в школе. В то же время работа сельского педагогического коллектива осуществляется в условиях постоянного и жесткого социального контроля. Преподаватель на селе – центральная фигура во всем комплексе педагогической деятельности. Вся жизнь учителя проходит на глазах жителей села. Учитель не может говорить в школе о любви, а дома бить свою живность. Сама сфера деятельности учителя сельской школы обширна: школа, родители, сельский клуб, библиотека и т.д. В 80-х гг. XX в. исследователи Л.А. Иванова, А.Е. Кондратенков, В.И. Селиванов выделили важнейшие качества сельского учителя: его живой интерес ко всему происходящему, высокую общественную активность, психологическую и нравственную готовность всемерно содействовать процветанию села, органическую потребность в постоянном самообразовании, в повышении своего общекультурного и профессионального уровня. Каждый учитель, независимо от того, какой предмет преподает, должен хорошо знать сельское хозяйство, уметь ориентироваться в экономике, культуре, традициях, обычаях и привычках жителей села. Можно выделить основные черты учителя сельской общеобразовательной школы:

- высокая общая образованность;
- широкий кругозор, моральный авторитет;
- основательное знание преподаваемого предмета, а также педагогики, психологии, физиологии и других наук, исследующих проблемы личности ребенка;
- педагогический оптимизм, педагогический такт;
- организаторские навыки;
- творческий подход к обучению и воспитанию;
- стремление к педагогическому творчеству.

К показателям реальной подготовленности учителя сельской школы можно отнести: желание работать в сельской школе, понимание значимости труда сельского учителя, готовность участвовать в общественной жизни села, школы, умение организовывать процесс обучения в условиях «природного» окружения, умение использовать в образовательном процессе материал из жизни села.

Не секрет, что в течение многих веков самым эффективным каналом воспитания детей и молодежи на селе был институт многопоколенной семьи. Здесь особенность сельского микросоциума накладывает отпечаток на содержание и формы работы с семьей. Это особенно важно, так как основными социально-воспитательными функциями сельской семьи являются:

- воспитательная и рекреативная, включающая заботу об организации досуга, оказание физической, моральной, психологической взаимопомощи в семье;
- коммуникативная, охватывающая область общения в семье и через него социализацию ребенка;
- фелицитологическая, способствующая созданию ощущения счастья в семье;
- регулятивная, укрепляющая взаимоотношения между семьей и школой: направленность семьи на интересы своего ребенка в социуме и школе.

В основе такого взаимодействия со школой – понимание, что нормальная семья по своим возможностям превосходит любой социальный институт.

Как показывает опыт, в числе значимых характеристик (социального характера) сельской школы можно выделить следующие:

- направление деятельности сельской школы определяется тенденциями развития сельского хозяйства, структурой сельского социума;
- сохранность традиционной российской ментальности;
- функционирование в самых различных социальных, территориальных и хозяйственных условиях (то есть школы поселков городского типа, школы крупных сел и деревень, школы малых поселений);
- стихийная интегративность;
- тесная связь с природным окружением;
- озабоченность судьбой каждого ученика;
- малокомплектность сельского образовательного учреждения.

Рассмотрим эти характеристики подробнее.

Связь сельской школы с природным окружением в большей степени, чем в городском образовательном учреждении, присутствует в том виде, как это определяется теми же территориальными и хозяйст-

венными условиями. Однако на селе такая связь присутствует априори, а в городе может быть создана только искусственно.

Немаловажной характеристикой сельской школы выступает озабоченность судьбой каждого ученика. От рождения его жизненный путь проходит на глазах учителей, что ведет за собой непереносимое отождествление «чужих» детей со «своими». Победы и поражения настоящих и бывших учащихся рассматриваются педагогами как личные достижения или провалы. Кроме того, учитель знает судьбу каждого своего выпускника, даже если он уезжает из села.

Малокомплектность сельского образовательного учреждения – это, с одной стороны, его бич, так как значительная часть школ имеет сравнительно небольшой контингент учащихся. В абсолютном большинстве сельских школ отсутствуют параллельные классы. С другой стороны, открываются достаточно большие возможности для изучения и развития индивидуальных особенностей всех учеников, то есть обеспечения лучших, чем в любой другой школе, условий для реализации индивидуального обучения. В сравнительно небольшом коллективе проще включить учащихся в различные виды деятельности и пронаблюдать отношение к ним, выявить мотивы, которыми ученики руководствуются. Организуя разнообразные виды деятельности, руководитель вступает в непосредственные контакты с большим количеством учащихся (в процентном отношении), чем в городской школе, имеющей высокую наполняемость классов. В этих обстоятельствах успешнее осуществляется оперативный контроль за исполнением заданий каждым учащимся. Это чрезвычайно важно для воспитания исполнительской дисциплины и ответственного отношения к делу. Эти обстоятельства также содействуют осуществлению эффективного индивидуального подхода к учащимся с учетом их темперамента, характера, домашних и бытовых условий. Хорошее знание всех особенностей учеников является предпосылкой к организации их эффективной учебной деятельности. Учитель имеет возможность чаще проверять усвоение учебного материала каждым из них. Педагогу легче выявить, как владеют учащиеся необходимыми умениями и навыками. В этих условиях несложно проверить письменную работу каждого школьника, выявить типичные ошибки и наметить пути их исправления. Преподаватель может определить конкретную систему заданий каждому и проследить их выполнение.

По координации влияния на личность учащихся разных коллективов сельская школа имеет преимущество перед городской. В сельской школе все родители знают друг друга, детей, и это весьма важно для воспитания учащихся. Ученики объективно попадают в условия общей подконтрольности в поведении со стороны взрослых. Надзор

со стороны взрослых сдерживает ребят, не обладающих адекватной саморегуляцией, в проявлении отрицательных поступков. Взрослые больше и эффективнее регулируют поведение детей на улице, в поле, на производственной практике, в местах отдыха. Здесь и так называемая «улица» превращается в благоприятный фактор воспитания учащихся.

Кроме того, в школе, открытой для социума, могут получить необходимую поддержку, защиту, возможность общения и самореализации не только ученики, но и взрослое население села.

Таким образом, современной сельской школе присущи следующие концептуалы:

- школа как инициатор и координатор образования и воспитания детей на селе;
- практическая нацеленность на создание в школе комфортных условий для ребенка, на решение его проблем;
- тесная связь жизни школы и местного сообщества, опора на интересы сообщества, укорененность в нем;
- принцип совместной деятельности: общая и взаимная для школы и сообщества озабоченность обоюдными проблемами и взаимодействие в их решении;
- принцип «сельская школа для всех»: выстраивание для жителей села формы образования, цель которого – обучить успешной жизнедеятельности в любых условиях;
- развитие сельской школы как социально-педагогического центра;
- сельская школа – центр дополнительного образования для жителей села;
- сельская школа – информационно-просветительский центр социума;
- сельская школа – центр общественных инициатив и гражданского образования детей и взрослых;
- сельская школа – физкультурно-оздоровительный центр социума;
- принцип доступности образования для всех жителей села;
- принцип кооперации ресурсов;
- принцип активного сетевого взаимодействия;
- принцип многофункциональности сельского образовательного учреждения;
- принцип проблемно-целевых образовательных программ;
- принцип приоритета практического обучения и опоры на сельскую образовательную среду;

– принцип создания эстетически привлекательного образовательного пространства (открытая школа – красивая школа; красивая школа – красивое село);

– ориентация на общечеловеческие ценности; приобретение наиболее полноценного образования и выбор профессии; самосовершенствование, саморазвитие и ориентация на наибольшую самореализацию; органическое вживание в мир новых экономических отношений;

– труд – основа формирования личности;

– интерес и внимание к каждому ребенку;

– соединение обучения с производственным трудом в форме школы-хозяйства;

– чередование умственного и физического труда;

– разновозрастная организация учебного и трудового процессов;

– детское самоуправление и самоконтроль;

– возрождение духовных начал.

Это список наиболее значимых концептуалов, которые используются в большинстве современных моделей сельского образовательного учреждения. Хотя некоторые из них могут быть оспорены, так как предполагают целый ряд противоречий.

Рассмотрим эти концептуалы подробнее.

Первое – это соединение обучения с производственным трудом (данный концептуал широко применялся в советские годы и был разработан в трудах В.И. Селиванова). Спорный концептуал уже потому, что парадигма современного образования в России – это парадигма капиталистического образования, не подразумевающая занятости ученика в трудовой деятельности, так как многие родители не хотят, чтобы их дети занималась чем-то, не относящимся на первый взгляд к учебе. Особенно это заметно на примере городских школ. В сельском образовательном учреждении это пока не особенно различимо, поэтому, в принципе, имеет право на существование.

Концептуал «школа, как инициатор и координатор работы с детьми и семьей на селе» является практически бесспорным, так как, действительно, школа на селе являет собой сосредоточение здоровых тенденций развития сельского социума, а следовательно, должна выступать не только координатором, но и инициатором работы с детьми и семьей.

Практическая нацеленность на создание в школе комфортных условий для ребенка, на решение его проблем, должна присутствовать не только в сельской, но и любой школе. Здесь особую нагрузку несет именно слово «практическая», потому что не во всех школах удастся создать такую атмосферу, даже при наличии сильной учебно-материальной базы.

В сельском образовательном учреждении тесная связь жизни школы и местного сообщества, опора на интересы сообщества, укорененность в нем присутствуют априори. Разница только в ее глубине. Но чем теснее связь школы и местного социума, тем лучше это и для школы, и для сельского микросоциума.

Принцип совместной деятельности – общая и взаимная для школы и сообщества озабоченность обоюдными проблемами и взаимодействие в их решении – являет собой одну из главных особенностей сельских школ любого типа.

Принцип «сельская школа для всех»: выстраивание для жителей деревни формы образования, цель которого – обучить успешной жизнедеятельности в условиях сельской местности, – был для многих исследователей краеугольным камнем в построении концепции сельской школы. Лично для нас этот принцип является самым спорным (о чем мы говорили в начале главы). По нашему глубокому убеждению, подтвержденному и личным опытом, и практикой, цель образования, в том числе и сельского, – обучить успешной жизнедеятельности в условиях любой местности – и сельской, и городской.

Развитие сельской школы как социально-педагогического центра представляет собой значимый этап в формировании современного социокультурного комплекса. Только школа, как показывает практика, способна стать таким центром, в том числе и центром дополнительного образования для жителей села, информационно-просветительским центром социума, центром общественных инициатив и гражданского образования детей и взрослых, физкультурно-оздоровительным центром.

Принцип доступности образования для всех жителей села безусловен и не требует дополнительных пояснений и доказательств, как и принципы кооперации ресурсов и активного сетевого взаимодействия.

Многофункциональность сельского образовательного учреждения необходима сельской школе по многим основаниям. Сельская школа уже по причине своей специфики не может выполнять только одну образовательную функцию, а должна исполнять принципы проблемно-целевых образовательных программ, приоритета практического обучения и опоры на сельскую образовательную среду, а также создания эстетически привлекательного образовательного пространства (открытая школа – красивая школа; красивая школа – красивое село).

Ориентация в сельской школе на общечеловеческие ценности, приобретение наиболее полноценного образования и выбор профессии; самосовершенствование, саморазвитие и ориентация на наибольшую самореализацию; органическое вживание в мир новых эко-

номических отношений обусловлены, в первую очередь, самим состоянием российского общества, которое, подспудно, требует высококлассного выпускника на всех уровнях образовательной системы.

Акцентируя внимание на труде как основе формирования личности, не стоит упускать тот факт, что не только труд является такой основой, но и многие другие показатели. Хотя, по словам В.А. Сухомлинского, «если обучать воспитанника 10 лет, давать ему знания основ наук, а потом, когда он окончит школу, дать ему в руки лопату и сказать: ”А теперь будешь работать. Копать надо вот так”, – это будет для него трагедией. Такую трагедию переживают те ученики средней школы, духовная жизнь, мысли, чувства которых на протяжении 10 лет были оторваны от жизни, от труда».

Конечно, в педагогической системе сельской школы есть много отрицательных тенденций, почти никогда от самой школы не зависящих. Например, процент плохо оснащенных школ в селах больше, чем в городах. Школы меньше обеспечены мебелью, часто хуже снабжаются наглядными пособиями, у них более слабая учебно-материальная база, низкая информационная составляющая. Не во всех учреждениях введена кабинетная система занятий и т.д. На качестве воспитания сказывается образовательный уровень родителей. В школе обычно работает один учитель-предметник, а следовательно, открывается и другая отрицательная сторона, касающаяся подготовки к учебным занятиям. Особенно в трудном положении оказываются учителя в малокомплектных школах, которые вынуждены вести занятия в двух и даже трех классах одновременно. Необходимо отметить феминизацию коллектива учителей, его старение.

Таким образом, сельская школа, являясь уникальной педагогической системой, характеризуется наличием целого ряда противоречий, положительных и отрицательных тенденций. Развитие такой системы было поступательным до конца 80 гг. XX в., далее последовало десятилетие стагнации. С начала нового XXI в. обозначились тенденции к возрождению сельской школы, но потом реформами Министерства образования и науки РФ сельская школа России была практически полностью уничтожена. Все это сочетается с тяжелой демографической ситуацией в стране и экономической ситуацией в мире, а также политическим невниманием к проблемам малой школы России.

Для того чтобы педагогическая система сельской школы динамично развивалась, как показало изучение проблемы, необходимо выполнить целый ряд условий:

- обеспечить реализацию национальной образовательной инициативы;

- обеспечить неприкосновенность сельского образовательного учреждения как такового, не подменять его «автобусной» школой;
- закрепить связь сельского социума и школы;
- сформировать образовательные стандарты таким образом, чтобы сельская школа выступала там как ведущее звено школьного образования;
- поддерживать хозяйственную деятельность предприятий села;
- более плотно заняться демографической проблемой на селе;
- обеспечить полноценное включение сельской школы в информационную среду страны;
- осуществить плавный и безболезненный переход на новые образовательные стандарты;
- обеспечить комплексное развитие талантливых детей на селе;
- разработать механизмы привлечения перспективных выпускников вузов для работы в сельских школах;
- обеспечить качественное профессиональное развитие учительского корпуса;
- разработать модели взаимодействия новых типов школ, обеспечивающих качественное образование и т.д.

Но намного проще, конечно, было просто ликвидировать такое образовательное учреждение, так как нет сельской школы – нет и проблем, которые нужно вдумчиво решать. Но это все будет в веке XXI, а пока, в XIX–XX столетиях, образованием на селе были крайне озабочены.

На волне подъема образовательного движения в 1888 г. священник церкви Святой Живоначальной Троицы с. Коровка Василий Иванович Троицкий сумел открыть на базе приходского храма церковно-приходскую школу. С этого дня началась история Коровкинской школы.

Число учащихся к январю 1901 г. составляло 98 человек: 84 мальчика и 14 девочек. Учителем был сам священник Василий Иванович Троицкий, а помогала ему его дочь Серафима Васильевна Троицкая. Учение было бесплатным. По утверждению жителей села, здание школы – сруб – подарила приходу помещица из Чучковского района, но документально подтвердить этот факт нам не удалось.

Долгое время единого здания у школы вообще не было. Перед Великой Отечественной войной и во время нее приспособленных под школу зданий было шесть – дома зажиточных крестьян, раскулаченных в ходе сплошной коллективизации.

Отопление было печное, освещение – керосиновая лампа. Во всех школах насчитывалось около 400 человек. Было несколько параллельных классов (пятых – 3), (шестых – 2), (седьмых – 2). Школу

посещали дети из разных населенных пунктов близ с. Коровка: Михеи, Березовка, Екатериновка, Красный Октябрь, Новая жизнь и др. Занятия проходили в две смены. Начальные классы занимались в первую смену с 8 часов утра, а старшие – с часу дня. Наполняемость классов была 35–42 человека. В Муратовской и Овсянниковой школах (так в народе назывались приспособленные здания школ) занимались только учащиеся начальных классов. До 1936 г. школа была начальной. В 1936 г. открыли семилетнюю школу.

Во время войны занятия в школе не прекращались. С 1954 г. директором школы была В.Г. Камнева. В 1963 г. – В.М. Афонцев. В школе обучалось 300 человек. После его перевода в районный отдел народного образования директором был назначен Н.А. Польщиков. В 1969 г. директором стал В.В. Воловодов. Работал в школе 5 лет. С августа 1974 г. – И.Ф. Битов. С 1978 г. – Антонина Александровна Замятина. С 1987 г. – Н.В. Фимкина. С 2001 по 2005 г. – Анатолий Иванович Щевьев, а с 2005 г. по настоящее время – Нина Михайловна Щевьева.

Только в конце 50-х гг. село смогло оправиться от войны и встала проблема постройки настоящего здания. Коровкинскую школу строили всем селом под руководством местного «Кулибина» и просто талантливого человека В.З. Камнева, и потому получилась она уютная, гостеприимная и продуманная, так как взрослые строили ее для своих детей, внуков, племянников или просто соседских детишек, зная, что большая и хорошая школа очень и очень нужна...

При школе есть великолепный фруктовый сад, который заложен учениками школы под руководством учителя биологии Валентина Федоровича Сухова.

В октябре 1983 г. в здании школы возник пожар, который уничтожил все оборудование, кабинеты. К сентябрю 1985 г. школа была восстановлена. Она пережила как бы второе рождение. В 1994 г. школа была реорганизована в школу-ясли-сад. В 1999 г. школа стала средней общеобразовательной с сохранением в своей структуре дошкольной разновозрастной группы.

С 1 сентября 2011 г. муниципальное образовательное учреждение Коровкинская средняя общеобразовательная школа – филиал Сапожковской средней общеобразовательной школы № 1 им. Героя России А.И. Тучина в с. Коровка, это безусловный шаг к последующему закрытию образовательного учреждения, фактически в обход законодательства РФ, когда школа может быть ликвидирована только сходом жителей села. Но именно так действуют сейчас функционеры Министерства образования и науки РФ...

Заключение

Микроисторическое исследование села – дело очень интересное, но и одновременно очень сложное. Слишком мало было предшественников у этой исторической традиции. Русское село – кладезь культуры и энциклопедия народной жизни – ждет своего исследователя. Тем более что отечественная микроистория развилась уже достаточно хорошо. Российская историческая наука наших дней не является рудиментальным приложением к зарубежной микроистории, а выдвигает интересные идеи и предлагает смелые решения многих проблем.

Для многих сел нашей страны сохранилась хорошая источниковая база, а источником микроистории становится широкий этнографический материал, археологические источники, книжная культура, мемуары, дневниковые записи, эпистолярное наследие, воспоминания непосредственных участников интересующих событий, широко привлекается «обычный хлеб» историка – архивные документы (например, документы судов различных инстанций). Для российской микроистории очень перспективными являются такие источники, как клировые ведомости, метрические книги и, особенно, материалы земств. Следует отметить, что для микроисторического исследования подойдут практически любые источники.

Мы только попытались разобрать несколько аспектов жизни с. Коровка, используя микроисторический метод исследования. Нам удалось, хотя бы в общих чертах, подвергнуть рассмотрению главные аспекты изменения социального статуса населения с. Коровка и увидеть, что жители этого населенного пункта в полной мере испытали на себе изменение политики государства именно и особенно в трансформации социального статуса жителей. Пережив три (если не четыре) таких перемены, коровкинцы подспудно, конечно, несколько ментально изменялись, но никогда из «разума» этого микросоциума не уходило осознание того, что когда-то они были казаками засечной черты.

В работе мы попытались сравнить ключевые особенности развития государственного с. Коровка и помещичьих владений и обнаружили, что окружение с. Коровка (с населением из пашенных солдат и позже из государственных крестьян, о чем было сказано выше) было практически сплошь помещичьим. Село Коровка было единственным государственным селом, входившим в Михеевскую волость. Остальные населенные пункты принадлежали Кошелеву. Используя даже некоторые скудные сравнительные данные, можно сделать уверенный вывод о более динамичном развитии государственного с. Ко-

ровка даже, и особенно, по сравнению с помещичьими «благополучными» кошелевскими держаниями.

Мы показали повседневность и быт крестьянина в с. Коровка, проанализировали занятия населения, семейный быт, пищу, обрядность, особенности одежды и жилища коровкинцев. За этой кажущейся простотой скрывался многовековой опыт многоукладной культуры казаков – пашенных солдат – государственных крестьян, что и отразилось на всех аспектах «сельской цивилизации» Коровки.

Мы выявили место и рассмотрели особенности религиозных отношений в сельском обществе с. Коровка, увидели, что культура жителей села, представляющих официальную православную церковь, неразрывно связана с храмом. Церковь старалась притянуть крестьянский мир к себе и отвлечь от раскола, что ей удавалось с переменным успехом в конце XIX – начале XX столетия. Церковно-приходская школа, безусловно, повысила число грамотных представителей официальной церкви, во многих домах появились книги-учебники, что поднимало и общую культуру населения. Служители Троицкой церкви сталкивались с финансовой проблемой и потому не могли проводить широкомасштабную миссионерскую деятельность у раскольников, сосредоточившись на образовании своего прихода.

В работе был прослежен генезис раскола и выявлено, что старообрядцы появились здесь, судя по некоторым косвенным данным, с самого начала раскола. Костяк этого сообщества составляли беспоповцы.

Это подтверждают и изыскания местных краеведов: «...Здесь еще твердо держится старая вера "Свято-владимирского предания" или белопоморского согласия, причем обилие разветвлений "старой веры" в одном селе Коровка говорит, что эволюция раскола прошла здесь все стадии своего развития»¹.

Село Коровка было во всем уезде «гнездом раскольников». Его жителей называли «кулугуры» или «кулгуры», не особенно понимая смысл этого слова, обозначающего книжников, книжную премудрость, и не вдаваясь в религиозные отличия. Как показывает анализ, сельчане – и представители официальной православной церкви, и старообрядцы – сумели сохранить свой разный религиозный колорит, создав, тем не менее, оригинальную сочетаемость двух не сочетаемых сторон русской религиозной жизни, показав, что «мирские» и староверы могут жить в одном социуме практически без конфликтов. Мо-

¹ Стаханов П.П., Стаханова Н.П. «Сапожковское городище» писцовых книг... С. 6.

жет быть, это было и потому, что фактически в каждом жителе села текла и течет кровь раскольников.

Мы рассмотрели оригинальную сельскую книжную культуру с. Коровка. Уже несколько дошедших до нас экземпляров позволяют сделать вывод о богатой старообрядческой литературной традиции в с. Коровка. Понятно, что основу этой книжности составляла духовная литература. Можно предположить, что первые печатные книги в религиозной общине села появляются еще до раскола в начале XVII в.

Сравнивая старообрядческую и «мирскую» литературу, можно сделать вывод, что раскольники намного бережнее, с неким обожествлением относились к своим книгам. Если «мирские» книги содержатся в беспорядке, сильно повреждены, сохранились только книги XX в., то старообрядческие хранятся в «платочках», сундучках, переплеты если и потрепаны, то не так грубо, делались попытки сохранить книгу как можно дольше.

Таким образом, нам удалось решить все задачи исследования, а следовательно, достичь цели работы: провести анализ и раскрыть с помощью использования микроисторического метода исследования особенности многоукладной культуры с. Коровка в контексте общей истории нашей страны.

Послесловие

На краю счастья

Чем более развитым с информационной точки зрения становится наше общество, тем дальше почему-то от современного горожанина оказывается российская деревня. Городские жители, которые в большинстве своем не так уж и давно из деревень уехали, привыкли представлять себе село как далекий и глухой «край таежный», где живут дремучие, необразованные люди, – в сознании укоренился образ, созданный телесериалами о псевдодеревенской реальности. Но если посмотреть внимательнее, забыв городской апломб, – увидишь светлую каплю росы, без которой образ нашей страны будет неполным и неверным.

Вот перед нами сельский художник-любитель. Эта хрупкая девушка своими картинами поразительно точно показывает внутренний мир человека, многообразие его переживаний, счастливых и горестных, его взлеты и падения. Ее картины-рисунки обычно небольшие, в альбомный лист, – наверное, поэтому кажется, что каждая из них лично про тебя и для тебя, так они интимны, камерны, психологичны. Человек привыкает смотреть на мир глазами прагматика и вроде бы не нуждается в познании своей души. Но стоит ему испытать сильное чувство – и он становится романтиком или его охватывает вселенская тоска. Моя знакомая художница не любит показывать свои рисунки, ведь и любой человек не перед всяким захочет раскрывать истинные свои мысли. А тут – вот они, на листе бумаги, каждый рисунок – новый этап, ступень познания своей души... У нее много грустных картин: часто с листов смотрят прекрасные, но печальные девичьи глаза. Все потому, что каждая картина – разговор со счастьем, а разговор этот может быть и грустным, и веселым. Ведь счастье – это наш самый ожидаемый друг, а с друзьями мы всегда наиболее искренни.

А вот мой знакомый сельский учитель, проработавший в школе лет сорок. Почти каждый житель села – его ученик, его ребенок. Школа построена его руками, березовая аллея посажена им, фруктовый сад – творение для РЕБЕНКА. Сельская школа – второй, если не первый дом и для учителя, и для ученика. Учитель пишет музыку, он автор школьного гимна и песни про село. Именно на селе учитель – это УЧИТЕЛЬ, где каждая буква в слове – заглавная.

А вот пожилой дедушка – ветеран войны, он остался всего один в селе. «Последний из могикан», он помнит и знает это особенное

счастье – вернуться с войны и увидеть бесконечно родное небо, которого не видел так долго...

Село сегодня не такое, как раньше. Мои родители, например, были свидетелями его преобразований с самого начала, с тех самых времен, когда даже света в деревне не было. А сейчас в каждом доме есть компьютер и другая современная техника. Обидно только, что, интегрируясь в информационный процесс, село вымирает: люди видят преимущества жизни в городе и уезжают туда, забывая простое сельское счастье, к которому возвращался солдат с той далекой войны; которое строил сельский учитель, согревая теплом каждый свой урок; которое видит девушка-художник, отражая в зеркалах души грусть и забытую радость природы и высшего человеческого предназначения, стоящего на краю счастья...

Список использованных источников и литературы

Архивные источники

1. ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3359, 486, 789, 2266, 1328.
2. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 293.
3. ГАРО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 45, 243.
4. ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Д. 8, 15, 22, 31, 47, 58.
5. ГАРО. Ф. 733. Оп. 1. Т. 1. Д. 984, 917.
6. ГАРО. Ф. 831. Оп. 2. Д. 2, 3.
7. ГАРО. Ф. 1112. Оп. 3. Д. 46.

Литература на русском языке

8. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. III. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664 / под ред. Д.Я. Самоквасова. – СПб., 1901.
9. Александров, Д.А. Историческая антропология в России // Вопросы истории естествознания и техники. – 1994. – № 4.
10. Александров, Д.А. Фритц Рингер, немецкие мандарины и отечественные ученые // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 53. – С. 90–104.
11. Антощенко, А.В. История одной профессорской отставки // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. – М., 2002. – Вып. 4. – С. 234–272.
12. Баранович, М.С. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. XIX. Рязанская губерния. – СПб., 1860.
13. Беленький, И.Л. Образ историка в русской культуре XIX–XX вв. // Историк во времени : третьи Зиминские чтения. – М., 2000. С. 75–96.
14. Белов, В.И. Повседневная жизнь русского Севера. – М., 2000.
15. Белова, Е.Б. Историческая информатика / Е.Б. Белова [и др.]. – М., 1996.
16. Бессмертный, Ю.Л. Коллизия микро- и макроподходов и французская историография 90-х годов // Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. – М., 1999. – С. 10–30.
17. Бессмертный, Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. – М., 1995. – С. 5–19.
18. Бессмертный, Ю.Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. – М., 1996. – С. 11–19.
19. Блюм, А. Родиться, жить и умереть в СССР. – М., 2005.

20. Бубнов, Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. – СПб., 1995.
21. Бунина, Е.В. Рязанская комплексная географическая экспедиция МГУ им. Ломоносова 1939–1940 гг. – М., 2007.
22. Вандалковская, М.Г. Индивидуальность в научном творчестве историка // Мир историка. XX век : моногр. / под ред. А.Н. Сахарова. – М., 2002.
23. Вандалковская, М.Г. Он никогда не отделял науку от жизни: П.Н. Милуков // Историки России XVIII – начала XX в. – М., 1996. – С. 592–625.
24. Воробьев, В.В. Материалы к антропологии великорусского населения некоторых уездов Рязанской губернии. – М., 1898.
25. Гилярова, Н.Н. Детский фольклор Рязанской области // Рязанский этнографический вестник. – Рязань, 1992.
26. Гинзбург, К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история : сб. ст. – М., 2004.
27. Глазычев, В.Л. Глубинная Россия: 2000–2002. – М., 2003.
28. Добролюбов, И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. – Рязань, 1996. – Т. 3.
29. Древние грамоты и акты Рязанского края / сост. А.И. Пискарев. – СПб., 1854.
30. Дубин, Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы: очерки социологии современной культуры. – М., 2004.
31. Журавлев, С.В. «Маленькие люди» и «Большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. – М., 2000.
32. Журавлев, С.В. Иностранная колония московского Электрозавода в начале 1930-х годов: опыт микроисследования // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. – М., 1999. – С. 366–408.
33. Зеньковский, С.А. Русское старообрядчество. – М., 1995.
34. Зузыкина, Н.С. Проведение столыпинской аграрной реформы в Рязанской губернии // Ученые записки РГПИ. – Рязань, 1957. – Т. 16.
35. Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. – М., 1999.
36. Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. – М., 1997–2002. – Вып. 1–4.
37. Картина или описание всех нашествий на Россию татар и турков, и их тут браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти непрерывно через восемьсот лет продолжавшихся / сост. П. Левашов. – СПб., 1792.
38. Книги Старого Урала. – Свердловск, 1989.
39. Кнорре, Б. Старообрядцы самых строгих правил / Б. Кнорре, А. Исэров // Русское ревю. 2007. № 17 (февр.).
40. Ковальченко, И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губернии. – М., 1959.

41. Козляков, В.Н. Михаил Федорович. – М., 2004.
42. Корзун, В.П. Г.В. Вернадский – историк русской исторической науки // Вестник Омского университета. – Омск, 1996. – № 1. – С. 54–58.
43. Корзун, В.П. Введение в историографию отечественной истории XX века / В.П. Корзун, С.П. Бычков. – Омск, 2001.
44. Корзун, В.П. Невостребованное наследие (Материалы по истории науки в архиве А.С. Лаппо-Данилевского) // Археографический ежегодник за 1994 год. – М., 1996. – С. 255–261.
45. Корзун, В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. – Омск ; Екатеринбург, 2000.
46. Кошелева, О.Е. Побег Воина // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. – М., 1997. – С. 55–86.
47. Кром, М.М. Историческая антропология. – М. : Квадрига, 2010.
48. Кузнецов, И.А. Сапожковский край. – Рязань, 2003.
49. Ламина, Е.Э. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1930-х годов / Е.Э. Ламина, Н.В. Самовер. – М., 1999.
50. Людке, А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. – М., 1999. – С. 77–100.
51. Материалы по вопросу о современном состоянии начального образования в Рязанской губернии. – Рязань, 1911.
52. Медик, Х. Микроистория // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. – М., 1994. – Т. 2. – № 4. – С. 193–202.
53. Медик, Х. Народ с книгами. Домашние библиотеки и книжная культура в сельской местности // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. – СПб., 2003. – С. 181–222.
54. Миловидов, В.Ф. Старообрядчество и социальный прогресс. – М., 1985.
55. Милонов, Н.П. Об изучении археологических памятников и истории сел и городов Рязанской области. – Рязань, 1949.
56. Милуков, П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. – М., 1994. – Т. 2. – Ч. 1.
57. Нарский, И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М., 2001.
58. Нефедова, Т.Г. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? / Т.Г. Нефедова, Дж. Пеллот. – М., 2006.
59. Никольский, Н.М. История русской церкви. – М. ; Л., 1931.
60. Новосельский, А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / Академия наук СССР. – М. ; Л., 1948.
61. Орлов, И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / Высшая школа экономики. – М., 2010.

62. Орфенов, А. Кустарное производство сельскохозяйственных машин и орудий в Сапожковском и Рязском уездах Рязанской губернии. – Рязань, 1912.
63. Охлябинин, С.Д. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. – М., 2004.
64. Панеях, В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. – СПб., 2000. – (Историко-филологический архив. Вып. 5).
65. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXV. Рязанская губерния / Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел ; под. ред. Н.А. Тройницкого. – 1903.
66. Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. / под. ред. В.Н. Сторожева. – Рязань, 1904.
67. Повалишин, А.Д. Рязанские помещики и их крепостные. – Рязань, 1903.
68. Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. – СПб., 2003.
69. Рязанская книга 1848–1917. Сводный каталог-репертуар. – Рязань, 2002.
70. Рязанские епархиальные ведомости. – 1865–1917.
71. Сборник Рязанского губернского статистического комитета. – Рязань, 1900.
72. Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. IX. Вып. I. Сапожковский уезд / Рязанское губернское земство. – Рязань, 1888.
73. Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. IX. Вып. II. Сапожковский уезд / Рязанское губернское земство. – Рязань, 1890.
74. Свод данных об экономическом положении крестьян в Рязанской губернии / сост. А. Селиванов. – Рязань, 1892.
75. Севастьянова, А.А. Демографические и историко-культурные характеристики крестьянских семей XIX – начала XX века по материалам Рязанской и Вятской губерний // Провинциальное культурное гнездо (1778–1920-е годы). – Рязань, 2005.
76. Севастьянова, А.А. Русская провинциальная историография XVIII в. – М., 1998.
77. Селиванов, А.З. Свод данных об экономическом положении крестьян Рязанской губернии. – Рязань, 1892.
78. Соколов, А.С. Письма граждан как источник по истории России периода нэпа // Рязанская вивлиофика. Исторический альманах. – Рязань, 2001. – Вып. 3.
79. Справочник по Рязанской губернии. Вып. I. Кооперативные учреждения и сельскохозяйственные общества. – Рязань, 1915.
80. Стаханов, П.П. «Сапожковское городище» писцовых книг 1627–1628 гг. со стороны историко-этнографической / П.П. Стаханов, Н.П. Стаханова // Труды Сапожковского отделения общества исследователей Рязанского края. – Сапожок, 1927. – Вып. II.

81. Сурин, В.А. Микроистория и мемуарный источник: к методологии проблемы // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX–XXI столетий. – Екатеринбург, 2000.
82. Тарабрин, Е.Г. Введение земских учреждений в Рязанской губернии и их социальный состав // Рязанский край. История. Природа. Хозяйство. – Рязань, 1991.
83. Тарабрин, Е.Г. Рязанское земство в XIX в. // Два века Рязанской истории. – Рязань, 1991. – С. 95–109.
84. Тихомиров, Д. Записки об археологических исследованиях Рязанской губернии. – М., 1844.
85. Ульбрих, К. Переплетения: христианско-иудейские отношения в сельском обществе XVIII в. // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. – СПб., 2003. – С. 90–142.
86. Уортман, Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Александра II до отречения Николая II. – М., 2004.
87. Фулин, Ю.В. Отречемся от старого мира. – Рязань, 1987.
88. Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). – М., 1967.
89. Чекурин, Л.В. Историческое краеведение. Истоикография и источниковедение. – М., 1991.
90. Шлюмбом, Ю. Социальные узы между имущими и неимущими: микроистория одного сельского сообщества (XVII–XIX вв.) // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории. – СПб., 2003. – С. 143–180.
91. Шмидт, С.О. А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // Археографический ежегодник за 1994 год. – М., 1996. – С. 229–370.
92. Шмидт, С.О. Путь историка. – М., 1997.
93. Шово, М. Повседневная жизнь Египта во времена Клеопатры. – М., 2004.
94. Щевьёв, А.А. Локальные религиозные споры как пролог церковного раскола XVII века // Социосфера. – 2012. – № 4. – С. 125–127.
95. Щевьёв, А.А. Особенности сельской социокультурной среды в условиях религиозного диалога общин старообрядцев и представителей официальной православной церкви в XIX – начале XX вв. // Социокультурная среда как средство формирования и развития личности / Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2011. – С. 165–167.
96. Щевьёв, А.А. Сельская школа и информационно-коммуникационные технологии. – Рязань : Концепция, 2013.
97. Щевьёв, А.А. Создание и деятельность Рязанского губернского дворянского комитета и участие в нем А.И. Кошелева / А.А. Щевьёв, А.А. Подкидышев // Молодые историки о прошлом и настоящем : тезисы докладов студ. науч. конф., 6 апреля 2004 г. / отв. ред. Л.М. Головкина ; Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2004. – С. 47–50.

Литература на иностранных языках

98. Burguiere, A. L'anthropologie historique // La nouvelle histoire. – Paris, 1978.

99. Levi, G. On Microhistory // Burke P. New Perspectives on Historical Writing. – Oxford, 1991.

Интернет-ресурсы

100. Кондрашов, А.И. Материалы к вопросам истории старообрядчества на территории Шиловского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.imha.ru/1144537560-starobryadchestvo-na-territorii-shilovskogo-kraya.html#.UyXohM408nY>

101. Кром, М.М. Историческая антропология [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kulturology/kromm/historicanthropology/>

102. Мамонтова, М.А. Историческая наука на рубеже веков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.worldhist.ru/qual/fpk/TheorMethHist-04/ref/Mamontova.rtf>

103. Починская, И.В. Старообрядческое книгопечатание // История и культура старообрядчества [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.eunnet.net

104. Филюшкин, А.И. Лекции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.history.pu.ru/struct/cathed/russian/prof/fil.htm>

105. Хлынина, Т.О. О вечных истинах, индивидуальных предпочтениях и исторической дидактике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://his.1september.ru/2002/46/1.htm>

106. Чазова, Е.Г. Принципы картографирования процессов микроистории [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://new.hist.asu.ru/biblio/ikk/chasova.shtml>

Приложения

Приложение I

Хронологическая таблица

Дата	Событие
1521–1566 гг.	Строительство Большой засечной черты
конец XVI – начало XVII в.	Основание с. Коровка. Строительство первого храма в селе
1627–1628 гг.	Первое упоминание о с. Коровка
1632 г.	Большое нападение на с. Коровка и Сапозок татар
середина XVII в.	Конфликт коровкинских казаков с князьями Долгорукими из-за земельных массивов
1650–1660-е гг.	Церковная реформа патриарха Никона. Начало раскола
1771 г.	Освящение нового деревянного храма Живоначальной Троицы
1775 г.	Возвращение при генеральном межевании коровкинских земель, отнятых Долгорукими при царе Алексее Михайловиче
1819 г.	Сообщение причта села о водворившейся в их селе секте
1869 г.	Начало производства в селе молотилки «смыковки»
1888 г.	Основание Коровкинской школы (как церковно-приходской)
1900–1914 гг.	Строительство кирпичного храма Живоначальной Троицы
1925 г.	Крупный пожар в селе
1926 г.	Съемки на территории с. Коровка, Сапозка и Пригородней слободы фильма «Бабы рязанские»
1928 г.	Организация ткацкой артели веревочников
1929 г.	Организация комсомольской ячейки в селе
1936 г.	Открытие семилетней школы
26.07.1939 г.	Заккрытие храма
конец 1950-х гг. – 1964 г.	Строительство нового двухэтажного здания школы в центре села
1964 г.	Пожар в здании ткацкого цеха
начало 1960 г.	Появление проводного радио в селе, прокладка водопровода на центральных улицах
1966 г.	Семилетняя школа стала средней
1968 г.	Завершение электрификации села
1969 г.	Бурение скважины для добычи минеральной воды в Пушкарском лесу

1970 г.	Строительство здания сельского Дома Культуры
октябрь 1983 г.	Пожар в здании школы
1985 г.	Открытие восстановленного здания школы
1989 г.	Основание школьного краеведческого музея
7.11.1989 г.	Открытие поименного памятника павшим воинам села
1994 г.	Средняя школа преобразована в среднюю школу-ясли-сад (реорганизация в школу-комплекс)
1999 г.	Школа вновь стала средней общеобразовательной (с сохранением в структуре яслей-сада)
1999 г.	Начало газификации села
2006 г.	Село Коровка вошло в Михеевское сельское поселение
май 2010 г.	Открытие мемориальной доски Н. Мостяеву
2006 г.	Начало восстановления Троицкого храма
сентябрь 2011 г.	Школа – филиал Сапожковской средней школы № 1 имени Героя России А.И. Тучина
2013 г.	Переезд сельской библиотеки и Дома культуры в здание школы
апрель 2013 г.	Открытие баннера полному кавалеру «Ордена Славы» В.И. Короткову
2013 г.	Переименование улиц села

Словарь терминов и понятий

Беспоповцы – одно из главных направлений старообрядчества в 80–90-х гг. XVII в. Возникло наряду с поповством в связи с отсутствием среди старообрядцев епископа, то есть того, кто имел бы право на рукоположение священников. В отличие от поповцев, беспоповцы утверждали, что эпоха священства закончилась, развилось учение о «бессвященнословном состоянии» в церкви. Противоречия с поповцами, главным образом по поводу самосожжений, которые беспоповцы активно проповедовали. Эти противоречия вынудили их провести в Новгороде в 1692 и 1694 гг. соборы, определившие их позицию, которая сводилась к следующему: «духовный» Антихрист уже пришел и царствует в патриаршей церкви, священство прекратилось, а вместе с ним и таинства евхаристии и брака, совершаемые им; оставшиеся таинства крещения и исповеди могли совершать и миряне; категорически предписывалось перекрещивать всех желающих перейти в беспоповство. Соборы запрещали брак и чадорождение, поскольку брак невозможен в отсутствие священства, а внебрачное сожитие и рождение детей – грех; запрещалось общение беспоповцев с представителями окружающего их мира, не повинующиеся этим постановлениям отлучались от церкви. Новгородские постановления, их радикальное или умеренное толкование, послужили причиной возникновения различных толков и согласий у беспоповцев. Основные среди них – появившиеся уже в конце XVII в. федосеевский, поморский (даниловский) и нетовский (спасовский) толки, от которых позднее откалывались и другие: титловщина, филипповцы, белоризцы, скрытники, рябиновщина, страннический, или бегунский, толк, часовенное согласие и др. В конце XIX – начале XX в. разногласия между беспоповцами смягчаются, начинается процесс их консолидации вокруг поморского толка, признающего таинство брака. По данным переписи 1912 г. беспоповцев в Российской империи числилось 1 211 246 человек (реальное число гораздо больше), что составляло основную часть русского старообрядчества. В настоящее время объединительные тенденции в среде беспоповцев продолжают. В Вильнюсе действует Высший старообрядческий совет, объединяющий беспоповцев-брачников. Беспоповские общины распространены в ряде областей и краев Российской Федерации, а также в Прибалтике, Белоруссии, Украине, Молдавии, Казахстане, Польше, Румынии, Болгарии, Германии, Бразилии (Сан-Пауло), Аргентине, Уругвае, Парагвае, Австралии, Новой Зеландии, Соединенных Штатах Америки (далее – США), Канаде.

Государственные крестьяне – в России XVIII – первой половины XIX в. сословие, образованное из бывших черносошных крестьян, полоников, однодворцев, части казаков, пашенных солдат и др. Жили на казенных землях, несли повинности в пользу государства, считались лично свободными. С 1841 г. управлялись Министерством государственных иму-

ществ. В середине XIX в. составляли около 45 % крестьянства. В 1866 г. подчинены общей системе сельского управления, в 1886 г. получили право полной собственности на землю за выкуп. Государственные крестьяне Сибири и Закавказья остались в прежнем положении держателей казенной земли, поскольку на них не были распространены законы 1866 и 1886 гг.

Двоеперстие (двуперстие) – принятое в древнем православии (в греческой церкви до XIII в. и в русской церкви до XVII в.) и среди старообрядцев сложение пальцев (перстов) правой руки для совершения крестного знамения. Старообрядцы настаивали на двуперстии на том основании, что крестную казнь через распятие претерпел Иисус Христос, а не вся Троица. Кроме того, старообрядцы указывали на существующие изображения – иконы, миниатюры, где были святые, крестящиеся двуперстно.

Драгуны – в русской армии слово «драгуны» впервые появляется при Михаиле Федоровиче, когда в 1631 г. из на вербованных иностранцев сформирован был 1-й драгунский полк (полк «нового (иноземного) строя»), в 1632 г. находившийся в войске М.Б. Шеина под Смоленском. В 1642–1648 гг. крестьяне южных уездов отобраны у помещиков в казну и записаны в драгунскую службу (поселенные драгуны). В 1653 г., перед большой войной, их число достигло 6000 человек. В годы войны их количество росло, но после войны число их пошло на убыль. Снова поселенных драгун использовали для подавления восстания С. Разина. К концу царствования Алексея Михайловича драгун было уже более 11 тыс. Эти драгуны были вооружены мушкетами, шпагами, бердышами и короткими пиками. К 1680-м гг. комарицкие драгуны исчезли из состава русской армии, исчезают также драгунские формирования в южных уездах. В то же время в конце XVII в. сформирован Сибирский драгунский полк с территориальной организацией.

Древлеправославная поморская церковь (далее – ДПЦ) – современное официальное название крупнейшего религиозного объединения староверов поморского согласия. Как и многие беспоповские толки, ДПЦ не имеет трехчинной иерархии; принятые у поморов таинства (крещение, исповедь) совершаются мирянами (духовными наставниками). В истории России известна и под другими названиями – Церковное общество христиан-поморцев, Старообрядческая поморская церковь и др.

Единоверие – направление в старообрядчестве, сторонники которого при сохранении древних богослужебных чинов (двоеперстие, служба по старопечатным книгам и др.) и древнерусского бытового уклада признают иерархическую юрисдикцию Московского патриархата. Возникло в конце XVIII в., долгое время регламентировалось особыми правилами, принятыми по инициативе московского митрополита Платона (Левшина). В советское время в связи с тотальными гонениями на Церковь и на старый уклад жизни единоверие практически исчезло. С конца 1980-х старый обряд в лоне Русской православной церкви переживает второе рождение.

Засечная черта – система оборонительных сооружений, применявшаяся с XIII в. на Руси и получившая особое развитие в XVI–XVII вв. на

южных границах Русского царства для защиты от нашествия монголо-татарских и крымских войск, а также в качестве опоры при наступлении на противника. Наиболее мощной фортификационной линией являлась Большая засечная черта, которая входила в общую систему обороны Российского государства и состояла из укрепленных городов-крепостей (в 1630 г. их насчитывалось свыше сорока), собственно засечной черты в полосе между мещерскими и брянскими лесами, тыловой линии по течению р. Оки и поселений сторожевой казачьей службы.

Земства – выборные органы местного самоуправления (земские собрания, земские управы) в Российской империи. Они были введены земской реформой 1864 г. К 1914 г. земства существовали в 43 губерниях Европейской России. Земства были упразднены после Октябрьской революции 1917 г.

Историческая антропология (др.-греч. *ἱστορία* – «расспрашивание», «исследование»; *ἄνθρωπος* – «человек»; *λόγος* – «наука») – направление познания социокультурной истории человечества с помощью методов исторической, антропологической наук и кросс-культурных исследований.

Исторический источник – весь комплекс документов и предметов материальной культуры, непосредственно отразивших исторический процесс и запечатлевших отдельные факты и свершившиеся события, на основании которых воссоздается представление о той или иной исторической эпохе, выдвигаются гипотезы о причинах или последствиях, повлекших за собой те или иные исторические события.

Калогер – (от *καλός* и *γέρων* – «добрый старец») – название, с которым в древних греческих монастырях младшие обращались к старшим, более почетным лицам из монашествующих. С течением времени оно сделалось нарицательным. При переводе древних греческих прологов и патериков на славянский язык это слово оставлено без перевода и встречается в них при рассказах об искушениях бывших даже лучшими из иноков, при изложении их наставлений братии и т.п. Видоизменилось в русской традиции в пренебрежительно-просторечное «кулугур», понятие, обозначавшее раскольников-старообрядцев во многих областях России, в том числе и Рязанской области.

Клировые ведомости – документ о службе лиц духовного сословия. По закону считался актом, удостоверявшим состояние лиц духовного звания.

Краеведение – полное изучение определенной части страны, города или деревни, других поселений. Таким изучением, как правило, занимаются ученые-специалисты, которые ограничились данным краем (архивисты, архитекторы, биологи, военные, географы, историки, экологи, этнографы), а также энтузиасты из местного населения.

Лестовка – (уменьшительное от др.-рус. «лествица», то есть «лестница») – разновидность четок у старообрядцев. В отличие от четок, лестовка внешне напоминает гибкую лестницу и символизирует, прежде всего в старообрядческой традиции, лестницу духовного восхождения с земли на

Небо. К сожалению, было создано общественное мнение, что лестовки якобы являются символом раскола, и на этой почве «успешно» и незаслуженно они были вытеснены даже не традиционной вервицей, а католическими четками. Современная лестовка, в подавляющем большинстве случаев, имеет тот вид, который пришел к нам из глубины времен Святой Руси. Она представляет собой плетеную (иногда – шитую) ленту из мягкого изнosoустойчивого материала (кожа, плотные ткани, кожаменитель, дерматин и т.д. и т.п.) со вставленными в определенной последовательности и определенном количестве ступеньками (бобочками) и прикрепленными к ней (также в определенной последовательности и определенном количестве) лапостками треугольной формы. Кроме того, существуют лестовки, изготовленные не традиционным образом, а, например, изготовленные из бисера. Также бывают различные виды лестовок и другие молитвенные приспособления, выполненные по принципу лестовки.

Межевые книги – документ имущественного характера, дававший детальную информацию о размерах и границах земельных владений. В документах, наряду с перечислением землевладений и землевладельцев, давалось подробное описание межевых признаков, отделяющих друг от друга селения, деревни и пустоши. В качестве владельцев перечисляются члены семьи, указываются девичьи фамилии женщин-землевладеллиц, если владельцы проживали в другом населенном пункте, то указывалось их место жительства, а также чины, титулы, должности и звания. Первые межевые книги появились на Руси в XVI в. Служат важным источником по истории развития феодального землевладения и исторической географии России. Большое число межевых книг сохранилось в связи с генеральным межеванием и специальным межеванием в 1930–1950-х гг.

Ментальность – (от лат. *mens* – «сознание», «ум») – образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы. Ментальность является более широким и вместе с тем менее ясным понятием, чем стиль мышления, характеризующий лишь интеллектуальную предрасположенность к определенным умственным действиям.

Микроистория – направление в исторической науке, занимающееся рассмотрением малых территорий и популяций (городок, деревня, отдельная семья) прошлого с целью изучения повседневной жизни и ментальности «маленького человека», традиционно теряющегося в истории. Микроисторический анализ предполагает изучение частных явлений, происходивших в жизни отдельных людей прошлого, с целью выявления господствующих представлений и тенденций в обществе в целом.

Мирской – живущий, находящийся в миру, принадлежащий миру, в противопоставлении монашескому или монастырскому. В с. Коровка термин «мирской» обозначал принадлежность к официальной православной церкви и противопоставлялся старообрядческому (калогерскому).

Моленная (молеальный дом) – в России (особенно у старообрядцев) помещение для совершения богослужения, домашняя церковь. В царских хоромы моленная также называлась «крестовая комната». Не имеет алтаря

и не предназначена для совершения литургии. В моленных обычно читали Часы, а также совершали праздничные богослужения и некоторые из церковных таинств. Богослужения в моленных совершаются как священнослужителями, так и мирянами (в объеме, разрешенном церковным уставом). Может располагаться в отдельном здании, имеющем вид часовни, а также и как отдельная комната в доме. Одна стена моленной целиком занята иконостасом в несколько ярусов. Основой такого домашнего иконостаса были иконы Спасителя, Богородицы и Иоанна Крестителя. В нижнем ряду иконостаса размещались иконы «на поклоне», или «местные». Такие иконы устанавливались в специальных местах, откуда и название «местные». В нижний ряд ставились иконы особо почитаемые хозяином дома: иконы тезоименитых ангелов и святых, благословенные иконы от родителей и родственников, ковчежцы со святыми мощами и т.д. Местные иконы украшались окладами и *привесами*: крестами, серьгами, кольцами, монетами и другими украшениями. На других стенах моленной комнаты размещались иконы в малых иконостасах и киотах. Перед иконами горели лампы. Перед иконостасом стояли аналои для чтения книг, как богослужебных, так и сочинений Отцов Церкви. При молебных поклонах употребляли поклонные скамейки, или поклонные колодочки. В крестовой комнате хранились четки и лестовки.

Наставник (старообрядческий) – руководитель общины старообрядцев. Наставникам отводилась разная роль, что было обусловлено идеологическими установками. Общим для вероучения филипповцев, федосеевцев, поморцев, странников было признание необходимости наставничества. Основной функцией наставников было совершение таинств, проведение служб. Сторонники этих согласий не признавали церковное крещение, погребение, считали, что для этого необходимы специальные люди (наставники), которые проводили обряды по «старым» книгам, так, как они проводились до исправлений Никона. Нетовщина являлась крайним вариантом решения вопроса организации религиозной жизни. Оказавшись в бедственном положении (лишившись священства), нетовцы не допускали возможности существования наставников, имеющих право совершать таинства. В настоящее время достоверно установить, каким именно образом проходил выбор наставника в общинах старообрядцев, невозможно. Предполагаем, что первоначально, как и в других регионах России, наставники избирались общиной и утверждались с благословения старейшего. Благословение это проходило при большом стечении народа, в экстренных случаях в присутствии нескольких человек. Обряд включал положение семи-поклонного начала, чтение кратких молитв и славословий. Кроме того, наставник мог сам выбрать и благословить преемника на это место из числа «достойных».

Нетовцы (самоназвание – спасовцы) – одно из беспоповских направлений старообрядчества. Возникло в конце XVII в. в среднем Поволжье и изначально не было связано с северными беспоповцами (федосеевцами и поморцами). Основателем Спасова согласия считается Козьма Ан-

дреев. По его учению в мире воцарился Антихрист, благодать взята на небо, церкви больше нет, таинства истреблены. Сам человек не может способствовать своему спасению, спастись можно только через молитву Спаса (Сына Божьего), только Он знает, кто и как спасется.

Окладные книги – документы древней Руси и Российского государства (вплоть до конца XIX в.), содержавшие ежегодное распределение разных даней, собиравшихся с церковью на потребности местной иерархии и целого государства.

Пашенные солдаты – категория служилых людей «по прибору», появившаяся в 1640-х гг. для несения сторожевой службы на южной и северо-западной границах России. Пашенными солдатами и драгунами стали крестьяне, освобожденные от значительной части налогов и повинностей, имевшие собственные земельные наделы и хозяйство и несшие пограничную службу в солдатских и драгунских полках. В 1660–1680-х гг. они постепенно перешли в разряды тяглых крестьян или служилых людей.

Повседневность – область социальной реальности, целостный социокультурный жизненный мир, предстающий «естественным», самоочевидным условием жизни человека. Это нечто привычное, которое создает человеку зону комфорта. Возникает, когда человек становится человеком, когда вырывается из границ природы (самосознание), после возникает вопрос: «Как жить?» – приобретает знания (метод проб и ошибок) – формируется знание о питании, одежде и т.п. – формируется близкий мир.

Подручник (от слов «под руки», «для рук») – это специально сшитый небольшой коврик (или тонкая подушечка) квадратной формы (размером 30–40 см), с простым орнаментом православной символики, предназначенный для положения на него рук, книг и лестовки (четок) во время земных поклонов во избежание их загрязнения и/или осквернения.

Поморцы (поморское согласие) – согласие староверов-беспоповцев, которые после смерти последних дораскольных священников отказались от практики приема беглых попов (беглопоповство), то есть священников, переходящих от синодальной церкви (РПЦ). В условиях отсутствия священства службы стали вестись избранными грамотными мирянами. На основе иноческого соловецкого устава был создан Поморский устав для ведения службы мирянам, в котором были опущены слова, которые произносились священниками. Также в Поморье на реке Выг был организован Выговский монастырь, ставший духовным центром всего согласия с конца XVII до середины XIX в. По ним и все согласие получило наименование Поморского.

Поповцы – обобщенное название представителей старообрядческих согласий, имеющих священство. В конце XVII – первой половине XIX в. существовало в основном в виде беглопоповства.

Проскурница – устаревший аналог слова просвирница, просфорница – женщина при храме, ответственная за выпечку просфор.

Рейтары (от нем. Reiter – «всадник», сокращение от нем. Schwarze Reiter – «черные всадники») – в России рейтары принадлежали к полкам

«нового строя». Первый рейтарский полк был сформирован указом царя Михаила Федоровича от 10 июня 1632 г.

Русская православная старообрядческая церковь (до 1988 г. «Древлеправославная церковь Христова») (далее – РПСЦ) – юридически и канонически независимое религиозное объединение, состоящее из старообрядцев-поповцев, принимающих окормление Белокриницкой иерархии; рассматривает себя как продолжение исторической русской православной церкви, существовавшей до реформ патриарха Никона; не находится в молитвенно-евхаристическом общении с другими церквами, за исключением РПСЦ в Румынии. В литературе встречаются именованья РПСЦ: Белокриницкое согласие, Белокриницкая иерархия (по названию монастыря в Белой Кринице на северной Буковине, бывшей в составе Австрийской империи). Современная иерархия РПСЦ возникла в 1846 г., когда было восстановлено епископское возглавление церковной иерархии.

Согласие старообрядцев – группа объединений верующих в старообрядчестве, придерживающаяся той или иной разновидности обрядовой практики. Обычно под согласием понимают крупное течение в старообрядчестве, в отличие от более мелких подразделений – толков, хотя эти слова могут употребляться как синонимы (практика речевого употребления этих слов как в старообрядческой среде, так и за ее пределами крайне противоречива).

Старообрядчество (древнеправославие) – совокупность религиозных течений и организаций в русле русской православной церкви, отвергающих предпринятую в 1650-х–1661-х патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем церковную реформу, целью которой была унификация богослужебного чина русской церкви с греческой церковью и прежде всего – с церковью константинопольской.

Толстовство – религиозно-этическое общественное течение в России конца XIX – начала XX вв. Возникло в 1880-х гг. под влиянием религиозно-философского учения Льва Толстого. Основы толстовства изложены Толстым в произведениях «Исповедь», «В чем моя вера?», «О жизни», «Христианское учение» и др. Последователи – толстовцы.

Федосеевцы – беспоповское направление в русском старообрядчестве. Возникло в конце XVII – начале XVIII столетий на северо-западе европейской части России среди старообрядцев-крестьян и посадских. Основателем первой общины федосеевцев был бывший дьякон деревни Крестецкий Ям, близ Новгорода, Феодосий Васильев (1661–1711) из рода бояр Урусовых. Федосеевское согласие оформилось в начале 90-х гг. XVII в. На Новгородских соборах было сформулировано учение о бытии Церкви во времена царствования духовного Антихриста. Впоследствии учение федосеевцев восприняли поморцы. В течение XVIII в. отношения близких по вероучению поморцев и федосеевцев имели переменный характер, от разрыва отношений (к примеру в 1706 и 1752 гг.) до очередного примирения (в 1708, 1727 гг.), окончательное разделение происходит в начале XIX в., после соборного утверждения поморцами брачного чина. С самого своего

выделения федосеевцы отличались непримиримостью к государству и строгим аскетизмом. Они отрицали моление за царя на имя, а также сомнительный «безсвященнословный брак», так как считали, что наступило Царство Антихриста и продолжение рода человеческого преступно: «...5-е, Брачное супружество совершенно отвергать законополагаем, потому что погрехом нашим в таковая времена достигохом, в ня же православнаго священства в конец по благочестию лишились. А посему и союзом брачным некому обязать, кроме как антихристовым попам, а безвенчаные браки имут запрещение от царя Алексея Комнина. Да и Апостол глаголет яко имущие жены яко неимущие будут». Со второй половины XVIII столетия федосеевцы постепенно становятся самым многочисленным и влиятельным направлением в беспоповстве, выразившим в первую очередь настроения и интересы выходцев из деревни, вовлеченных в новые, капиталистические отношения. Их центром с 1771 г. становится община Преображенского кладбища в Москве, основателем и первым наставником которой был И.А. Ковылин (1731–1809), богатый торговец и промышленник, родом из крестьян. Руководители общины выкупали крестьян, принявших учение федосеевцев, также часто община принимала и укрывала беглых крепостных, особенно женщин. Большинство же членов общины работало на хлопчатобумажных мануфактурах в Лефортово и жило там же. В первой половине XIX в. руководство федосеевцев находится у крупных предпринимателей и промышленников – Е.Ф. Гучкова, Зиминых и др. Верование постепенно утрачивает свою радикальную религиозную направленность. Социальная дифференциация постепенно привела к выделению самостоятельных организаций – рижских и польских федосеевцев («новоженов»), признававших брак, заключаемый простецом, – и входивших в «согласие» – аристовцев и кондратьевцев, требовавших соблюдения суровых аскетических норм. Часть федосеевцев, тяготившихся безбрачием, перешла в поморские общины брачного согласия, а некоторые – в единоверие. Во второй половине XIX столетия федосеевцы перестали играть руководящую роль в беспоповстве и постепенно превратились в достаточно закрытую, замкнутую религиозную организацию.

Филипповцы (филипповское согласие) – (старопоморцы-филипповцы, не путать с липованами) – беспоповское согласие в старообрядчестве, возникло в 1737 г. в результате выхода из Выговской общины поморцев – сторонников старца Филиппа (в миру Фотий Васильев, 1674–1742), который и стал основателем согласия. Сами филипповцы называют себя «христиане старопоморского и соловецкого потомства», иногда просто «поморцами». В настоящее время имеется не более 20 общин, в основном в Кировской и Кемеровской областях. Имеют некоторые внутренние разделения (безбрачные, брачные и др.).

Церковный староста – человек из мирян, ведающий хозяйством церковной общины. Впервые должность упоминается в указах Петра I. Церковный староста не являлся человеком духовного звания и помогал настоятелю прихода в управлении имуществом. Первая обязанность церков-

ного старосты состояла в приобретении свечей и хранении церковной кассы, затем старосты стали ведать ремонтом храма, сбором пожертвований и соблюдением порядка. Старосты избирались приходом. В древней церкви похожие задачи возлагались на дьяконов и ктиторов.

Часовенные — старообрядцы-беспоповцы, первоначально бывшие поповцами, но из-за гонений, особенно усилившихся при императоре Николае I, оставшиеся без священства. Образовались в первой половине XIX в., выйдя из недр беглопоповства. Постоянно испытывая трудности со священниками, а во время гонений на старообрядцев в период царствования Николая I вообще оказавшись без них, группа старообрядцев-беглопоповцев, живших в районе Витебска, решила вовсе отказаться от иереев и заменить их наставниками, или уставщиками (из мирян). Богослужения стали проводиться в часовнях (откуда и название согласия). Таким образом, часовенные фактически превратились в беспоповцев, хотя и не причисляют себя к ним. Во второй половине XIX в. часовенные уже имелись также в Сибири и на Дальнем Востоке. После событий 1917 г. тысячи последователей часовенного согласия бежали в Китай и расселились там в провинции Синьцзян и в Маньчжурии. После провозглашения Китайской Народной Республики большинство из них эмигрировало в Австралию, Новую Зеландию и некоторые страны Южной Америки. В 1960-е гг. более тысячи часовенных переехали из Бразилии в США, а в 1970-е гг. некоторые из них перебрались в Канаду. В 1980-е гг. часть часовенных Северной Америки и Австралии решила восстановить институт священства и присоединилась к РПСЦ Румынии. Сходные процессы отмечены и у российских часовенных.

Песни и стихи жителей с. Коровка (XVII–XXI вв.)

Коровка

(неофициальный гимн села)

Автор слов: Н.К. Мостяева. Автор музыки: А.И. Щевьёв

Зима. Земля застыла в неге, ее ласкает холод вьюг.
И стаи елей в белом снеге протягивают кисти рук.

Припев:

*Коровка, милая, родная, где дорог каждый уголок.
Твою красу не променяю на перепутье всех дорог.*

И солнце тянется, проснувшись, едва заметно сквозь туман.
Стоит колодец, чуть нагнувшись, как толстый важный атаман.

Припев.

И все рифмованные строки меня к тебе лишь приведут,
Где в доме справа от дороги меня в любое время ждут.

Припев.

Гимн школы

Автор слов и музыки: А.И. Щевьёв

На пригорке стоит в окруженье берез наша школа,
И сердца дербит и тревожит до слез наша школа.
Сколько б дальних дорог не пришлось нам пройти, наша школа,
Если можешь, конечно, ты нас прости, что вернемся не скоро.

Припев:

Школа, школа, школа, на время прощай.
Школа, школа, школа, ты нас не забывай.
Каждый год мы будем сюда приходить,
Чтобы в юности нашей немного побыть.

Здесь учили нас жить, и навеки любить, и трудиться,
А теперь улетаем, не зная куда, мы, как птицы.
Долго будет нам слышен последний звонок за порогом,
Не забудем его, отправляясь с тобой в дорогу.

Припев.

Вот настанет пора и опять детвора со цветами
Вновь заполнит просторные классы твои, но не с нами.
Все у них как у нас – может, лучше чуть-чуть – повторится.
Наша школа, мы будем тобою всегда гордиться.

Припев.

Первая суббота февраля

Автор слов и музыки: А.И. Щевьёв

За окном березки повзрослели и тоскуют, молча по весне.
Ну а мы с тобою постарели, юность снится нам с тобой во сне.
Крутится и вертится земля и мотает годы все быстрее.
В первую субботу февраля школа соберет своих друзей.

Припев:

Но Сашка не приедет никогда,
Вовка – опоздал на самолет...
Что же с нами делают года.
Впрочем, тот, кто сможет – тот придет.

Хочется пройти по этажам, посидеть за партою своей,
Руки всем своим пожать друзьям и увидеть всех учителей.
А у нас, как пухом тополя, головы покрыты сединой.
В первую субботу февраля, может быть, и встретимся с тобой.

Припев

Сорок лет, как птицы, пронеслись клином к югу над родным селом.
Вот опять мы вместе собрались посидеть за праздничным столом.
Переливы школьного звонка на мгновение в детство позовут
В первую субботу февраля... Только годы вспять не повернуть...

Припев

Но
не приедет никогда,
... опоздал на самолет
Что же с нами делают года!
Впрочем, тот, кто сможет – тот придет.

Люблю

Слова: А.А. Щевьёв. Музыка: А.И. Щевьёв

Люблю Россию милую и дух ее хмельной,
И ивушку плакучую с поникшей головой.
Люблю, когда речушки слезами моют снег,
Люблю, когда детишки смеются громче всех.
Люблю простор великий, громадину полей.
И нет земли прекрасней, и нет любви нежней.

Далеко за Доном

Автор: А.А. Щевьёв

Далеко за Доном, на Непрядве,
В тихом поле птицы кулика,

Защищая веру, жизнь и правду,
Встали князя Дмитрия войска.

Пересвет – с коня и на колени,
Обратился к Богу на восток:
«Господи, мои к тебе моленья!
Дай мне силы, мужества глоток!

Дай победу, счастья русским людям.
Все устали под поганым жить.
Знаю, скоро их погубим,
Перестанут дети слезы лить».

Щит, копье и плащ по ветру вьется.
Сергий меч кропил святой водой.
Молится, слезинка только льется.
Под кольчугой – ясный крест святой.

С Челубеем съехались. И копья,
Пробивая бронь и тела плоть,
Затрещали, сломанные. Ключья
Алые. Мешалась с грязью кровь.

Знак начала битвы. Застонали
Сабли и мечи князей.

И по тем, что только что упали
Сотни с храпом ехали коней.

Пересвет убит, а в небе диком,
Стрелами летели облака.
Ветер воем, стоном, криком
Мертвых кликал с поля кулика...

Старая Рязань
Автор: А.А. Щевьев

Кто вам сказал, что та Рязань исчезла?!
Что захлебнулась в темноте татар,
Которая на стены храмов лезла,
И под ударом крест церковей упал?

Она живет сегодня в наших душах,
И, прислоняясь, как в старине веков
К иконе храма, можем мы послушать
Малиновую песнь колоколов.

Так, чувствуя сердечное биенье
И саблей лязг о сталь мечей,
Мы ощущаем горечь поражения
И огненные крики матерей.

Как сонм святых, взлетающий под звоны,
На пальцах пламени подняты в синеву:
Князья, холопы, дети, жены—
Все вместе — не по одному...

И святость предков бесконечна.
В глазах пылающий пожар.
Мы помним их, не в именах, конечно,
Мы помним их, храня священный дар.

Народные песни села

Песня про Надю

Вот, друзья мои, расскажу я вам,
Этот случай был в прошлом году.
Только граждане, не мешайте мне,
Этот случай я вам пропою.
Отец, мать и дочь жили весело,
Но изменчива злая судьба:
Надсмехалась над малюткою,
Мать в сырую могилу ушла.
После матери отец дочь любил,
Но не долго была благодать.
Он женился, взял жену новую:
«Надя, Надя, вот будет нам мать».
Неродная мать не обидела
Малолетнюю крошку сперва,
А в душе она ненавидела
И отцу вот задачу дала.
«Всею душой люблю тебя, миленький.
Только жить мне с тобою невмочь.
Говорить тебе даже совестно,
Жить на свете мешает нам дочь.
Иль в приют отдай, иль зарежь ее.
Только сделай это все поскорей,
А не сделаешь, я уйду от вас,
Мне одной будет жить веселей».
Мысли зверские впали в голову
Перестал отец дочку любить.
В детский дом отдать было совестно
И решил отец дочку убить.
Жаркий день стоял, духота кругом.
На могилу отец дочь позвал.
Не хотелось ей с отцом идти,
А хотелось проведать мать.
Пахло зеленью, холодок кругом.
Она цветочки стала собирать.
И венок плела, она думала,
Чтоб могилу цветами убрать.
Сердце девичье гибель чуяло.
Вдруг отец: «Надя, Надя!» – стал звать.
«Подойди ко мне, дитя милое,
Я хочу тебе слово сказать».

Лицо бледное подошло к нему.
Отец быстро схватил и стал жать,
Чтобы крик ее не мешал ему,
И на помощь людей не стал звать.
«Ты, дитя мое, иди матери.
Ты мешаешь нам на свете жить.
Пусть душа твоя горемычная
Вместе с мамой в могиле лежит».
А кровь алая по земле течет,
А над трупом убивец стоит.

В лес девчонки за грибами...

В лес девчонки за грибами
Гурьбой собрались.
Как дошли до опушки леса,
В лесу разбрелись.
Ходят, топчут, собирают,
Только мнут траву,
А по лесу раздается
Весело: «Ау!»
А одна из них девчонка
И цветов не рвет,
Об одном она мечтает:
«Что-то мил не йдет».
Вдруг кусты зашевелились,
Бедная дрожит.
Перед ней красивый парень,
Наклонясь, стоит.
«Ждешь ты, ждешь, моя милая», –
Тихо он сказал.
Сам привлек ее в объятия,
Крепко целовал.
«Не целуй меня, мой милый,
Душу не губи,
А вторую городскую
Лучше полюби».
«А зачем мне городская?
Я тебя люблю,
Как приду я из солдатов,
Замуж вас возьму»
Год за годом все проходит,
Бедная все ждет.
Под ее ретивым сердцем

Горе все растёт.
На опушке в чаще леса
Ручеек журчит,
А у этого ручеечка
Береза стоит,
А на этой на березе
Труп ее висит.
Пояс шелковый дареный
Шею перетянул,
Перстень, другом подаренный,
На руке блеснул.
Вот вам, девочки, наука,
Как в лесок ходить,
А другая вам наука,
Как ребят любить.

В саду ягодочка лесная...

В саду ягодочка лесная
С под-за крышею росла.
Свет-княгиня молодая
С князем в тереме жила.
А у князя был слугой
Ванька ключник молодой.
Ванька-ключник – злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
Разлучил князя с женой,
Со княгиней молодой.
Ой, вы слуги, мои слуги,
Вы подите, приведите
Ваньку-ключника ко мне.
Вот ведут, ведут Ванюшу,
На нем ветром кудри выют.
Вот повесили Ванюшу
На шелковом поясу,
А княгиню молодую
На ремennom на кнуту.

По дорожке зимней скучной...

По дорожке зимней скучной лошадка бежит.
В развалененьких санишках мужичок сидит.

Позади его в дровницах черный гроб стоит.
А во этой во гробнице верная жена,
От работы тяжелой, трудной умерла она.
И оставила в наследство семерых сирот,
Много с ними будет горя, много и забот.
Мелки дети будут плакать, вспоминая мать,
Не придет она с кладбища слез детей унять.
По дорожке зимней скучной лошадка бежит,
У твоей сырой могилы сын бедняк стоит.
Спишь ты, спишь, моя родная, спишь в земле сырой
Я пришел к тебе, родная, с горем и тоской.
Я пришел к тебе, родная, чтоб тебе сказать:
«У меня теперь на свете есть другая мать».
Все мечты твои сбылись, все сошлись они.
Встань ты, встань, моя родная, на меня взгляни.

Соловей кукушку уговаривал

Соловей кукушку уговаривал:
«Полетим, кукушка, во дремучий лес.
Совьем мы, кукушка,
С тобой два гнезда.
Выведем, кукушка,
С тобой кукусят.
Тебе – куковенка, а мне – соловья.
(все строчки повторяются по два раза).

Ехали солдаты

Ехали солдаты
Со службы домой,
На плечах погоны,
На грудях кресты.
Едут-проезжают,
Родитель навстречь.
– Здорово, папаша.
– Здоров, сын родной.
– Расскажи, сыночек,
Про службу свою.
– Служба, слава Богу.
Отслужился я.
Расскажи, папаша,

Про семью свою.
– Семья, слава Богу, прибавилась.
Жена молодая
Закон рушила,
Закон нарушила,
Сына родила.
Сын отцу ни слова,
Сам сел на коня,
На коня, на коня,
Поехал домой.
Подъезжает к дому,
Стоит мать с женой,
Мать стоит уныло,
Жена во слезах.
Тебе, мать, прощаю,
Жену – никогда.
Заблестела шашка
Во правой руке.

Буйны ветры

Буйны ветры повевают,
Лес зелененький шумит.
Я сама про то не знаю,
Мне кого из трех любить.
Полюбила бы я такого,
Которого здесь нет.
Жил я в городе Одессе,
Ой, да на улице Равной.
Там стояли четыре башни,
Ой, да посередке – большой дом.
Это не дом-то, не больница,
Ой, да настоящая тюрьма.
Как во этой во тюремной
Ой, да сидел юноша молодой.
Ты раскайся, молодой юнош,
Ой, да сколько душ ты загубил?
Девятнадцать душ крещеных,
Ой, да девяносто пять жидов.
За жидов тебе прощаю,
Ой, да за крещеных – никогда.

Знаменитые жители и уроженцы с. Коровка

Коротков Василий Иванович – полный кавалер ордена Славы¹ ***(09.05.1918–31.12.1985)***

Командир расчета 76-миллиметровой пушки 89-го стрелкового полка (23-я стрелковая дивизия, 61-я армия, 1-й Белорусский фронт), ефрейтор на момент представления к награждению орденом Славы 1-й степени.

Родился 9 мая 1918 г. в с. Коровка Сапожковского района Рязанской области в семье крестьянина, где и начал учиться в школе. Русский. После смерти матери уехал в г. Москву к старшей сестре. Здесь окончил 5 классов. Работал учеником слесаря-водопроводчика в домоуправлении, затем – слесарем на московском заводе «Красный богатырь».

В 1938 г. был призван в Красную Армию. Службу проходил в строительном батальоне трактористом в г. Иман (ныне – Дальнереченск Приморского края). С началом Великой Отечественной войны неоднократно писал рапорты о направлении на фронт, но получал отказ.

В действующей армии – с января 1943 г. Весь боевой путь прошел в составе 89-го стрелкового полка 23-й стрелковой дивизии заряжающим, наводчиком, командиром 76-миллиметрового орудия.

Боевое крещение получил осенью 1943 г. в боях за освобождение Гомельской области Белоруссии. Отличился под г. Туров летом 1944 г. Заменив раненого наводчика, прямой наводкой уничтожил три огневые точки противника. Награжден медалью «За отвагу». Член Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (затем – Коммунистической партии Советского Союза) с 1944 г.

В бою за г. Кобрин (Брестская область Белоруссии) 28 августа 1944 г. ефрейтор Коротков вместе с расчетом уничтожил два дзота, шесть пулеметных точек и группу вражеских солдат, чем способствовал выполнению боевой задачи стрелковым подразделением.

Приказом от 17 октября 1944 г. ефрейтор Коротков Василий Иванович награжден орденом Славы 3-й степени (№ 344814).

После освобождения г. Бреста дивизия была выведена из боев и доукомплектована. После короткого отдыха дивизию перебросили в Латвию, где ее подразделения приняли участие в Рижской наступательной операции в составе 3-го Прибалтийского фронта. В октябре 1944 г. дивизия участвовала в освобождении населенных пунктов Куршанай, Мажейкяй, Вайнёде в составе 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта. Вскоре дивизию вновь перевели в состав 1-го Белорусского фронта, который вел военные действия на территории Польши.

¹ По материалам сайта «Герои страны». URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=13406

При прорыве обороны противника в районе населенного пункта Остроленка (южнее города Варшава, Польша) 14 января 1945 г. ефрейтор Коротков в составе расчета уничтожил четыре огневые точки и группу гитлеровцев.

Приказом от 27 марта 1945 г. ефрейтор Коротков Василий Иванович награжден орденом Славы 2-й степени (№ 29129).

После форсирования р. Одер командир 76-миллиметровой пушки Коротков участвовал в боях за г. Берлин. Сержант Коротков с расчетом 24 апреля находился в боевых порядках пехоты. Артиллеристы уничтожили пять пулеметных точек, пушку и нанесли значительный урон живой силе противника.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 г. за исключительное мужество, отвагу и бесстрашие, проявленные в боях с гитлеровскими захватчиками, гвардии сержант Коротков Василий Иванович награжден орденом Славы 1-й степени (№ 637). Стал полным кавалером ордена Славы.

В 1946 г. был демобилизован. Вернулся в Москву. Работал старшим диспетчером управления автотранспорта Министерства среднего машиностроения. Скончался 31 декабря 1985 г. Похоронен в Москве на Кунцевском кладбище (участок 10).

Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Славы 3-х степеней, медалями, в том числе «За отвагу».

Крестьянинова Полина Яковлевна – снайпер Великой Отечественной войны¹ (р. 1925)

Родилась в 1925 г. в Рязани. В декабре 1942 года, в составе первой группы девушек-добровольцев, была принята в Центральную женскую школу снайперов. В 17 лет, чтобы попасть в первый призыв снайперской школы, Полина приписала себе год. С тех пор год рождения так и указывается в паспорте: 1924. Так что в снайперской школе она была самая молодая.

Какой же в то время, несмотря ни на что, был патриотизм! Ведь ее деда – полкового казака, дважды Георгиевского кавалера за Первую мировую – «раскулачили» (с. Коровка Сапожковского района Рязанской области), и он погиб в ссылке. Отец погиб в боях под Орлом. Кстати, ее младший брат, не попавший на фронт по малолетству, с первым комсомольским призывом поехал осваивать целину. Там и живет до сих пор, в селе, в Карагандинской области.

Окончив снайперскую школу летом 1943 г., в составе 50 девушек Полина была отправлена в запасной полк, а затем – на Калининский фронт, в 21-ю Гвардейскую стрелковую дивизию.

¹ По материалам книг: Чувилкин В.А. Девушки в шинелях. М. : Московский рабочий, 1982 ; Рожденная войной : сб. М. : Молодая гвардия, 1985.

Снайперы выходили на задания парами. С самого начала боевых действий у Полины погибла первая напарница, а через некоторое время и вторая. После этого долго никто не соглашался идти с ней в паре. Полина и сама тяжело переживала потери боевых подруг. Но война есть война... Напарницей Полины часто была ее землячка – Анна Носова.

В августе 1943 г. начальник политотдела 3-й ударной армии полковник Ф.Я. Лисицын сообщал командованию Центральной женской школы снайперской подготовки о первых успехах выпускниц:

«Девушки-снайперы, обучавшиеся в вашей школе, 7 августа 1943 года вышли на "охоту". К исходу дня 12 августа, за 6 суток, все... открыли личные счета, уничтожив 179 оккупантов. В первый же день "охоты" ефрейтор Скрипочкина убила двух фашистов. Белоусова и Галеня по одному, сержант Крамерева и ефрейторы Бычкова и Комарова за первые два дня "охоты" уничтожили также по два гитлеровца. Лучшие показатели имеют: ефрейтор Ускова, истребила 9 немцев, ефрейторы Болтаева и Галеня истребили по 8, ефрейторы Жаркова, Макарова и сержант Крамерева – по 7, ефрейторы Скрипочкина, Шляхова, Крестьянинова и Обуховская – по 6, ефрейторы Прядко и Маринкина – по 5 немцев. Честь и слава девушкам-патриотам, очищавшим советскую землю от фашистской заразы!»

К ноябрю 1943 г. Полина Крестьянинова (в некоторых источниках ее фамилия ошибочно указывается как «Крестьянникова», а имя – «Прасковья»), имела на своем личном боевом счету 13 убитых врагов. В начале 1944 г. была награждена медалью «За отвагу», а позже – орденом Отечественной войны 2-й степени, другими медалями.

В апреле 1944 г. группа девушек-снайперов на несколько дней была отправлена на «охоту» в 219-ю стрелковую дивизию. Фронтная газета 3-й ударной армии «Фронтовик» 23 апреля опубликовала небольшую заметку старшего сержанта А. Гарусова под заголовком «Молодцы, девушки-снайперы»:

«Целыми днями копошились немцы на своей обороне, все усовершенствовали ее. Были даже случаи, когда некоторые фрицы, вконец обнаглели, среди белого дня разгуливали по переднему краю. Мы, конечно, постреливали по ним, но все безрезультатно – дистанция велика, да и не было у нас ни одного снайпера. Несколько дней тому назад прибыло к нам несколько девушек – мастеров меткого огня. Изучив расположение противника, они вышли на свои позиции. Метко стреляют девушки, без промаха. Маринкина, Виноградова и Крестьянинова за короткое время по 7 фашистов убили, а Бычкова – 4. Так девушки-снайперы открыли предмайский счет».

Участвовала в боях под Невелем, на территории Польши и Германии. Войну закончила в Берлине в составе 207-й стрелковой дивизии.

В письме начальнику Центральной женской школы снайперской подготовки начальник политуправления 2-го Прибалтийского фронта генерал-майор Пичунов, сообщая о боевой работе девушек-снайперов, писал:

«...Гвардии сержант Крестьянинова Полина Яковлевна, кандидат в члены ВКП(б), 1924 года рождения, истребила 55 гитлеровцев. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени и медалью "За отвагу"».

За годы войны П.Я. Крестьянинова была лишь один раз легко ранена: вражеский снайпер выстрелил по блику ее прицела, но пуля прошла вдоль головы слегка оцарапав кожу. Хотя сама Полина Яковлевна вспоминала: «Крови было так много, что не могла открыть глаза. Испугалась, что потеряла зрение. Но все обошлось». Ее окончательный итог – 65 уничтоженных фашистов.

***Калмыков Николай Васильевич – человек необычной судьбы
(1904–1970)***

Подавляющее число населения Сапожковского района знают о замечательной подвижнице Божьей – Екатерине Михайловне Хлуденевой, обладающей необыкновенным даром. Но мало кто знает, что такой же человек долгое время жил и в Коровке.

В начале 30-х гг. XX в. Николай Калмыков прибыл в Сапожковский район. В 1937 г. он поселился в с. Коровка, приняв вид юродивого: не стригся, не брился, на одной ноге носил белый валяный сапог, а на другой черный. В селе его звали просто «Коля зачитанный». К нему шли за советом многие люди, а Н. Калмыков никому и не отказывал, всем старался помочь.

Списки старообрядцев села (XIX в.)

***Фрагмент списка раскольников
(полный список на 43 семьи) за 1832 г.¹***

- 1) Никифор Иванов Русинов, 53 года, его жена Пелагея Кондратьева, 51 год, дочь Евдокия, 31 год;
- 2) Трифон Лукин Крестьянинов, 33 года, его жена Арина Семенова, 31 год, дочь Стефанида 18 лет;
- 3) солдатка Прасковья Иванова Ефремова (?), 57 лет, сын Семен, 33 года, ... 31 год;
- 4) Михаил Семенов Шашурин, 35 лет, его жена Арина Сидорова, 34 года;
- 5) Иван Семенов Шашурин, 49 лет, его жена Евдокия Никифорова, 48 лет, сын Александр 26 лет;
- 6) вдова Василиса Иванова Золотарева, 61 год;
- 7) Василий Степанов Подгузов, 35 лет, его жена Алена Сергеевна, 35 лет;
- 8) солдатка Евдокия Степанова, 33 года;
- 9) Сидор Аве... (?) Коротков, 72 года, сын Василий, 45 лет, жена Василиса Степанова, 42 года, дочь Анна, 18 лет;
- 10) Ап... (?) Николаева Золотарева, 40 лет;
- 11) Павел Михайлович ... (?), 66 лет, сын Матвей, 46 лет;
- 12) вдова Ско... (?) Архипова Першина, 41 год;
- 13) Архип Прокопьев Першин, 40 лет, дочери: Александра, 20 лет, Василиса, 18 лет;
- 14) Филипп Иванов Щевьёв, 56 лет, жена Дарья ... (?), 57 лет, дочь Марья, 18 лет, Филиппов брат Григорий Иванов, 52 года, жена Дарья Семенова, 48 лет, дочь Василиса, 31 год;
- 15) староста Сафрон Анисимов Щевьёв, 41 год, жена Пелагея Осипова, 40 лет, дочери: Татиана, 23 года, Лукерия, 18 лет;
- 16) Иван Анисимов Щевьёв, 35 лет, жена Василиса Степанова, 34 года.

Список раскольников за 1854 г.²

«...Главные в селе Коровка: Василий Степанов Подгузов; *Сафрон Анисимов (Щевьёв(?))*; Иван...(Анисимов Щевьёв (?)); Федот Трофимов Пустовалов; Василий Сидоров Коротков; Влас Семенов; Лаврентий Федо-

¹ Реестр старообрядцев в селе Коровка (за 1832 г.) / ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1328. Л. 80–81 об.

² ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 293. Л. 145–145 об.

ров Карпов; Семен Меркулов Колесников; Михаил Семенов Шашурин; Семен Ефимов Першин; Матвей Павлов Мостяев; Моисей Совельев; Матвей Першин; Яков Сергеев Замятин; Макар Петров Задубровский; Андреян Борисов Захарьящев; Михаил Васильев Шашурин; Федор Никитин; Иван Иванов Белолапотков; Вукол (?) Ефимов Першин; Евлампий Першин; Михаил Васильев Крестьянинов; ... (?) Гаврилович Подгузов; Иван Павлов; Иван Никифоров Русин; Захар Тимофеев; Павел ... (?)».

Село Коровка по данным статистики 1890 г.¹

«Расположено на ровном месте, у р. Коровка. Ближайшая станция железной дороги – Кензино, за 32 версты. Из промышленных и торговых заведений есть 2 ветряных мельницы, кирпичный завод, дегтярный завод, 2 кузницы, 2 маслобойни, 3 просушки, 5 молотилок, 3 шерстобитки, 3 мелочных, чайная и 2 мясных лавки...

Община государственных крестьян. I. Землевладение общинное. Земля поделена по наличным душам. Последний общий передел пашни был в 1881 г., по формальному приговору сроком на 12 лет. Лугов нет. Лес до 1885 г. ежегодно рубили отводами, теперь же остался лес мелкий, который служит только пастбищем для лошадей и коров. II. Надел находится в одной отрубной меже и представляет фигуру вытянутую. Дальняя полоса пашни лежит за три версты от поселка. Длина душевых полос 80 саж., а ширина от 5 до 20 саж. III. Почва супесчаная и частично суглинистая. Пашни в двух полях весьма холмисты, а в третьем ровны. Лес дровяной мелкий. Выгон больше в полях по ложинам, только десят. 30 около села... Прогоны удобны. В наделе есть глина и торф, последний не разрабатывают, а из глины с соломой многие делают нежилые здания и крыши. IV. Парового поля удобряют пятую часть. V. Один из домохозяев имеет 112 дес. купчей земли при с. Романовых Дарках, где у него и все хозяйство... VIII. В селении 30 колодцев с хорошою водою, которой всегда достаточно. IX. Для топлива покупают дрова в казенной Липецкой роще 40-50 коп. за воз, многие бедные домохозяйства для топки сушат навоз. X. Рынками служат г. Сапожок и с. Песочня. XI. Местные промыслы: мужские – 41 обрабатывают чужие наделы, 40 работников, 29 пастухов, 25 пильщиков, 16 бондарей, 13 торговцев, 9 плотников, 8 шерстобитов, 9 портных, 7 сапожников, 5 сторожей, 4 скотопромышленника, 4 каменщика, 3 кирпичника, 2 плетут кошелки, 1 кузнец, 1 печник, 1 колесник, 1 овчинник, 1 гонит деготь, 1 барышник лошадей, 1 пчеловод, 1 охотник, 1 кучер; кроме того в свободное от других занятий время 8 семей берут обработку чужих земель. Из женщин – 15 поденщиц, 1 костоправка и 1 кухарка. Отхожие промыслы: мужские – 39 чернорабочих, 11 работников, 10 пильщиков, 5 поденщиков, 4 дворника, 4 сторожа, 3 на суконной фабрике, 2 на медном заводе, 3 на паровой мельнице, 4 извозчика, 1 лесопромышленник, 2 угольщика, 2 кондуктора, 2 стрелочника, 1 машинист, 1 кочегар, 1 слесарь, 1 бондарь, 1 ведерник, 1 красильщик..., 1 на дегтярном заводе, 2 половых, 1 полицейский, 1 хлебопек, 1 приказчик, 1 конторщик, 1 огородник, 1 дорожный мастер, 1 разносчик, 1 конюх, 1 пастух и 1 лакей. Из женщин – 4 поденщицы, 1 работница, 2 прачки, 2 кухарки и 1 красильщица. Уходят

¹ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. Т. IX. Вып. II. Сапожковский уезд. Рязань, 1890. С. 76–77.

на заработки больше всего в Спасский уезд своей губ. Затем в южные губ. России, в Ростов, Одессу, Ставропольскую, Уфимскую, Тобольскую губ. И на Кавказ... XIII. Последние десятилетие было несколько небольших пожаров... XV. Имеется хлебный магазин... XVII. Из числа жителей 97 семей (340 м. и 324 ж.), а также из 31 семьи 15 мужчин и 31 женщина принадлежат к раскольникам безпоповщинской секты Преображенского, Федосеевского и Колядинского согласия».

**Священники Троицкой церкви
(XVII–XXI вв.)**

Имена иереев	Годы служения или упоминания в источниках
Иоанн	Упоминается в 1627 г.
Дружина	Упоминается в 1627 г.
Симеон	Упоминается в 1675 г.
Алексий	Упоминается в 1676 г.
Макарий Симеонов	Родился в 1690 г.
Борис Иоаннов	Родился в 1696 г.
Вонифатий Симеонов	Родился в 1703 г.
Лука, Григорий, Роман	?
Трофим Васильев	Упоминается в 1768 г.
Агапий Лукин	Родился в 1769 г.
Савва Афанасьев	1798–1808
Михаил Андреев	1808–1840
Иоанн Матвеев Некрасов	1840–1844
Петр Акакиев Троицкий	1844–1871
Николай Преображенский	1871–1880
Василий Иванович Троицкий	1880–1907
Александр Васильевич Троицкий	1907–1939
Сергей Николаевич Агафонов	2012 – наст. время

Директора (заведующие и наставники) Коровкинской школы

Период работы	Ф.И.О.	Должность
1888–1907	Троицкий Василий Иванович	Наставник, законоучитель, иерей
1907–1917 (1922 ?)	Троицкий Александр Васильевич	Законоучитель, иерей
1922–1926	Сачков Иван Сергеевич	Заведующий начальной школой
1931–1936	Бирюкова Мария Георгиевна	Заведующая начальной школой
1936–1937	Кузнецов Александр Петрович	Директор семилетней школы
1938–1939	Соловьев Петр Алексеевич	Директор семилетней школы
1940–1941	Чупин Петр Андрианович	Директор семилетней школы
1941–1942	Павлов Алексей Михайлович	Директор семилетней школы
1942–1943	Карпенев Константин Петрович	Директор семилетней школы
1943–1946	Макарьева Нина Григорьевна	Директор семилетней школы
1946–1947	Алферьев Александр Николаевич	Временно исполняющий обязанности директора семилетней школы
1947–1950	Пахомов Степан Семенович	Директор семилетней школы
1950–1954	Живихин Василий Федорович	Директор семилетней школы
1954–1963	Камнева Вера Григорьевна	Директор восьмилетней школы
1963–1968	Афонцев Василий Михайлович	Директор средней школы
1968–1969	Польщиков Николай Алексеевич	Директор средней школы
1969–1973	Воловодов Валерий Владимирович	Директор средней школы
1974–1978	Битов Иван Федорович	Директор средней школы
1979–1987	Замятина Антонина Александровна	Директор средней школы
1987–2000	Фимкина Наталья Васильевна	Директор средней школы
2001–2005	Щевьёв Анатолий Иванович	Директор средней школы
2005–наст. время	Щевьёва Нина Михайловна	Директор средней школы, заведующая филиалом (с 2011 г. – наст. время)

Руководители хозяйств в с. Коровка

Период работы	Название хозяйства	Ф.И.О. руководителя (председателя, директора)
1930–1950	Колхоз «Красная борозда»	
1930–1950	Колхоз «Власть Советов»	Задубровский И.М.
1930–1950	Колхоз «Власть труда»	Чудаков Д.А.
1930–1950	Колхоз «Вторая пятилетка»	Камнев В.А.
1930–1950	Колхоз «Красный Октябрь»	
1930–1950	Колхоз «Новая жизнь»	
1950–1968	Колхоз имени Жданова (с 1950 г. как «Память Жданова»)	Першин И.П. Щевьев П.Н.
1969–1976	Совхоз «Ждановский»	Огальцов А.И.
1976–1985	Совхоз «Ждановский»	Рожков А.В.
1986–1987	Совхоз «Ждановский»	Подгузов В.И.
1987–1992	Совхоз «Ждановский»	Фимкин В.П.
1992–1997	ТОО «Дружба»	Фимкин В.П.
1997–1999	ТОО «Дружба»	Мостяева Н.В.
2000–2002	СХПК «Дружба»	Бадаев С.И.
2002	ООО «Коровка»	Бадаев С.И.
2006–2012	ООО «АГРО-С»	Бадаев С.И.
2012 – наст. время	ООО «АГРО-С»	

Председатели Коровкинского сельского совета

Период работы	Ф.И.О.
1939–1946	Кузнецова Л.И.
1947–1967	Задубровский И.М.
1968–1973	Першин И.П.
1973–1985	Щевьёв И.Е.
1985–1987	Мостяев В.Н.
1987–1998	Замятина А.А.
1998 – по наст. время	Щевьёв И.В. (с 2006 г. как глава Михеевского сельского поселения)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Введение	6
Глава I. Развитие направления микроистории и историография	11
§ 1. Появление терминов «микроистория» и «историческая антропология» в зарубежных исследованиях	13
§ 2. Место микроистории в работах отечественных ученых XIX–XX вв.	17
§ 3. Современная историография и микроистория. Источники микроисторического исследования	20
Глава II. Село Коровка в XVII–XXI вв.: социальные особенности и повседневность	27
§ 1. Казаки – рейтары – пашенные солдаты – государственные крестьяне	29
§ 2. Государственное село на фоне помещичьих владений	36
§ 3. Повседневность и крестьянский быт	40
§ 4. Прозвища, улицы и ландшафты	46
§ 5. От советского села к российской действительности	49
Глава III. Религиозные отношения в сельском обществе с. Коровка (XVII–XX вв.)	53
§ 1. Церковный раскол XVII в. как социокультурный феномен русской жизни	55
§ 2. Культура представителей официальной православной церкви ...	60
§ 3. Старообрядческий «мир» и особенности многоукладной культуры жителей села	64
Глава IV. Книжная культура и образование на селе XVII–XXI вв.	71
§ 1. Старообрядческое книгопечатание. Книжные центры староверов	73
§ 2. Бытование книги в сельском обществе. Духовная литература как основа старообрядческой книжности	75
§ 3. Сравнительный анализ старопечатной и «мирской» книги	79

§ 4. История сельской школы (с. Коровка XIX–XXI вв.): уникальная педагогическая система и ментальность учительства против обстоятельств	81
Заключение	91
<i>Послесловие</i>	94
Список использованных источников и литературы	96
Приложения	102
<i>Приложение 1.</i> Хронологическая таблица	102
<i>Приложение 2.</i> Словарь терминов и понятий	104
<i>Приложение 3.</i> Песни и стихи жителей с. Коровка (XVII–XXI вв.)	113
<i>Приложение 4.</i> Знаменитые жители и уроженцы с. Коровка	122
<i>Приложение 5.</i> Списки старообрядцев села (XIX в.)	126
<i>Приложение 6.</i> Село Коровка по данным статистики 1890 г.	128
<i>Приложение 7.</i> Священники Троицкой церкви	130
<i>Приложение 8.</i> Директора (заведующие и наставники) Коровкинской школы	131
<i>Приложение 9.</i> Руководители хозяйств в с. Коровка	132
<i>Приложение 10.</i> Председатели Коровкинского сельского совета	133

Научное издание

Щевьев Анатолий Анатольевич

МИКРОИСТОРИЯ СЕЛА:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ
И «МИРСКОЙ» КУЛЬТУР
И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
(С. КОРОВКА XVII–XX ВВ.)

Монография

Корректор Г.И. Ершова
Верстка М.В. Твердоступ

Подписано в печать 18.04.2014. Бумага офсетная. Формат 60х84¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 7,90. Уч.-изд. л. 8,2. Тираж 500 экз. Заказ № .

Общество с ограниченной ответственностью
«Издательство «Концепция»
390044, г. Рязань, ул. Крупской, д. 17, корп. 1

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «ЭКОТЕКСТ»
390046, г. Рязань, Скорбященский проезд, д. 18.
Тел./ф.: (4912) 24-04-09, 24-06-09.